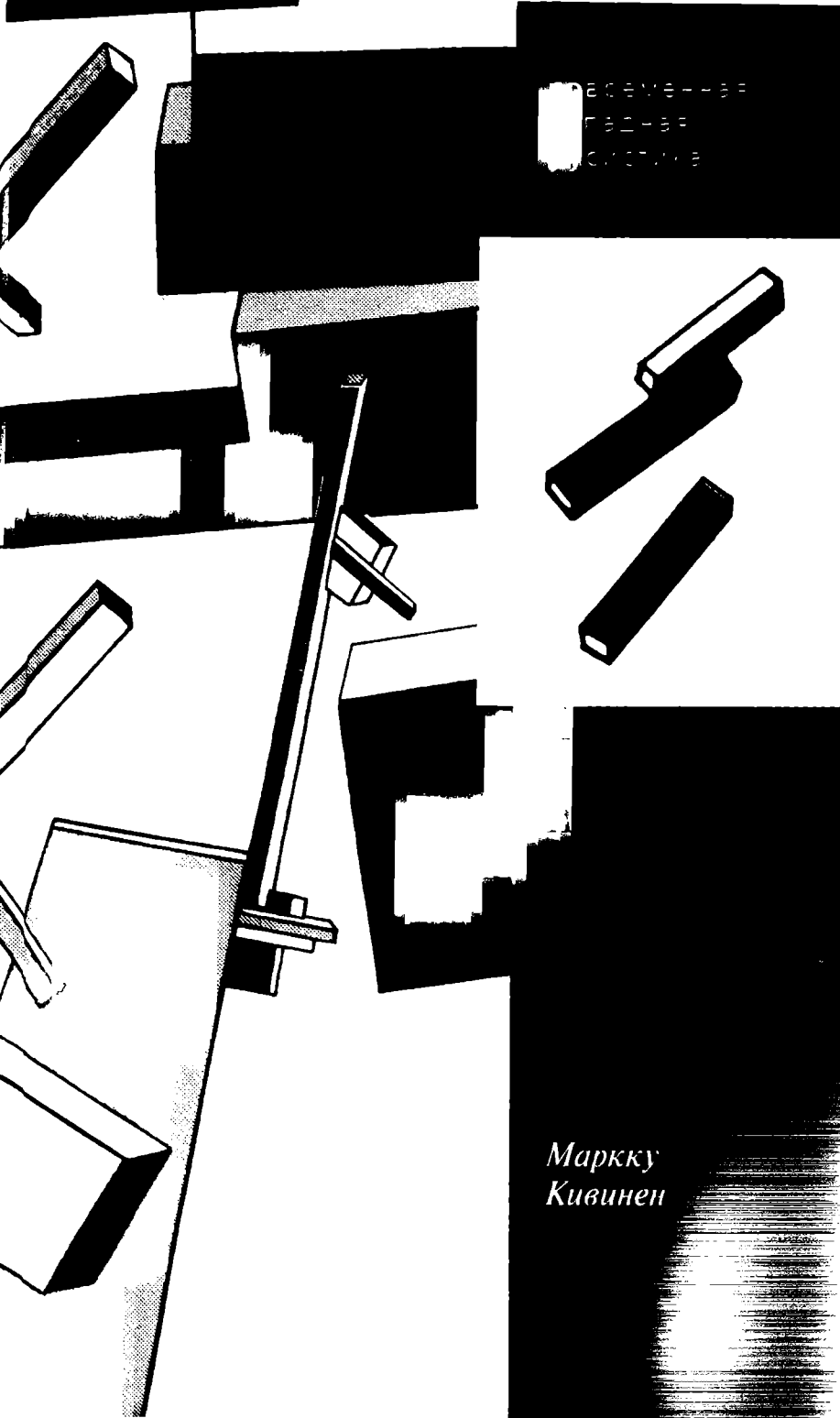

BOBEN-BOBEN
BOBEN-BOBEN
BOBEN-BOBEN

Маркку
Кивинен

ALEKSANTERI—INSTITUUTTI

RA

F

M. KIVINEN

PROGRESS AND CHAOS:

**RUSSIA AS A CHALLENGE FOR THE SOCIOLOGICAL
IMAGINATION**

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

ИЗДАНИЕ

1999

1

М. КИВИНЕН

ПРОГРЕСС И ХАОС:

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОШЛОГО
И БУДУЩЕГО РОССИИ**

ИЗДАНИЕ
1999

ИЗДАНИЕ
1999

ИЗДАНИЕ

1999

ИЗДАНИЕ

1999

ИЗДАНИЕ
1999

Санкт-Петербург
2002

ИЗДАНИЕ
1999

Редакционная коллегия серии
«Современная западная русистика»:
Б. Ф. Егоров (*председатель*),
Я. А. Гордин, А. В. Лавров, М. А. Турьян.

Перевод с английского М. Ф. Черныша

Издание осуществлено при поддержке Александровского института
(г. Хельсинки) и издательства «Kikimora Publications»

ISBN 5-7331-0246-2

© М. Кивинеи, 2002
© М. Ф. Черныш, перевод, 2002
© Издательство «Kikimora Publications», 2002
© Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так много занятий в жизни способны доставлять столько уже удовольствия, сколько доставляет написание книги. Считается, что писательский труд обрекает человека на одинокое, зачастую скучное существование. На самом деле, вопреки распространенной точке зрения, написание книги, а особенно подготовка материалов для нее — это во многом социальный процесс. По крайней мере, именно таким был процесс написания данной работы: она стала результатом многочисленных дискуссий и встреч, лекций и откликов на них, вопросов и встречных доводов, звучавших в разных научных сообществах.

За несколько лет мне довелось работать в Рованиеми, столице финской Лапландии, в английском университете графства Уорвик, а в последнее время, в Хельсинки. В Рованиеми, мой коллега Юха Эскелинен делал все от него зависящее, чтобы у меня всегда было достаточно книг. Порой мне казалось, что груда книг, которые мне предстояло одолеть, похоронит меня заживо. Юха следил за тем, чтобы я не отвлекался на посторонние занятия. Его бессмертный вопрос: «Ну что, мы по-прежнему топчемся на месте?» всегда приводил меня в бодрое расположение духа. Многие другие коллеги и друзья из Университета Лапландии оказали мне огромную помощь своими отзывами и добрыми пожеланиями. На протяжении нескольких лет я пользовался возможностью постоянно общаться с Лео Гранбергом, Маркку Йоутсеноя, Марьо Лиуконен, Юкка Мякеля, Марьо Оутила, Иорма Пууроненом, Сеппо Райскки, Калле Рейникайненом, Улла Сало, Мартти Снисняйненом и Сейя Туулентие. Все они помогли мне понять, что такое социология.

В Университете графства Уорвик, я встретился с Саймоном Кларком и Питером Фербротером. Они оба показали мне яркий пример того, как эмпирическое исследование может решать сложные теоретические задачи. Несмотря на то, что мое понимание России имеет иную направленность, я многому научился у них, получая уникальные знания в интересовавшей меня области.

Настоящая книга писалась как составная часть проекта Финской Академии наук «Культурная инерция и социальные изменения». Вместе с Юкка Гроновым и Элиной Хаавио-Маннилла, я руководил этим проектом в Университете г. Хельсинки. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить благодарность им обоим. Я также хотел бы выразить особую признательность Сату Тихверья-Хухтала, проделавшему огромную работу по обработке неформализованных интервью и количественных данных для дальнейшего анализа.

За последние два года, работая в качестве Директора Финского центра российских и восточноевропейских исследований, я встречался со многи-

ми учеными и экспертами, занимающимися Россией. Убежден, что внутри группы специалистов, объединенных Центром, возникла особая культура научной полемики. В этой среде никто не обязан просить разрешения у кого бы то ни было на то, чтобы высказать свою точку зрения. В этой среде нет нужды создавать искусственные конфликты или искать воображаемых демонов. Я очень благодарен всем тем, кто работает в Институте, за то, что они оказывали поддержку этой новой культуре, за лояльность в отношении своего Директора, который часто вместо того, чтобы вести каждодневные дела, кропотливо завершал работу над своей рукописью.

В моих социологических экскурсах по России самым верным моим попутчиком была моя жена Анна-Лийса и мои сыновья.

Я получал отклики и критические замечания в отношении разных версий этой рукописи от Ристо Алапуру, Раймо Блома, Анны Хайла, Элины Кахла, Хейкки Люостаренена, Харри Мелина, Йоуко Никула, Матти Виртанена и Марины Витухновской. Я очень благодарен им за их вклад в написание этой книги.

В течение ряда лет я работал в тесном контакте с российскими учеными, многие из которых стали моими хорошими друзьями. Светлана Баньковская, Вадим Борисов, Елена Игитханян, Владимир Ильин, Вероника Кабалина, Марина Киблетская, Павел Романов, Михаил Черныш, Анна Темкина и Виктор Воронков были для меня надежными проводниками в исследованиях российского общества.

В книге нет готовых решений российских проблем. Сегодня российское общество находится в состоянии неопределенности. Поэтому я хочу посвятить этот труд всем моим российским коллегам, продолжающим работать в очень трудных условиях. Они делают все возможное, чтобы социальный анализ внес свой вклад в определение будущего этой огромной, полной загадок страны.

Глава 1. ВСТУПЛЕНИЕ

Первый пролог

Калле Лепола, старший сын мелкого фермера-арендатора, опаздывал на работу. Его ожидали в Пиезанене, где он должен был трудиться с утра до вечера. Пиезанен был в прошлом и является поныне крупнейшей фермой в области. По общему мнению, ее площадь составляет около 2000 гектаров земли.

Калле слишком долго валялся в постели, поэтому на работу он прибыл на десять минут позже положенного. Хозяин фермы сказал ему, что послаблений не будет. Калле придется компенсировать свое опоздание дополнительным рабочим днем. Калле не захотел смириться с наказанием и целый день протестовал против него. Вечером его отец, услышав от сына о случившемся, был потрясен. Как могло Калле прийти в голову спорить с хозяином? Страх, охвативший отца, был нормальной для того времени реакцией на происшедшее: в Финляндии XIX века преобладал дух покорности и послушания. Но вскоре в жизни стали происходить изменения. Эта история положила начало формированию рабочего движения в Корпилахти.

Калле Лепола стал влиятельным человеком. Он участвовал в основании движения за открытие кооперативных магазинов и в организации нескольких рабочих объединений. В 1916 году он был избран в Парламент в качестве представителя мелких фермеров-арендаторов. Во время выборов 1917 года он мобилизовал в своем округе второй по численности социал-демократический электорат. Во время гражданской войны Калле Лепола принимал активное участие в разработке радикальных законов о правах и статусе фермеров, арендующих землю. Накануне окончания войны Калле поручили отправиться в Россию, чтобы обеспечить размещение там терпящих поражение красных сил. Это задание привело его в Советский Союз, где он принял участие в создании Финской Коммунистической партии. По прибытии в Финляндию Калле был арестован и избит, но вскоре возвращен в

Советский Союз в рамках программы обмена заключенными (Lahti, 1994, 387—389). В 1931 г. на съезде Коммунистических и рабочих партий Калле Лепола выступил с докладом, посвященным крестьянскому вопросу. Хотел бы я знать, о чем говорил сын мелкого фермера-арендатора на фоне набирающего темп процесса коллективизации. Калле пропал в 1937 году. Его имя высечено на установленном в Корпилахти памятнике в дополнение к списку тех, кто погиб за свои убеждения в гражданскую войну 1918 г. Вы найдете его имя в последней строчке на памятнике: Калле Лепола, Ленинград, 1938 г.

Второй пролог

Я опаздывал на встречу в Институте социологических исследований СССР. Встреча была назначена на 12 часов дня, но по дороге из гостиницы «Академическая» я наткнулся на немецкого ученого, занимавшегося изучением проблем Аральского моря. Шел 1985 год, в отеле Академии наук было не очень много западных ученых, и я не мог отказать себе в удовольствии обменяться мнениями с заезжим немцем. Это, однако, означало, что на встречу я не успеваю.

Я влетел на станцию метро Октябрьская и сел в поезд до станции Профсоюзная. Дорога, оказавшаяся неблизкой, отняла у меня около 40 минут. Я вышел из метро и отправился на перекресток двух больших улиц. По дороге попытался войти в здание Института им. Патриса Лумумбы, чтобы уточнить, куда мне двигаться дальше. Но внутрь я не попал, поскольку основной вход в здание ремонтировался. Вскоре, однако, мне удалось найти нужную мне улицу. Оставалось отыскать тот адрес, который мне дали: Кржижановского 24/35.

Мне и до этого доводилось бывать в Москве, но в Институт социологических исследований я направлялся в первый раз. Институт имел не слишком высокую репутацию среди моих коллег. Эмпирические исследования, выполняемые им, считались скучными и неинтересными. Это не то место, куда нужно идти, если хочешь встретиться с ведущими советскими социологами, говорили мне. Однако меня заинтересовали работы Отдела социальной структуры Института, и поэтому, несмотря на сказанное, я отправился по адресу, который мне дали в Отделе внешних сношений Академии наук.

В конце концов, я, как мне показалось, без особых затруднений нашел нужное здание. Войдя внутрь, я обнаружил огромный холл, уставленный большими статуями. Несколько пожилых женщин счищали с них пыль. Нет, подумал я, это не похоже на Институт социологических исследований. Я обратился с вопросом к полной женщине в платке, сидевшей около входной двери. Нет, ответила она, это — не Институт социологических исследований. Она ничего не слышала о подобном заведении. За поворотом, однако, есть несколько каких-то институтов. Можно попытаться отыскать его там.

По совету полной женщины я вышел из здания и повернул за угол. Там было несколько зданий, имевших один и тот же номер: 24/35. В первом здании располагался гараж, в котором ремонтировались старые изношенные грузовики. Во втором здании было общежитие. Третье здание выглядело более перспективным. Было ясно, что это — какое-то учреждение. Я вошел внутрь.

При входе не было никакой охраны. Вдоль хмурых и мрачных коридоров шел ряд серых дверей, на каждой из которых было табличка и фотография. Похоже на Институт социологических исследований, подумал я. В конце коридора я увидел женщину, к которой обратился все с тем же вопросом о том, где мне найти Институт социологических исследований. Она очень спешила. «Нет, — сказала она, — не здесь. Вон в том кабинете». Я пошел к указанной ею комнате. Войдя, я увидел худого, неприятного старика, сидевшего за большим столом. Заметив меня и еще не зная суть моего дела, он попросил меня закрыть за собой дверь. Выполнив его просьбу, я снова попытался обратиться к нему с вопросом о том, где располагается Институт социологии. «А что вы там разыскиваете?» — спросил он. Ничего, ответил я. Меня интересует сам Институт, поскольку я — иностранец, которому там назначена встреча. Его лицо скривилось в усмешке. Подобного лица я до этого никогда не видел. В нем было столько презрения и пренебрежения к посетителю, что это трудно описать словами. Даже выражение «зубы гиень», придуманное для Пиночета, было бы в этом случае недостаточно точной характеристикой. «А вы знаете, где вы находитесь? — продолжал усмехаться старик. — Это — охрана». Вот оно, я прямиком забрел в лапы КГБ! Я вскочил с кресла и извинился за то, что ошибся адресом. Снова стал объяснять, что на самом деле искал Институт социологических исследований. Но кагэбиста это уже мало волновало. Я показал ему бумажку, на которой был написан адрес института. Адрес

был продиктован мне по телефону. Я записал его на бумажке, на которой кроме него была масса иностранных имен и заметок на английском и финском языках. Старика это явно заинтересовало. «Кто вам дал эту бумажку?» — спросил он. «Я получил ее в Академии наук», — ответил я, еще раз подчеркнув, что ищу Институт социологических исследований. «Но у нас нет Института социологических исследований», — сказал старик.

Я начал подозревать, что меня, возможно, специально послали по неверному адресу. Разозлившись, я уже более резко повторил, что ищу учреждение, располагающееся по адресу: Кржижановского 24/35. Кэгэбист еще раз внимательно посмотрел на мой листок бумаги и, как мне показалось, на него снизошло некоторое понимание ситуации. Он встал, подошел к окну и после секундной паузы произнес: «Теперь все понятно. Они не указали корпус здания. Институт находится по соседству с нами». Проблема заключалась в том, что по данному адресу имелось несколько корпусов с разными номерами. Я находился в четвертом корпусе, а институт — в пятом.

Я направился к двери, но прежде, чем я попрощался с ним, кэгэбист послал мне вслед загадочную фразу: «Не беспокойтесь. Здесь везде лоди». Не знаю, что он имел ввиду.

Еще до того, как я вошел в Институт социологических исследований, там получили сообщение о том, что я, заблудившись, угодил в КГБ. Профессор Филиппов, с которым я никогда до этого не встречался, обнял меня у входа. Мы начали нашу беседу. «Здесь все как в любом другом обществе, — утверждал профессор, — Учителя учат детей, рабочие трудятся на предприятиях, врачи лечат больных, а армейские офицеры командуют своими частями». Далее он изложил официальный подход к развитию классовых отношений: советское общество становится все более однородным, неквалифицированная прослойка рабочего класса становится все меньше. Дело, однако, шло к перестройке и профессор добавил кое-что от себя: «Несмотря на то, что неквалифицированных рабочих становится все меньше, их число все же весьма значительно — 56 миллионов».

Калле Лепола, старший сын моего деда, был одним из первых представителей Финского рабочего движения, приехавшим в Советский Союз с надеждой. Я, вполне возможно, был одним из последних. Но мы оба оказались в лапах КГБ. Приезд Калле закончился для него трагедией, мой приезд был больше похож на фарс. Нет нужды цитировать известное изречение Маркса.

Эта книга представляет собой попытку объяснить, почему мы оба отправились в Советский Союз, и почему наши надежды не оправдались. Здесь предлагается обобщающий подход к анализу властных отношений, классов и культурных особенностей России и Советского Союза. В этой книге в центре внимания будет Россия, но в полемике о ее судьбах нельзя пройти мимо таких тем, как рабочее движение на Западе и перспективы критической социологии.

Я понимаю, что автора книги, претендующей на столь широкий охват, легко заподозрить в мании величия. Но я считаю, что именно такой подход сейчас совершенно необходим. Россия обескровила армии Наполеона и Гитлера, но помимо этого повергла еще одну армию — армию строителей социализма. Миллионы страниц написаны о русской душе, революции, марксизме-ленинизме, тоталитаризме, плановой экономике, событиях 1991 года, перестройке и переходном периоде. Что же я могу добавить к уже написанному?

В двадцатом веке миллионы людей связывали свои надежды с установлением власти пролетариата, с победой социализма и коммунизма. Многие тысячи агитаторов пропагандировали советский опыт. Однако, большие надежды всегда заканчивались разочарованием: сначала хаос в сельских районах, гротеск публичных судебных процессов, бесследные исчезновения людей, абсурдный культ личности, а далее, безумная растрата ресурсов, провалы в экономике, растущее внутреннее напряжение и, наконец, застой.

И несмотря на это, социализм оказался крепким орешком для многих людей, даже для интеллектуалов. Взять хотя бы Жана Поля Сартра и Симону де Бовуар с их отношением к Советскому Союзу и социализму. Можно ли было, к примеру, доверять слухам о лагерях и репрессиях? (Beauvoir, 1991). А если поверить им, то что тогда остается святого? Для многих интеллектуалов, перешедших в стан левых после войны, разоблачение преступлений Сталина было равнозначно краху всей их жизни. Многие продолжали колебаться между надеждой и отчаянием. Среди таких оказался и великий Сартр (см.: Sartre, 1977).

Даже тогда, когда стало ясно, что в странах Восточной Европы нет настоящей демократии, многие европейские интеллектуалы воздерживались от критики социалистической системы:

«Я вдруг понял, что озабоченность западных социалистов проблемами собственности, классового господства и классового

конфликта заставляет их воздерживаться от открытого обсуждения происходящего в Восточной Европе. В каком-то смысле социалистические государства рассматривались как более прогрессивные, чем западные, такие, например, как Великобритания. По мнению западных интеллектуалов, несмотря на имеющиеся у них «недостатки», социалистические режимы, отменившие частную собственность на средства производства, сделали двадцатимильный прыжок за рамки капиталистической системы. Считалось, что там, в социалистических странах уничтожена или сведена к минимуму классовая эксплуатация, конкуренция и индивидуализм собственника — три основных порока капитализма» (Keane, 1988, 199—200).

Несмотря на то, что в английском рабочем движении уже давно не осталось «попутчиков» советского режима или же сочувствующих ему, сохранилось чувство, что любая критика Советского Союза должна быть «товарищеской»: в конце концов, что бы там ни было, а Советский Союз выступал на стороне рабочего класса:

«Поскребите этих социалистов, и вы быстро обнаружите у них наивную веру в “социалистические достижения” Советского блока: полную занятость, улицы городов, свободные от рекламы потребительских товаров, безупречно чистый, эффективный метрополитен, отсутствие вандализма и надписей на стенах, мирное население, окруженное заботой» (Keane, 1988, 201).

Важным аспектом жизни Советского Союза была его устойчивость и огромная мощь. В 70-е годы орган Финского коммунистического движения писал: «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать».

И, действительно, для многих интеллектуалов марксистской ориентации распад Советского Союза был равнозначен гибели всемогущего божества. Их объяснение мира исчезло без следа. Исчезло все, во что они верили, потеряло силу все, что они говорили. Для нас, граждан Финляндии, выросших в период «Второй республики», Советский Союз имел немало других глубинных черт, обычно приписываемых божеству (Alarigo, 1997). Как правило, он являлся нам в облике друга, но при этом он мог стать злобным и опасным. В Финляндии полемика о Советском Союзе всегда приобретала эмоциональный характер. Советский Союз смог поколебать позиции даже Урхо Кекконена, занимавшего пост президента Финляндии в течение трех десятилетий — с середины 50-х до середины 80-х годов. Кекконен не имел себе равных среди граждан своей страны и держал ответ только перед Богом.

Да, именно так: смерть божества. Пусть эта метафора заставит вас на миг остановиться и задуматься о том, что произошло. Только фундаменталисты найдут в этом факте повод для печали. В интеллектуальном смысле смерть божества может стать для народа наилучшим исходом. Когда заканчивается вера, начинаются размышления. Но что может помочь нам понять то, что произошло? На какое социологическое знание мы можем опереться?

Я не собираюсь писать в этой книге историю российской социологии. У меня нет намерения отыскивать в прошлом достижения дореволюционных социологов, даже несмотря на то, что такая тенденция заявила о себе в настоящее время. Я не собираюсь ставить в заслугу российской науке блестящие работы Питирима Сорокина. Я не собираюсь тратить время на то, чтобы доказывать особую глубину дискуссии двадцатых годов. Ведь все это осталось в прошлом. А далее история развивалась по известному мрачному сценарию. Все, что было раньше, было объявлено буржуазной социологией. Ей противопоставлялся марксизм-ленинизм и, особенно, исторический материализм, выдаваемый за марксистскую социологию. После смерти Сталина картина стала богаче красками. Эвальд Васильевич Ильенков попытался создать новые основания для критической марксистской философии (Ильенков, 1960). Стала развиваться эмпирическая социология, включая исследования бюджета времени. Борис Грушин стал мечтать об эмпирических исследованиях критического плана. Юрий Левада принялся проповедовать идеи Вебера. Владимир Ядов занялся эмпирическими методами для исследования образа жизни. В своей лаборатории Леонид Гордон подошел к анализу новых инструментов для критического исследования социальной структуры (Ядов, 1996). Об этих этапах в развитии советской социологии много написано (Shlapentokh, 1987; Shlapentokh, 1990) и, конечно же, будет написано еще больше.

Причина, по которой я не буду рассуждать на эту тему, состоит в том, что у меня иной ракурс зрения. В данной работе я уделяю основное внимание теоретическим подходам и систематичной аргументации. Традиции советской социологии мало что дают в этом отношении. Иосиф Бродский (1986) назвал политическую науку «сухим песком». Следует признать, что в этом определении есть немало истины. Поразительно, но несмотря на глубину потрясений и трагедий, пережитых российским обществом, российская социология не вышла за рамки безобидных

эмпирических исследований, не выработала сколько-нибудь серьезных теоретических концепций. И это при том, что именно теоретические концепции являются основой рефлексии в общественных науках. Разумеется, было бы неверным говорить о существовании социологических законов или системных теорий. Но нельзя отрицать и то, что социологическая традиция имеет в своем распоряжении ряд полезных концептуальных инструментов, которые можно использовать более успешно, чем это делалось в советском обществоведении.

В определенной степени отсутствие социологических концепций и ныне является проблемой для российских общественных наук. Создается впечатление, что почти все более или менее известные российские социологи обзавелись собственными научными институтами, в которых проводятся многочисленные прикладные исследования мнений или ценностей по самым разным проблемам, вызывающим интерес у их создателей. Может показаться, что лишь немногие из этих научных учреждений имеют достаточно энергии и энтузиазма, чтобы заниматься серьезной теоретической работой. В настоящее время внимание российских социологов, да и многих рядовых россиян поглощено разработкой философских оснований «русской идеи», нередко соединяемой с идеей соборности и православия.

В России в последние годы предметом обсуждения стали моральный и духовный надломы в обществе (см., например: Кара-Мурза, 1995; Oittinen 1995, 8). Обсуждение таких тем, как особый характер российских общественных институтов и социальной структуры отошло на второй план. Серьезный социологический анализ нужен именно для того, чтобы противодействовать подобной аргументации нравственного порядка. Однако, такой анализ не может заключаться только в общих разговорах о «модерне» или извращении «модерна» в России. Необходим глубокий социологический анализ властных, классовых и культурных структур. Только на таком базисе трансформация российского общества может стать подлинно современной — демократичной, осмысленной и гуманной. Демократия — это более сложная материя, чем, к примеру, антисемитские цивилизационные теории.

Я не претендую на то, чтобы представить в этой книге адекватное обоснование для подобной трансформации. Я, однако, ставлю своей целью анализировать отдельные факты при помощи существующих теоретических концепций, опосредуя теорией любые ссылки на эмпирические данные.

Можно утверждать, что эмпирическая абстракция, порождаемая российской социологией, находится в противоречии с большой западной теорией социального анализа. Современный социологический дискурс по поводу перемен в России сконцентрирован на проблеме модернизации. Эта проблема была в центре внимания социологов и тридцать лет назад, когда обсуждались перспективы развивающихся стран. В том, что касается теоретических концепций и научных стратегий, исследования, посвященные СССР и России, отличались не только политической предвзятостью, но и теоретической отсталостью. Сказанное выше справедливо даже с учетом имеющихся достижений.

Я буду следовать основополагающему методологическому положению Ч. Р. Миллса, в соответствии с которым задача социологии состоит в том, чтобы соединить индивидуальные события с большими структурами и историческими процессами (Mills, 1959). Для Миллса точки пересечения социальных сред со структурами общества лежат в сфере власти и социальной стратификации (Mills, 1956a; 1956b). Я буду стремиться продолжить эту традицию. Кроме этого, я охвачу анализом еще и культурные структуры.

В этой работе будут использованы многие источники эмпирической информации: данные исследований, материалы фокусированных интервью, а также научная и другая литература и, в частности, классические тексты и исторические материалы.

В качестве источника количественной информации использованы, во-первых, данные исследования «Сравнительный проект классовой структуры и классового сознания», проведенного весной 1991 г. под руководством Эрика Олина Райта. Это исследование базировалось на представительной выборке населения Европейской части России. Во-вторых, при работе над книгой использовались данные эмпирического исследования, выполненного в Санкт-Петербурге в 1996 г. в рамках проекта «Социальные изменения и социальная инерция», финансировавшегося Финской Академией наук.

Материалы фокусированных интервью были собраны в Санкт-Петербурге в 1994 году при помощи метода «снежного кома». Мы взяли интервью у примерно 30 человек, представляющих различные профессиональные группы. В этом интервью изучалась биография респондентов и стратегии выживания. План интервью можно найти в приложении I.

При анализе материалов качественного характера акцент делается на концептуальных основаниях. Иными словами, в книге

не рассматриваются детали сказанного респондентами. Во главу угла мною поставлены концептуальные структуры и логика интерпретации полученных данных. Предлагаемые интерпретации заслуживают серьезного внимания только в том случае, если высказывания отдельных людей могут быть надежно связаны с полемикой о макро-структурах. В этом контексте было бы бесполезно говорить о «верификации» данных.

Я думаю, что вряд ли имеет смысл подвергать критике существующие социологические теории или концепции за то, что они плохо пригодны для анализа изменений в Восточной Европе (Piirainen, 1997). Более плодотворным является подход, при котором определяются условия применения различных концептуальных инструментов. Здесь необходимо сделать одно общее замечание по поводу развития социологических теорий.

Социологические теории не развиваются посредством кумулятивного накопления новаций. Им не свойственно быть подверженными радикальным, парадигмальным сдвигам. Скорее, построение социологических теорий — это процесс релятивизации и параллелизма. К примеру, как будет видно далее, критика теории плюрализма Роберта Дала не отменяет ее концептуальных или стратегических оснований или результатов его исследований. Напротив, эта критика выдвигает на первый план другие уровни концепции власти и новые исследовательские стратегии. Эти новые подходы могут в дальнейшем быть связаны с различными политическими практиками и жизненными формами.

Важно также подчеркнуть, что изучение классов не базируется на взаимоисключающих теориях. Марксистская и веберианская теория классов могут показаться жесткими антитезами, но, в конечном итоге, по некоторым вопросам они могут приходить к одинаковым выводам, например, по вопросу о профессиональной структуре общества. Разные подходы и разные концептуальные основания могут лежать в основе сходных характеристик состояния классов и классового сознания в России.

При анализе культурных структур моей целью является обнаружение и анализ (в духе Дюркгейма) структур божественного, определявшего логику жизни в советском обществе. Вместе с тем, я не рассматриваю эти структуры как внешние по отношению к последствиям человеческих действий и к людям, их совершающим. Напротив, вслед за Антони Гидденсом, я постараюсь показать, как эти культурные структуры предопределяли формы реализации большевистского проекта и в конечном итоге привели к

непредсказуемым результатам. Эта тотальность осознанных проектов и неожиданных результатов должна приниматься во внимание как в политике, так и в жизненных практиках. Эта тотальность разрушает первоначальное восприятие божественного и ведет шаг за шагом к его изменению.

Выделив власть, классы и культуры в качестве основных измерений в исследовании структур и жизненных практик, я тем не менее хочу подчеркнуть, что не рассматриваю их как независимые друг от друга сферы действительности. В моем понимании это — лишь разные аспекты действительности. Исходя из этого, ключ к разгадыванию действительности состоит не в том, чтобы изучать эти сферы по отдельности, а в том, чтобы искать пути их изменения и взаимовлияния. Вопросы, которыми нам следует задаваться, могут звучать следующим образом: каким образом классы являются нам в качестве культурных конструкторов; как власть правящего класса может быть связана с определенными культурными кодами и проектами?

Эта книга представляет собой первое обобщение моего многолетнего опыта исследования изменений в Восточной Европе, в особенности, изменений в России и странах Балтии. Следует, однако, сказать, что это не простой отчет о проведенных эмпирических исследованиях. В этой работе я пытаюсь вплести результаты моих эмпирических исследований в ткань теоретического анализа. Рассматриваемые в книге проблемы отнюдь не общие социологические абстракции. В конце концов речь идет о фундаментальных проблемах повседневной политики и социальной мысли. Местами книга затрагивает теоретические проблемы, но там, где это возможно, я стараюсь снизить уровень обсуждения до категорий, понятных здравому смыслу.

Как уже говорилось выше, цель книги не в том, чтобы вдохнуть новую жизнь в старую дискуссию о модерне и постмодерне. В ней делается попытка проложить маршрут где-то посередине — между высокими социологическими обобщениями и результатами опросов общественного мнения. Западные социологи, как нам известно, тяготеют к первому, их российские коллеги — ко второму.

В этой книге дается авторская интерпретация того, что представлял собой Советский Союз, и делается попытка оценить, в каком направлении движется современная Россия. В решении этих задач теория должна сыграть важную роль, но главная цель книги сугубо практическая. В конечном итоге вопросы, которые я хочу

поставить, звучат следующим образом: в каком направлении будет развиваться рабочее движение в наступившем тысячелетии? Может ли оно учесть опыт прошлого столетия? Может ли социология помочь ему в овладении этим опытом?

Из такой постановки вопроса вовсе не вытекает (как в некоторых троцкистских течениях), что вот сейчас в России появится настоящее рабочее движение, готовое выполнить великую историческую миссию по свержению капитализма и захвату власти. Наоборот, я склоняюсь к мысли о том, что распад Советского Союза неизбежно приведет к переосмыслению идеальных начал во всем рабочем движении. Возврат рабочего движения к фундаментализму в любой его форме уже невозможен. С другой стороны, вряд ли возможно усилить рефлексивное начало в рабочем движении посредством общего теоретизирования на тему уважения к традициям (Giddens, 1994). Напротив, мы сейчас должны обратиться к тем ключевым вопросам, которые всегда остро ставились именно левой традицией: собственность, демократия, власть, прогресс и т. д. И это нужно делать, включая в анализ опыт России и Советского Союза. Рефлексия рабочего движения должна быть исторической и теоретической по своему характеру. Но левой интеллектуальной традиции для этого недостаточно. Ее недостаточно для анализа властных отношений, культурных структур или даже для анализа классов. Единственным инструментом, доступным для рабочего движения, является социологическое воображение, так, как его понимал Милз.

На Западе существует немало влиятельных теорий, раскрывающих базовый характер Советской власти (см., в частности: Misztal, 1993). Я буду касаться этих теорий на протяжении моей книги, но четыре концепции заслуживают упоминания в самом ее начале.

Теории тоталитаризма, рожденные в разгар холодной войны, сравнивали коммунизм с фашизмом. Обе системы характеризуются однопартийной системой, культом личности вождя, устранением инакомыслящих, постоянной пропагандой. Более поздние варианты этих теорий отмечали уменьшение значимости не прикрытого насилия и репрессий после смерти Сталина (см., в частности: Mlynar, 1990). Сегодня эти теории доминируют в российских общественных науках. В большинстве случаев российские общественеды проводят черту между сталинским тоталитаризмом и авторитарной системой брежневской эпохи.

В период разрядки в российском обществоведении начали набирать силу теории модернизации, подчеркивавшие наличие

общих черт между западным и российским обществом. Отмечалось, что в обоих обществах развитие связано с возникновением индустриальных структур, крупных корпораций, власти управленцев. Сегодня социологи вернулись к разговорам о российских путях модернизации и застоя.

Третья теория делает акцент на отсутствии в России, да и в других социалистических странах гражданского общества. На Западе эта теория получила развитие благодаря целому ряду ученых, среди которых можно отметить Андре Арато и Джона Кина (см.: Feher and Arato, 1989; Keane, 1988). Эта аргументация имела большое влияние на движение Солидарность в Польше, а также на становление других сил, совершивших революции в Восточной Европе в 1989 году.

Четвертая теория рассматривает социализм как особую институциональную структуру, имеющую собственную логику развития. Представители этой школы (такие, как, например, Старк: Stark, 1989) обращают внимание на механизмы достижения согласия в плановой системе, ведущие к неэффективности и расточительству.

Думается, каждая из этих теорий имеет свою узкую область применения. Однако ни одна из них в отдельности не является адекватной базой для понимания российской системы власти, классовых отношений или мыслеформ. В предпринятом мною анализе российского общества я исхожу из трех основополагающих начал — власти, социальных классов и культурных структур.

Может возникнуть вполне обоснованный вопрос о том, насколько закономерно говорить в одном ключе и о Советском Союзе, и о России. Не следует ли отдать исследования структур Советского общества на откуп историкам или музейным работникам? В течение 90-х годов в Россию приезжали новые группы людей, полных надежд. Несколько лет назад я услышал от одного цыганского мальчика следующую фразу: «Если бы у меня было чуть больше денег, я знаю, куда бы я поехал». Многие из тех, у кого имеется «чуть больше денег», вот уже несколько лет с надеждой взирают на Россию. Однако ситуация меняется медленно, и далеко не всегда в том желаемом и ожидаемом направлении. Касаясь вопросов власти, классов и культуры, книга подвергнет анализу не только прошлое, но и нынешнюю российскую действительность.

Вторая глава начнется с рассказа о гибели Советской власти. Но этот рассказ не будет похож на другие. В нем не будет описа-

ния смещения Горбачева или расстрела Ельциным российского парламента. Вы не найдете в ней разоблачения ужасов сталинской системы. Это прежде всего рассказ о том, как еще в ленинскую эпоху номенклатура одержала победу над властью рабочих. В той же главе я попытаюсь показать, что власть представляет собой не только подчиняющее, но производящее начало. Под этим углом зрения осуществляется сравнение властных структур в Советском Союзе и США. С этой точки зрения наилучшим анализом советской системы и современной российской системы власти, методологически и теоретически, остаются американские исследования властных отношений, проводившиеся в 50-е годы. Необходимо продолжить эту традицию, анализируя структурный и дискурсивный аспекты отношений власти, а также отношения господства и подчинения в социалистических и пост-социалистических обществах. В рамках обсуждения дискурсивного аспекта необходимо затронуть и такую тему, как условия для возникновения демократии в современном российском обществе. Я принадлежу к числу людей, считающих, что демократию нельзя свести к проблеме наличия или отсутствия парламентских институтов. Демократия — это долговременный проект, который должен раскрываться отдельной темой в рамках каждой концепции власти и властных отношений.

Основная цель третьей главы, посвященной общественным классам, состоит в том, чтобы охарактеризовать классовую структуру советского общества и варианты ее развития в современной ситуации. При описании классовой структуры советского общества акцент делается на распределении властных ресурсов общества, при описании современной ситуации — на интересах латентного характера. Обсуждение этой темы базируется не только на аргументах теоретического плана, но и на новых эмпирических результатах. Основной вывод исследований нового среднего класса состоит в том, что при социализме он не обрел собственного социального облика. В заключение я охарактеризую различия между российским и западным обществом через разные идеальные типы общественного развития. При этом основополагающей является мысль о том, что в России социальные классы остаются пока очень слабыми. Это в одинаковой степени относится к буржуазии, среднему и рабочему классам.

Анализируя культурные структуры, я исхожу из базового дюркгеймовского различения между божественным и мирским. Я хотел бы показать, как из горнила революции вышло, подстеги-

ваемое мечтаниями ее участников, особое большевистское понимание божественного. Впоследствии это понимание начало утрачивать свое влияние. Отправной точкой анализа является рассмотрение культурной роли революции как арены борьбы между разными утопиями. Утопия, рождаемая крестьянской средой, сильно отличалась от утопий интеллигенции, чиновничества или рабочего класса. Божественное, сформулированное большевиками, включало в себя многие элементы проекта построения современного общества, такие как промышленность, урбанизация, крупные организации. С другой стороны, в этом понимании божественного присутствовали такие элементы как рабочий класс, партия, внутренняя дисциплина, основательность. Ни Троцкий, ни Бухарин не желали разрушения большевистского божественного, и это во многом объясняет слабость их оппозиции режиму. Делу разрушения этого идеала в немалой степени способствовали, с одной стороны, противоречия между повседневностью и идеологией, а с другой — не щадившие никого репрессии. В действительности божественное обрело предметность в повседневном бытии, а в общественной сфере остались одни пустые ритуалы. Укорененность народной культуры в этом «малом и непосредственном» является одним из признаков такой трансформации.

В конечном итоге, я хочу задать следующий вопрос: что должно почерпнуть рабочее движение из этого опыта? Как сегодня следует понимать демократию? В каком контексте классы сохраняют свою актуальность? Каким образом можно предотвратить диктатуру одной идеологии? Могут ли реформы и просвещение влиять на общество или ирония — единственный подход к проблеме развития, достойный честного интеллектуала?

			М
			И
			А
211	111		31
211			
212	22		10
212	101		20
			25
20	102	21 102 101	
			10

Глава 2. ВЛАСТЬ

Один из самых ужасных парадоксов двадцатого века заключается в том, что борьба за демократию, которую вел рабочий класс России, а также искренние устремления таких людей как Калле Лепола, привели к возникновению столь ужасной репрессивной системы и массовому террору. Где же была допущена ошибка? Было ли ее причиной тяжкое бремя российской авторитарной традиции? А может быть, серьезная ошибка закралась в программу борьбы рабочего класса? Получается, как в одном невеселом анекдоте: ошибкой Маркса был Ленин, ошибкой Ленина — Сталин, а затем уже ошибок не было.

Я попытаюсь дать свою трактовку того, что случилось. Делаю это с пониманием того, что единственный, всеохватывающий ответ на поставленные вопросы вряд ли возможен. Вместе с тем, вполне возможно, опираясь на некоторые концепции, придти к более глубокому пониманию известных фактов. Мой анализ государства и власти в России посвящен ряду базовых структур. Они действуют и в современной России, определяя условия демократии в стране, управляемой так называемыми «демократами».

В этой части книги, посвященной властным системам СССР и России, нет ссылок на конкретные эмпирические материалы. Здесь основное внимание будет уделено общему теоретическому обзору проблем государства и власти в СССР и нынешней России. Одно из моих ключевых положений заключается в том, что исследования проблем власти в Советском Союзе и сегодняшней России были ограничены и отставали в плане теории.

Я обращаюсь к следующим вопросам:

Что в действительности произошло с демократией в период Октябрьской революции? Что случилось с концепцией государства, содержащейся в теории преобразований, бытовавшей в рабочем движении?

Почему у Советов в Советском Союзе не было реальной власти?

Каковы основные характеристики концепции государства у Маркса и Ленина?

Почему исчезло гражданское общество?

Каково было понимание государства и справедливости в ранний период существования российского государства? Как развивалась судебная система?

Что такое «Сталинизм»?

Какой тип власти имела номенклатура, и как эта власть ограничивалась бюрократией?

Какого рода элита существовала в Советском Союзе, и как эта элита соотносится с современной российской элитой? Как эти изменения сказываются на стабильности политической системы?

Какие вопросы мы задаем в том случае, если хотим проанализировать российскую систему власти с позиций современного анализа властных систем?

Цена, которую приходится платить за столь широкие подходы, заключается в отказе от детального рассмотрения отдельных вопросов. Дальнейшее обсуждение упомянутых вопросов будет содержать множество разных элементов и будет базироваться на самых разных материалах. В моей книге исторический анализ будет опираться не на первичные материалы, а на теоретические обобщения, рожденные полемикой на данную тему в общественных науках. Рассматривая историю идеологии, я ограничусь общими характеристиками марксистской концепции государства. Полемизуя о сталинизме, буду опираться как на российские, так и на западные источники. Я вижу свою основную цель в том, чтобы объединить в целое разные точки зрения на упомянутые проблемы. Самые трудные вопросы, связанные с проблемой власти, будут более подробно рассмотрены в последующих главах. Анализ власти нельзя свести к классовым или культурным характеристикам общества, но при этом тесное взаимопереплетение этих измерений неизбежно.

РАСПАД СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Когда Ельцин распустил парламент, почти уничтожив само его здание, многие комментаторы охарактеризовали это событие как крушение последнего бастиона советской системы. Это не совсем верно. В действительности власть советов была уничтожена в 1918 году вскоре после Октябрьской революции. После этого в стране Советов у Советов уже не было реальной власти.

Концентрация власти в руках Советов была на самом деле анархистским или анархо-синдикалистским лозунгом. Для большевиков власть советов была только промежуточным шагом на пути к концентрации власти в руках партии. Многие историки и другие обществоведы подробно описывали перерождение власти советов во власть партии. Одно из наиболее значительных недавних исследований этого плана: «До наступления сталинизма. Расцвет и упадок советской демократии» принадлежит перу Самуэля Фарбера (Farber, 1991). В дальнейшем мы будем в значительной степени опираться именно на эту работу, хотя есть и другие полезные труды на эту тему (см., например: Fitzpatrick, 1982). Подробное рассмотрение этого процесса необходимо, чтобы понять процесс становления номенклатурной системы, отличной и от демократии, и от власти советов.

Двоевластие

После свержения монархии в ходе февральской революции в России образовалось два центра власти: Временное правительство и Санкт-Петербургский совет. Первые советы появились гораздо раньше, в ходе революции 1905 года. По мере распространения забастовочного движения из Москвы в Санкт-Петербург осенью 1905 года рабочие самых крупных фабрик Петербурга создали советы и делегировали своих представителей в Санкт-Петербургский совет. Эта форма самоорганизации возникла вновь в 1917 году сначала в больших городах, а затем в сельских районах и военных частях. В момент создания Временного правительства Санкт-Петербургский совет уже заседал в Таврическом дворце.

В советах работали несколько политических партий: эсеры, меньшевики, анархисты и большевики. Однако большинство этих партий не рассматривало советы в качестве реальной альтернативы парламентской демократии. Даже большевики обсуждали возможность «сложного государства», состоящего из Учредительного собрания и советов. При этом они относили советы к наиболее высокой форме демократии, способной сохранить экономическое господство рабочего класса.

Поначалу все основные составляющие властной системы (вооруженные силы, железные дороги, почта, телеграф) находились под контролем Санкт-Петербургского совета. В то время, как во Временном правительстве преобладали либералы, в ЦИК Советов большинство голосов принадлежало эсерам и меньшевикам.

Керенский принимал участие в создании как Советов, так и Временного правительства и выступал в качестве посредника между ними. В течение 1917 года ситуация в обществе накалялась, что приводило ко все большей поляризации политических сил. К октябрю 1917 г. большевики имели большинство в советах и опирались на широкую поддержку населения. В декабре 1917 г. после раскола Второго Всероссийского съезда крестьян его исполнительный орган, избранный большинством и включавший в себя большевиков и эсеров, слился с Всероссийским Центральным комитетом совета рабочих и крестьянских депутатов. Во ВЦИК существовали противоречия по многим основным политическим вопросам, например, по вопросу о Брестском мире. В этот период в местных советах очень часто преобладали левые эсеры. Следует признать, что на тот момент ни одна из партий не имела в советах господствующих позиций.

Партия и советы

Однако, реальным центром власти в этот период был Совет Народных Комиссаров (Совнарком). В каком-то смысле сосуществование Совнаркома и ЦИК было не чем иным, как разделением исполнительной и законодательной власти, отвергнутым Лениным в его работе «Государство и революция». Формально Совнарком находился в подчинении у ЦИК, но в реальности ситуация была иной, особенно после того, как в 1918 году в стране разразилась гражданская война.

Среди большевиков наблюдалось серьезное расхождение мнений по поводу отношений между партией и советами. Петербургские большевики выделялись на общем фоне своим желанием сохранить независимость советов. Но и в других регионах бытовало мнение, что после победы советской власти нужда в партии отпала.

Весной 1918 года большевики начали терять свой контроль над советами. Правительство постоянно откладывало выборы в Санкт-Петербургский совет, хотя срок его полномочий истек в марте 1918 года. В ходе выборов на местном уровне другие партии, в особенности меньшевики и эсеры, получили около половины голосов. Когда, наконец, прошли выборы в Санкт-Петербургский Совет, стало ясно, что большевики и здесь теряют влияние. Они получили 48,5% всех депутатских мандатов. В Кронштадте доля голосующих за большевиков сократилась еще больше —

с 46% до 29%. Данные по ста уездам показывают, что уровень поддержки большевиков в обществе снизился — с 66% в апреле 1918 года до 45% в августе. Существуют небольшие расхождения в цифрах между разными источниками, но в одном они сходятся: большевики быстрыми темпами теряли поддержку в массах. Однако армия, находившаяся под контролем большевиков, всякий раз отменяла результаты местных выборов, причем это делалось не по команде из Москвы, а по инициативе местных командиров.

Основная причина быстрого падения популярности большевиков состояла в том, что им не удалось добиться восстановления экономики. Высокий уровень безработицы, а кое-где и голод, стали одной из главных причин недовольства в среде рабочих и крестьян.

Именно в этот момент Ленин начал делать концептуальные различия между «верными» и «неверными» рабочими. Последние, по утверждению Ленина, оказались зараженными «духом мелкобуржуазного разложения». Это различие стало отправной точкой ревизии принципа диктатуры пролетариата как целого в пользу принципа диктатуры одной партии.

Было ли оправданно стремление большевиков удержаться у власти в условиях, когда их поддержка в массах стала резко уменьшаться? Это — этический вопрос, бросающий тень на действия большевиков в этот период. Большевики, в свою очередь, могли бы защищать свою позицию, аргументируя ее тем, что в любом случае экономический кризис нельзя было преодолеть за столь короткие сроки, а также тем, что у оппозиции не было конкретной программы разрешения проблем, с которыми сталкивалась страна.

Как бы ни складывалась ситуация в тот период, ясно одно: из всех революций двадцатого века Октябрьская революция была единственной, в которой властные отношения между правительством и оппозицией, по крайней мере в начальный период, выяснялись посредством демократических выборов.

Становление однопартийной системы

В 1918 году, когда началась гражданская война, возникли условия, при которых оппозиционные партии больше не могли работать в советах. 14 июня 1918 года правые эсеры и меньшевики были выведены из их состава. В июле аналогичные шаги были предприняты в отношении левых эсеров, которые в борьбе с

правительством взялись за оружие. В течение следующих полутора лет оппозиционные партии иногда восстанавливались в правах и получали возможность принимать участие в выборах в советы. Последнее заседание совета, в котором принимали участие делегаты от оппозиции (без права голоса), было проведено в декабре 1920 года. Однако даже после этого делегаты от оппозиции, включая меньшевиков, продолжали избираться в местные советы, имевшие некоторую степень независимости от центра. В начале 1921 года растущее народное недовольство привело к возрождению влияния меньшевиков. В ответ большевики прибегли к жестким репрессиям, стремясь подавить любую критику их действий. Именно на этом этапе начался процесс становления однопартийной системы. В первые два года после Октябрьской революции оппозиционные партии находились на полулегальном положении. Затем они были поставлены вне закона.

После этого существование советов в значительной степени утратило свой смысл. В начале 1918 года ЦИК продолжал собираться раз в четыре-пять дней, к 1919 году он уже более не заседал. В свою очередь Совнарком также начал терять власть, уступая ее Политбюро и Оргбюро. В этот период партийные секретари перехватили власть у деятелей в советах, став ключевыми фигурами системы власти. В 1923 году была создана номенклатура политических позиций, которые можно было занимать только по решению ЦК (на практике Политбюро или Оргбюро). Таким образом, шаг за шагом система продвигалась сначала от власти советов к власти партии, а затем от власти партии к власти номенклатуры. В марте 1921 года в партии были отменены фракции, и в результате рядовым ее членам стало еще труднее выражать свои взгляды.

Почему советы потеряли власть?

Ленин систематически боролся против большевистских фракций, отрицавших роль советов. Но в условиях, когда большевики постепенно утрачивали поддержку в массах, он стал рассматривать партию как главный инструмент власти. Следует отметить, что в его работе «Государство и революция» почти ничего не говорится о роли партии в случае установления власти рабочих. Аналогичным образом в этой работе нет сколько-нибудь серьезного рассмотрения вопроса о том, каким образом должны разрешаться политические противоречия внутри рабочего класса.

Фарбер не отрицает наличие условий для Октябрьской революции. У большевиков имелась мощная поддержка в крупных городах, а в революционных ситуациях любые колебания при взятии власти могут привести к полной потере политических позиций. Речь, таким образом, идет о ситуации, в которой власть уже захвачена. Революция стоит перед дилеммой: нужны ли рабочему классу независимые и доступные институты власти, такие как советы, рабочие комитеты, профсоюзы, или достаточно иметь у власти одну партию, воплощающую его интересы? Советы не были единственным независимым институтом власти рабочего класса, попавшим под контроль большевистской партии. Большевики препятствовали прямому отправлению рабочим классом своей власти на фабриках и запретили независимые профсоюзы. Ленин не считал существование независимых институтов власти вопросом принципа. Он рассматривал государственную власть как наиболее высокую форму власти класса и считал естественным то, что рабочий класс представлен во власти его наиболее сознательным авангардом, а именно большевистской партией. По мнению Ленина, как только партия подчиняет себе все общество, отпадает нужда в посредничестве и независимых институтах. Достаточно обеспечить избрание или назначение в партийные органы только выходцев из рабочих и крестьян. Силы, выступавшие против этой линии, такие, например, как Демократические Централисты или Рабочая оппозиция, утратили влияние в ходе внутрипартийной борьбы. Если бы по вопросу распределения власти между советами, партией и профсоюзами победила точка зрения Демократических Централистов, то властная система в Советском Союзе имела бы совершенно иные формы. Этому, однако, не суждено было случиться. Точка зрения Демократических Централистов была осуждена как проявление анархо-синдикализма. Против власти одной партии выступали и другие силы в постреволюционной России. Анархисты, к примеру, выступали под лозунгом «Вся власть Советам, а не партиям». Аналогичным образом в 1921 году мятежники в Кронштадте призывали к созданию подлинно демократических рабоче-крестьянских советов.

И все же преобладавший среди большевиков образ мысли не предполагал стремления к сохранению плюрализма властных инструментов и форм власти. Ограничения на деятельность оппозиции коснулись даже таких меньшевиков как Мартов, которые не подвергали сомнению необходимость власти рабочих. К тому времени большевики осознали, что удержать власть они могут

лишь запретив любую оппозиционную деятельность. Именно поэтому они распустили Учредительное собрание под тем предлогом, что советы представляют собой более продвинутую форму власти рабочих. Однако, в условиях, когда все оппозиционные силы были выведены из советов, это решение нельзя было оправдать стремлением к демократии. К этому моменту власть советов превратилась во власть партии. Даже рабочая оппозиция и Демократические Централисты прекратили попытки защищать права оппозиционных партий. Вместе с тем, они продолжали призывать к открытой полемике и свободе фракционной деятельности внутри Коммунистической партии. В обеих группах еще были люди, активно выступавшие за широкие демократические права.

Таким образом, распад власти советов явился частью более широкого процесса, начало которому дала Октябрьская революция. Этот процесс вел к постепенной эрозии условий, при которых было возможно демократическое управление. Сначала власти лишился парламент, затем — Советы, потом — рабочие комитеты на заводах, и, наконец, — профсоюзы. В конце концов внутрипартийная демократия также оказалась под вопросом.

Постепенно в Советском Союзе возникала система, в которой не было не только демократически избранного парламента, но и органов независимого рабочего контроля. Поначалу предлагались альтернативные варианты воплощения в жизнь власти рабочих, но потом и от них отказались. Речь шла не просто об эпизодическом ограничении демократии, связанном со сложившейся в обществе экстремальной ситуацией. Даже сами большевики не пытались ставить вопрос таким образом. Практика большевиков представляла собой последовательно реализуемый политический курс. Такой курс не обязательно приводит к сталинизму, но в создаваемой с его помощью структуре управления возникают явные предпосылки для движения общества в этом направлении.

Рабочее движение, преданное коммунистической идее, в течение многих десятилетий защищало советскую власть как альтернативу буржуазному парламентаризму. В действительности у советов не было независимости в принятии решений. Если бы советы имели реальную власть, то ее не было бы у большевистской партии.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Не кто иной, как сам Ленин обратил внимание на любопытный парадокс: революционные силы вели долгую и решительную борьбу против государства, но при этом ни большевики, ни даже меньшевики не написали сколько-нибудь значительных теоретических работ, посвященных проблемам государства и законодательства. Как мы уже наблюдали, способы воплощения в жизнь власти рабочих формировались прежде всего под влиянием конкретной политической ситуации. Было бы явным упрощением утверждать, что такое направление развития имело предпосылки уже в самой марксистско-ленинской теории государства. Не менее примитивно выглядела бы попытка свести все к каждодневным фактам борьбы за власть.

С моей точки зрения, на ранних этапах своего становления марксистская теория государства так и не смогла найти полноценное решение проблем демократии, представительства и плюрализма. Марксизм можно обвинять не за то, что он создал, а за то, что оставил за рамками своего анализа. Проблемы в теории не тождественны приговору, по которому людей казнят выстрелом в затылок, но между теорией и приговором может быть конкретная прямая связь.

Ленинская концепция государства хорошо известна. В работе «Государство и революция» Ленин делает акцент на марксистской теории классового государства, подробно разрабатывает идею диктатуры пролетариата, рассуждает о важнейших задачах рабочего класса. Он пространно рассуждает об отмирании государства.

Ленинская концепция классового государства весьма прямолинейна: «Каждое государство — это особая сила подавления» угнетенного класса. Поэтому любое государство может быть «свободным» и не является «народным государством» (Ленин, 1970, 22). Демократическая республика — это просто наилучший фасад для капиталистического государства. Парламент — это по своей сути буржуазный институт, в котором партии борются за право исполнить волю буржуазии.

«Принимать решение каждые несколько лет о том, какой член правящего класса будет угнетать и подавлять народ при помощи парламента — вот действительная сущность буржуазного парла-

ментаризма, не только в конституционных монархиях, но и почти во всех демократических республиках» (Ленин, 1970, 54).

Складывается, однако, впечатление, что Ленин чрезмерно оптимистично оценивает перспективы отмирания государства и его управленческих функций. Его очень вдохновляет замечание Энгельса о том, что государство не всегда существовало и не всегда будет существовать. Общество, которое сможет организовать производство при помощи свободных ассоциаций равных тружеников, отправит государственный механизм туда, где ему и место: в музей древностей, где оно будет находиться рядом с прялкой и бронзовым топором. После революции обреченным на отмирание будет государство пролетариата или, по выражению Ленина, «полугосударство». Это полугосударство являет собой пролетариат, ставший правящим классом. Истинный марксист, признавая классовую борьбу, не может не признавать диктатуру пролетариата.

Иными словами, буржуазное государство, машина, созданная буржуазией для обслуживания собственных интересов, будет отменено и уступит место пролетарскому государству, диктатуре пролетариата, которая шаг за шагом отомрет по мере эволюции социалистического общества.

Государство — это паразит: «Чиновничество и постоянная армия — это “паразит” на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, “затыкающий” жизненные поры» (Ленин, 1970, 34).

Рассматривая проблему отмирания государства, Ленин сравнивает себя с ранними христианами, чья наивная вера была забыта огосударствленной церковью. Возможно, это прозвучит наивно, но для Ленина «возвращение» к «примитивной демократии» является важным аспектом преобразований потому, что именно в этих условиях большинство, а затем и все население без исключения может выполнять государственные функции:

«Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, и на этой базе громадное большинство функций старой “государственной власти” так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную “заработную плату рабочего”, что можно (и должно) отнять у этих функций

всякую тень чего-либо привилегированного, "начальственного"» (Ленин, 1970, 52).

Общество должно быть преобразовано и организовано так же просто, как «почтовая служба», но с одной разницей — всякие различия в зарплате должны быть устранены, а все функции четко определены:

«Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый Коммуной. Все народное хозяйство, организованное как почта с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше "заработной платы рабочего", под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот, что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией» (Ленин, 1970, 59—60).

Основополагающие проблемы ленинской теории государства

Ленинская работа «Государство и революция» имеет немало уязвимых мест. В этой работе нашли отражение фундаментальные проблемы всей ленинской традиции.

1. Идея классового господства как главной причины всякого угнетения в обществе. Ленин, как и Энгельс, считал, что классовое господство является коренной причиной всех форм угнетения в обществе. Как только отмирает власть класса, исчезают любые формы господства одной группы людей над другими. Не случайно в Советском Союзе 20-х годов идея отмирания государства часто рассматривалась как путь радикальных преобразований общества в целом. Александра Коллонтай, например, вслед за Энгельсом обнаружила тесную взаимосвязь институтов частной собственности и семьи. Когда собственность уже не связывает супругов, их отношения могут базироваться на подлинной любви друг к другу, а когда любовь уходит, то и отношения между ними могут распадаться (Коллонтай, 1972). Воспитание детей, домашний труд и походы в магазин за покупками могут стать функцией коллектива. Коллонтай потерпела поражение в дебатах об «отмирании семьи». Продуктом новой эпохи стал третий путь,

пролегающий где-то посередине между буржуазной семьей и полным отмиранием самого института. На свет появилась сталинская Советская семья, в которой жена активно вторгалась на рынок труда, но при этом выполняла свои функции по дому как верная жена своего мужа. В начале 30-х годов было заявлено, что в стране Советов женский вопрос решен (Browning, 1987).

Можно утверждать, что эта история лишний раз подтверждает основной вывод современных исследований власти, а именно то, что власть класса — это только одна из форм власти, к которой нельзя сводить другие формы господства.

2. Еще один примитивный посыл, вытекающий из ленинских рассуждений, заключается в том, что отношение государства к власти класса могут быть определены на уровне общей концепции государства. Предполагается, что эти взаимоотношения уже не представляют собой какой-либо проблемы, заслуживающей изучения, что нет нужды в серьезном исследовании конкретных форм воплощения классовых интересов в институтах государства. В результате возникает странный парадокс, пронизывающий всю историю радикального рабочего движения. Движение, рассматривающее государство в основном как врага, на протяжении всего двадцатого столетия стремилось всеми силами укрепить его. Даже сегодня факт создания государства всеобщего благосостояния рассматривается радикальным рабочим движением как его величайшее достижение.

Эта проблема совсем по-иному рассматривается Социал-демократическим движением. Для него (как подчеркивали Сидни и Беатрис Уэбб) государство — это в основном практический, нейтральный механизм. С другой стороны, следует заметить, что социал-демократы не добились больших успехов в изучении качественных различий в распределении властных ресурсов различных классов внутри государственной машины. Например, властные ресурсы капитала тесно связаны с возможностью переводить, когда это необходимо, деньги из одной страны в другую. Властные ресурсы рабочего класса кроются в основном в возможностях массовых организаций. Эти ресурсы очень по-разному влияют на политические процессы (Therborn, 1980). В академической версии марксизма эти вопросы затрагивались в теоретическом ключе, что ограничивало возможности применения названных положений в сфере практической политики. Теоретизирование в духе капитал-логики по проблемам формы и функций государства базировались на изучении государства как то-

тальности. В этом контексте особые формы государства сводятся к функциональной специфике воспроизводства капитала (см.: L  pple, 1973; Hirsch, 1974; Flatow und Huiskens, 1973; Clarke, 1991). Положения концепции Альтюссера и Никоса Пуланцаса, строящих теории на базе программ некоторых коммунистических партий, сводятся к классификации классов на государство-несущие классы или классовые блоки (Althusser, 1971; Poulantzas, 1973). Это предполагает, что у рабочего класса есть собственные важные интересы, требующие защиты.

3. Если только государство свести к классовым структурам, вся дискуссия об институциональных границах государства и отстаивании внутри него различных интересов отступает на второй план. Эта проблема находится в центре внимания в теории гражданского общества. Мы только что видели, как в реальных политических процессах на смену гражданскому обществу приходит власть партии. Эта проблема тесным образом переплетается с положением Руссо об исчезновении разделительной линии между государством и гражданским обществом. Корни этой проблемы можно отыскать, обратившись к К. Марксу.

4. Тема исчезновения государства связана также с наивной верой Ленина в возможность упрощения и рационализации процесса управления современным обществом. Ленин с упорством утверждает о необходимости столь наивного подхода. Насколько оправдан был его оптимизм? Ответ на этот вопрос может подсказать нам следующая зарисовка из жизни советского учреждения:

«В жизни советского министерства, казалось, царил полный хаос. К примеру в 1969 году в министерстве машиностроения на работу ежедневно являлась тысяча человек. Они осуществляли управление 300 предприятиями, 36 исследовательскими институтами, 44 конструкторскими бюро, в которых было занято 30000 ученых, инженеров, техников и других работников. Постоянный дневной поток просителей заполнял коридоры здания. В комнатах находились толпы людей. Один из ГЛАВКов, ведавший кузнечно-прессовым оборудованием, далеко не самый крупный в министерстве, зарегистрировал в первой половине 1969 года 15 тысяч входящих и 7 тысяч исходящих документов. К 1983 году проблема бумажных потоков так и не была решена. В год выпускалось более 80 миллиардов различных документов, 90% которых не представляли никакого интереса для своих получателей» (Whitfield, 1993, 88).

Как мы убедились, ленинские идеи связаны со скрытыми руссоистскими ориентациями, свойственными марксистской теории государства (Colletti, 1974). Идеи Руссо о перерастании государства в общество представляют собой наиболее важную трактовку взаимоотношений между «государством» и «гражданским обществом». Другие точки зрения на эту проблему даны ниже в краткой форме (ср.: Keane, 1988, 35—36).

1. Первый вариант представлен в работах Бодена, Гоббса, Спинозы и других. По их мнению, государство представляет собой радикальное отрицание естественного состояния. Состояние общества в догосударственную эпоху, характеризующееся как нестабильное и асоциальное, напоминает состояние войны. Гоббс, к примеру, писал свою работу на фоне гражданской войны в Англии, когда люди проживали «быструю, короткую жизнь, полную насилия». Государство становится легитимным, то есть получает мандат на управление обществом посредством соглашения между гражданами, охваченными страхом. Таким образом, государство и его законы становятся эквивалентом гражданского общества.

2. Второй вариант анализа проблемы (Пуфендорф, Локк и Кант) характеризует государство как естественное состояние общества. Функции государства заключаются не в том, чтобы заместить естественное состояние, а в том, чтобы поддерживать и регулировать его. Государство — это инструмент общества, актуализирующий и осуществляющий его свободы, равенство и право частной собственности. Отсюда следует, что границы между государством и гражданским обществом размыты. Для Локка, к примеру, гражданское общество относится не к догосударственным формам существования, а к формам политической организации.

3. По мнению Томаса Пейна государство — это зло, причем не являющееся необходимым, а естественное состояние общества — безусловное благо. Государство — это не более, чем делегирование власти во имя общественного блага. Обществу свойственно стремиться к состоянию, в котором оно находилось до возникновения государства. Характерные для общества паутины взаимных интересов и солидарностей способствуют установлению всеобщего мира и безопасности. Чем более совершенным является гражданское общество, чем более развитой становится

его способность управляться с собственными делами, тем меньше нужна в правительстве.

4. С точки зрения Гегеля, гражданское общество — это исторически обусловленная организация этической жизни, включающая в себя экономику, группы со своими социальными интересами и институты, несущие ответственность за управление гражданским законодательством и благосостоянием. Государство не являет собой радикальное отрицание других состояний (позиция Гоббса), но при этом и не является инструментом совершенствования общества. По мнению Гегеля, государство представляет собой новое явление, ограничивающее и охраняющее гражданское общество, трансформирующее его из «формальной универсальности» в «органическую реальность». Гражданское общество востребует и обеспечивает предпосылки для возникновения суверенного государства, полагающегося на собственные институты.

5. В концепции Гегеля вмешательство государства в жизнь гражданского общества не является сколько-нибудь серьезной проблемой. В отличие от него Джон Стюарт Милль и Токвиль сделали акцент на важности защиты и обновления гражданского общества, понимаемого как самоорганизующаяся, законодательно охраняемая сфера. С их точки зрения, важнейшая политическая проблема современного общества заключается в том, чтобы сохранить уравнилельные тенденции, вызванные к жизни процессом демократизации. Следует удержать государство от злоупотребления властью. Нельзя допустить, чтобы государство поглотило гражданское общество и лишило своих граждан свобод.

Дискуссия о гражданском обществе может показаться слишком академичной. Однако наиболее важные теоретические и практические вопросы современной политики сфокусированы именно на проблемах гражданского общества. В то же время эти темы тесно связаны как с критическими работами Маркса, так и с анализом реального социализма (см., например: Кеане, 1988; Кохен, 1982; Аларико, 1993). Как подчеркивалось выше, концепция гражданского общества дает ключ к пониманию того, что в действительности представлял собой реальный социализм, и чем он так и не смог стать.

Теория гражданского общества является относительно новым течением в общественных науках. Эта концепция получила развитие в 1970-е годы, благодаря усилиям французских ученых Клода Лефорта и Алена Турена а также американских социологов —

Андре Арато и Джона Кина. В Восточной Европе концепция гражданского общества стала предметом обсуждения среди теоретиков и политиков только в 1980-е годы. Эта теория, казалось, является полезным инструментом процесса демократизации, а также культурных изменений, касающихся таких моментов, как уважение к частной жизни, защита законности и прав личности, существование особых привилегий для некоторых категорий граждан. Ученые, которые до того полагались исключительно на теорию тоталитаризма, начали обсуждать проблемы гражданского общества. Повсюду в странах Восточной Европы, а особенно в Польше, интеллектуалы ухватились за идею самоорганизующегося гражданского общества, противопоставив ее власти коммунистического государства (см.: Härkönen, 1994).

Не углубляясь в сложности теоретической дискуссии, я, тем не менее, хотел бы задаться следующими вопросами:

1. Что в самых общих чертах дает нам теория гражданского общества в контексте рассматриваемой проблемы?

2. Каким образом концепция гражданского общества согласуется с марксистской критикой и базовыми проблемами марксистской теории государства?

3. Как, опираясь на теорию гражданского общества, можно охарактеризовать Советское государство?

4. В чем состоят основные ограничения такого теоретического подхода?

В наиболее простой и доступной трактовке гражданское общество рассматривается как совокупность аспектов социальной действительности, несводимых к «государству» или «экономике». Существует, конечно же, множество вариантов определения этой сферы.

Если придерживаться аргументов Джона Урри, то гражданское общество включает в себя такие элементы как региональное неравенство, расовые и этнические отношения, система гендерных взаимоотношений, нация. При таком подходе следует признать, что в Советском Союзе существовало гражданское общество, и задача аналитика состоит лишь в том, чтобы описать основные формы его структурирования. Подобный теоретический посыл может принести пользу лишь как способ противодействия классовому редукционизму.

Если же, с другой стороны, мы встанем на позиции Джин Коэн и признаем, что концепция гражданского общества связана с такими основополагающими принципами как законность,

публичность и плюрализм, то ситуация станет гораздо более сложной. Многие историки пытались показать, что основное различие между Западной и Восточной Европой состояло в том, что в последней отсутствовало гражданское общество (см.: Alarugo, 1993).

Был ли Маркс демократом?

Молодой Маркс снова и снова возвращался к работам Гегеля о характере государства и гражданского общества. Он подвергает сомнению идею Гегеля о том, что государство — это действительность нравственной идеи. Его не убедили гегелевские аргументы в пользу реальности идеи морали (Hegel, 1991, 135—186). Гегель рассматривает «полицию, сословия и различные объединения» в качестве «органов», посредничающих между государством и гражданским обществом. С точки зрения Маркса, это архаичный подход к проблеме: подлинное посредничество, утверждает он, осуществляется демократией.

Речь, однако, идет о молодом, радикально настроенном студенте, изучающем право и философию. В зрелом возрасте Маркс отказывается от требования демократии. Начиная с «Немецкой идеологии» и далее, он рассматривает государство как инструмент господства одного класса над другим. Исходя из этого, он полагает, что различия между государством и гражданским обществом должны быть устранены (Marx and Engels, 1976).

Рабочему классу отводится особая роль в деле сокрушения власти государства. Рабочий класс, утверждает Маркс, должен сыграть решающую роль в ходе социалистической революции (там же). Рабочий класс — это класс, воплощающий всеобщий интерес, потому что его существование отягощено «всеобщим страданием». В этом смысле рабочий класс менее интегрирован в гражданское общество, чем другие социальные группы. Для зрелого Маркса свобода не сводится к достижению максимальной независимости самоопределяющихся субъектов, действующих в политической и правовой сфере. Действительная свобода, по его мнению, заключается в уничтожении препятствий на пути взаимодействия различных сфер общественной жизни. Государство не должно быть органом, возвышающимся над обществом. Наоборот, оно раз и навсегда должно быть подчинено гражданскому обществу. Только так можно достигнуть предельного един-

ства и гармонии общественной жизни. Маркс считал, что в подлинно свободном обществе исчезнет даже понятие гражданства, понимаемого как возможность совместной деятельности для достижения каких-либо политических целей или противодействия им.

В идее растворения государства в гражданском обществе нашла свое воплощение руссоистская сторона марксизма. Если довести эту идею до логического конца, то участие народа в представительных органах или управлении оказывается лишенным всякого смысла. Люди способны сами о себе позаботиться. В этом, однако, состоит только одна из сторон марксистской концепции. Вторая сторона заимствована из работ Сен-Симона о научном управлении обществом (Cohen, 1982). Люди не должны пребывать в состоянии естественного хаоса. Общество должно быть поставлено под централизованный контроль, базирующийся на достижениях науки. Обе стороны учения, диаметрально противоположные друг другу, сосуществовали в марксистской традиции бок о бок. В Советском Союзе они нашли выражение, с одной стороны, в доктрине отмирания государства, а с другой — в идее научного управления обществом и планирования. Ни в одной из этих идей не нашлось места для демократических институтов или конкретных ограничений власти государства.

Вместо анализа места рабочего класса в демократической системе управления Маркс выдвигает на первый план миф о коллективном согласии:

«Марксизм не признавал того, что демократический потенциал рабочего класса в отдельно взятой стране зависит от таких факторов, как исторические традиции, структура производственных отношений, государственные стратегии, способность рабочих формировать солидарные связи с другими группами внутри гражданского общества. При этом демократический потенциал рабочих никак не определяется приписываемой им ролью «класса, воплощающего всеобщий интерес» или неким особым статусом привилегированного субъекта исторического процесса» (Keane, 1988, 63).

Джин Кин заметила, что эта позиция Маркса является продуктом логического, а не социологического мышления. Рабочий класс он рассматривает как отрицание отрицания (Cohen, 1982, 60—61). Он отрицает то общество, в котором становится возможным всеобщее страдание. От рабочего класса требуется только одно: осознать себя и действовать во имя освобождения человечества. Такая логика рассуждений порождает следующие проблемы.

Поскольку рабочий класс не рассматривается с позиций социологического анализа, взаимоотношения между ним и гражданским обществом перманентно фиксируются в одной точке. В результате реальный, исторически обусловленный рабочий класс исчезает из поля зрения. В этой теории нет места рабочему классу, добивающемуся интеграции в гражданское общество, борющемуся за свои политические и социальные права посредством создания сильных общественных организаций, отстаивающих его интересы.

За рамками анализа остается и такая проблема как специфика группового сознания и ограничения рациональности, характерной для мифического пролетариата. Темные стороны классового сознания рабочих, такие как пренебрежительное отношение к женщинам, классовая ненависть или недоверие к умственному труду, никогда не обсуждаются открыто, с использованием точных формулировок. Между тем, эта проблема была вполне актуальной, по крайней мере, в том, что касается демонизации действительности, характерной для сталинизма.

Марксистский взгляд на коммунистическое общество как свободное от конфликтов и властных отношений оставляет за рамками анализа и такую проблему как границы власти «нового социалистического государства». Марксистская традиция пытается затушевать значимость теоретических споров о масштабе и границах государственной власти, относя их к категории музейных древностей. Эта логика привела к тому, что разработка концепции социалистического гражданского общества и конституционного государства стала невозможной.

Советский Союз и гражданское общество

Отсутствие гражданского общества было вполне осязаемым фактом советской повседневности. Изначально полагалось, что у различных групп людей или классов не может быть конфликтующих интересов. Соответственно, не признавалась необходимость создания организаций, способных отстаивать такие интересы. В итоге профсоюзы слились с управлением предприятием (Melin, 1996). На пути стремления среднего класса создавать профессиональные организации ставились всевозможные препоны (далее, при анализе процессов, затрагивающих положение классов, мы увидим, как заставили замолчать людей, призывающих к большей независимости труда инженеров). Итак, существуют обществен-

ные организации, люди вступают в них, но все они находятся под контролем партии.

Единственная совокупность интересов, имевшая некоторую степень легитимности внутри советской системы, была связана с масштабами отраслей и региональным делением страны. Вся система плановой экономики базировалась на «установленных показателях». Это была система, в которой команды не спускались сверху, а были продуктом непрекращающегося лоббирования. Самыми сильными лоббистами были тяжелая промышленность и военные отрасли. Производство товаров для народа имело, в свою очередь, очень небольшой уровень влияния на процесс распределения ресурсов. Интересы регионов также учитывались, хотя уровень их влияния был разным. Когда Казахстан делегировал своего представителя в Политбюро, республика возлагала надежды на более высокий уровень потребления. И эти надежды оправдались.

Таблица 1

**Членство в организациях, представляющих классы
вчера и сегодня**

	Предпри- ниматели	Ядро нового среднего класса	Переход- ные группы	Рабо- чий класс
Спортивные организа- ции	7/31	5/25	3/25	15/36
Молодежные организа- ции	1/24	1/25	0/22	1/29
Благотворительные организации	1/2	2/2	1/1	2/2
Организации защиты окружающей среды	1/7	1/8	0/6	1/14
Профессиональные союзы	19/21	4/10	0/2	7/9
Профессиональные объединения	48/78	40/70	40/68	7/59
Партии	2/22	4/17	2/11	0/28
Художественно-куль- турные организации	5/14	2/12	1/8	3/10
Организации учащихся	7/22	4/16	1/13	3/23

Классовая операционализация излагается в части “Потенциальный средний класс”, а также в приложении 2.

Вторым основным принципом гражданского общества (плюрализм — первый принцип) является свободное и открытое обсуждение всех важных вопросов. В Советском Союзе о таком обсуждении не могло быть и речи. Невозможно было вести открытую полемику по таким вопросам, как направления социального развития. Нельзя было предлагать альтернативные программы, тем более определять, какая из них пользуется более широкой поддержкой масс. Даже очевидные изъяны системы, видимые невооруженным взглядом, не могли быть предметом открытого обсуждения. Процесс открытого обсуждения был в значительной степени табуирован еще и по другим причинам, которые я более подробно затрону в главе, посвященной культуре.

Все сказанное выше относится и к проблеме легитимности, третьему столпу гражданского общества. Легитимность невысоко котирировалась в советском обществе. И на это были свои причины, о которых будет сказано далее.

Если бы мы захотели определить суть политического курса на «перестройку», то ничего лучшего, чем «попытка создать социалистическое гражданское общество», мы бы не придумали. Перестройка началась с признания того, что в обществе существует плюрализм конфликтующих интересов. Под «гласностью» подразумевалось открытое обсуждение. В годы перестройки и гласности даже самые закоренелые скептики не могли удержаться от эйфории: наконец-то все эти острые вопросы вынесены на суд общественности (Nove, 1989). Более того, сам Горбачев вел разговоры о социалистическом конституционном государстве. Однако, как хорошо известно, разговоры об освобождении гражданского общества привели в конце концов к отказу от социалистического проекта в целом.

Было бы, однако, явным преувеличением утверждать, что проблемы гражданского общества и демократии были успешно разрешены в современной России. И дело здесь, с моей точки зрения, не только в том, что проект преобразований в России превратился в пародию на демократизацию, не только в подчеркиваемой многими иронии случившегося: «говорили о правовом государстве, а получили общество, находящееся под контролем мафии». Я имею в виду прежде всего предпосылки для возникновения гражданского общества на микроуровне. В Таблице 1 можно видеть численность людей, входящих в разные общественные организации в С.-Петербурге до 1991 года и после. За исключением нескольких основных форм классовой организации (профсоюзы и профессиональные общества), численность участвую-

щих в общественной деятельности после распада КПСС и вступления страны в период кризиса сократилась до минимума. Новое гражданское общество так и не стало реальностью.

Эта ситуация означает, что нам придется вернуться к обсуждению теории гражданского общества и критически оценить границы ее влияния. В теории гражданского общества не содержится сколько-нибудь продвинутого понимания ее взаимосвязи с более конкретными понятиями, такими, например, как понятие власти. Проблемы, порожденные этой ситуацией, становятся очевидными, если сравнивать исследования СССР с исследованиями проблем власти в США. Это сравнение указывает на сложность теоретического анализа проблем власти, обнаруживает разнообразные трактовки проблем демократии, с одной стороны, и явное отсутствие подобного обсуждения на уровне общей теории гражданского общества, с другой. Я вернусь к этой проблеме позже, после того, как затрону две сугубо советские темы: тему крушения права и тему сталинизма.

ОТМИРАНИЕ ПРАВА

Правовой нигилизм

Идея отказа от государства и права имеет некоторую степень привлекательности, стоит только представить себе мир, в котором нет места сложным юридическим проблемам, нет юристов, судов или тюрем, нет отвратительных бюрократов и политиканов. В ранние годы существования Советского Союза прилагались немалые усилия для того, чтобы облечь идею отмирания права и государства в форму теории. Во многих отношениях эти усилия вышли за рамки положений теории Маркса и Энгельса.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков ранней советской эпохи был М. А. Рейснер. Подражая частично Гегелю, а частично стилю классической социологии, Рейснер рассматривал государство как действительность, организованную посредством идей. Эти идеи состояли в следующем:

1. Государство правит народом как высшая и суверенная власть;

2. Население государства состоит не из классов, а из подчиненных субъектов. В тесной связи с этим положением находится понятие «народа», который (как и государство) имеет право принуждения в отношении индивидов. В этом смысле идея государ-

ства является сама по себе определенной политической программой.

3. Государство представляет собой территорию, нуждающуюся в защите (Рейснер, 1911, 7—28)

По мнению Рейснера, государство — это процесс, главным аспектом которого является идеология. Однако это разная идеология для разных людей, будь то министр, крестьянин или анархист.

Рейснер и право рассматривал как состоящее в основном из идей, идеологии. Этот подход сочетался у него с отрицанием необходимости писаного права или узаконенной справедливости. На их место должно было прийти интуитивное чувство справедливости, характерное для пролетариата. В то время как Стучка и другие большевики призывали в конце 1917 года к созданию писаного законодательства, Рейснер, напротив, утверждал, что право должно опираться, прежде всего, на свойственное массам чувство справедливости (Rejsner, 1951). Основными элементами этого чувства являлись «чистая совесть» и «суровая правда». Если есть и то, и другое, отпадает нужда в иных, специальных формах права или справедливости, служащих контролю над массами.

Если бы ход истории управлялся идеями, то следовало бы признать, что здесь в концепции Рейснера коренятся основания сталинской теории права. Но история, как это обычно бывает, сделала в 20-е годы неожиданный поворот: идеи Рейснера уступили место другим, новым подходам. Как это ни парадоксально, но сталинская теория права делала акцент на писаном праве и всячески подчеркивала роль нормативных актов.

Следует признать, что критика права не исчерпывалась трудами Рейснера. Позже в роли ключевого критика права выступил Евгений Брониславович Пашуканис, один из наиболее известных теоретиков-марксистов своего времени. Основной вклад Пашуканиса в революционную теорию состоял в том, что он соединил анализ различных форм права с анализом базовых форм капиталистической экономики в марксистском ее понимании. Под этим углом зрения правосудие выступало как субстрат товарного обмена, а право — как товарная категория или же как отчужденная действительность, трактуемая так же, как и другие категории товарного обмена: стоимость, прибавочная стоимость, капитал. Из этого вытекало, что марксистская теория права, на разработку которой Пашуканис никогда не претендовал, должна базироваться, так или иначе, на марксистском анализе основных экономических форм. Это означало, что с отмиранием этих форм право

тоже должно отмереть. Следуя этой логике, Пашуканис некоторое время работал над концепцией, согласно которой правовое регулирование должно уступить место «техническо-административным» правилам.

Защитники закона и порядка

В работах Рейснера на первом плане находилась идеология права, в трудах Пашуканиса приоритет был отдан правовым отношениям, рассматриваемым как ключевое звено во взаимосвязи правовых отношений, правовых норм и правовой идеологии. Предпринимались попытки интегрировать эти понятия, включая работы влиятельного революционера Стучки и серьезного философа Разумовского (Разумовский, 1925; Kivinen, 1977). Однако ни Стучка, ни Разумовский не добились широкого признания.

В сталинскую эпоху государственная воля и воля класса играли значительную роль в процессе становления правовых норм. С этой точки зрения, подходы Рейснера и Пашуканиса можно обобщить термином «правовой нигилизм», имеющим в наше время весьма негативное звучание. Главным критиком правового нигилизма был Вышинский, весьма известный теоретик права 1930-х годов. Так случилось, что именно он играл роль главного обвинителя в ходе сталинских показательных процессов. Следует признать, однако, что и его предшественник на посту обвинителя Крыленко также подчеркивал роль правовых норм.

Жизнь и карьера этих теоретиков права складывалась типично для своей эпохи. До революции Рейснер сделал выбор, оказавшийся ошибочным: как и Гете, он посвятил свою докторскую диссертацию отношениям между церковью и государством. Результат был тот же, что и у Гете: докторская диссертация была провалена. В отличие от Гете, чья научная карьера закончилась университетским дипломом, Рейснер добился больших успехов. После революции новая власть испытывала острую нехватку революционных теоретиков права. В результате Рейснер получил должность профессора на 17 кафедрах одновременно. Однако, его радости не суждено было длиться долго. Вскоре все эти кафедры были закрыты, а к началу 1920-х годов Рейснер лишился и должности народного комиссара.

Поначалу карьера Пашуканиса складывалась удачно: он получил много почетных званий и в какой-то момент был назначен на пост заместителя министра. В 1937 году он принял участие в

неожиданном, но очень напряженном обсуждении проблем права, развернувшемся в печати. Вскоре после этого он исчез. Что касается Крыленко, то он сам оказался в жерновах пролетарской диктатуры. Александр Солженицын почти не скрывал своих чувств, описывая то, как Крыленко оказался в камере, переполненной «врагами народа». В этой камере новоприбывшим отводилось место на полу под нарами. Крыленко заползал туда на четвереньках, так, что его толстый зад всегда торчал наружу.

Дорога к конституционному государству?

Однако даже в годы полного произвола право в теоретическом плане продолжало жить. Люди, отправлявшие других на смерть на основании полностью сфабрикованных обвинений, оказались в ту эпоху самыми стойкими защитниками законности и порядка. В своих речах они не уставали подчеркивать, что нормы и законы, подпирющие социалистическое правосудие, должны быть усилены.

После смерти Сталина акты произвола стали несколько менее абсурдными, но в отправлении правосудия сохранилось множество странных особенностей. Одним из примеров этого являлось телефонное право: партийный чиновник, сбившийся с пути истинного, мог избежать ответственности при помощи одного телефонного звонка от местного партийного руководителя. Как и другие институты государства, судебная власть была далека от независимости и находилась под контролем партии. Другой, более серьезной проблемой было полное подчинение суда воле прокурора. Презумпция невиновности рассматривалась как предрассудок буржуазного правосудия. У адвоката было мало шансов выиграть процесс: в 90% случаев суд поддерживал линию прокурора. Эта тенденция продолжалась вплоть до распада СССР. Вдобавок, признание обвиняемого рассматривалось как доказательство вины, что открывало широкие возможности для различных манипуляций и произвола (Nove, 1989).

Таким образом, в настоящее время перед Россией стоит задача создать совершенно новую правовую культуру. Легко написать новые законы и перевести на русский язык западные учебники права. Трудно заставить законы работать в условиях, когда правовая культура столь искажена и неразвита. Например, в современной России нет юристов, имеющих практический опыт работы с рыночным законодательством. Масса дополнительных

проблем возникает в связи с распространением организованной преступности (см.: Väcker, 1996). Ясно, что Россия должна пройти долгий путь, прежде чем она станет действительно конституционным государством.

СТАЛИНИЗМ

В начале 20-х годов борьба за власть в Советском союзе была ограничена рамками партии. Трагические события, случившиеся далее, безусловно хорошо документированы. Ставя целью сместить Троцкого («левого уклониста»), Сталин создал триумvirат, в который кроме него входили Зиновьев и Каменев. Затем он заключил альянс с Бухариным и Рыковым, направленный против бывших союзников по триумvirату. Вскоре, однако, и Бухарин с Рыковым были объявлены «правыми уклонистами». Основная цель этих действий состояла в том, чтобы сконструировать политический ландшафт, в котором он, Сталин, выступал бы в роли человека, выбирающего путь между двумя крайностями, и воплощал бы собой здравый смысл, избегающий любых уклонов. Уклон рассматривался не только как отличный образ мысли, но и (сталинский менталитет напоминает образ мысли социологов-функционалистов) как неспособность интериоризировать правильные нормы жизни. Таким образом, уклон становился преступной деятельностью, и как таковой должен был быть ликвидирован.

В сцене из романа «Поднятая целина» Михаил Шолохов рисует страшную боль и унижение, испытанное человеком, исключаемым из партии. Вызванный на заседание районного комитета партии Макар Нагульнов, «левый фанатик», лишается своего партийного билета:

«— Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам. Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... — и вдруг старчески жалко и бестолково засуетился, зашарил по столу руками, путаясь в словах, торопливо и невнятно забормотал: — Так ты уж лучше меня... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Ничего не остается... Мне жизнь теперь без надобностей, исключите и из нее... Стало быть, брехал Серко — нужен был... Старый стал — с базу долой.

Лицо Макара было неподвижно, как гипсовая маска, одни лишь губы вздрагивали и шевелились, но при последних словах из остановившихся глаз, впервые за всю взрослую жизнь, ручьями хлынули слезы. Они текли, обильно омывая щеки, задерживаясь в

жесткой поросли давно не бритой бороды, черными крапинами узора рубаху на груди.

— Довольно тебе! Этим ведь не поможешь, товарищ! — Секретарь болезненно сморщился» (Шолохов, 323).

Литература послесталинской эпохи изобилует историями таких людей, как Макар. Эти люди, посвятившие свою жизнь партии, неожиданно открывали для себя, что их любовь осталась без ответа. Сталинские чистки были известны своей непредсказуемостью: никто не знал, кто будет их следующей жертвой. В 1937 году чистки ударили по партии и, в частности, по самым преданным ей кадрам.

Безжалостные чистки тридцать седьмого года, известные как «ежовщина», в тридцать восьмом начали затихать. Стремясь дистанцироваться от Ежова, Сталин предпринимал различные шаги и публиковал соответствующие резолюции. Судьба и взгляды самого Ежова являются хорошей иллюстрацией атмосферы, царившей в сталинскую эпоху. В своей работе «Страницы политической биографии Сталина» Рой Медведев блестяще это доказывает:

«Выборы в Центральный Комитет были в разгаре. Сначала были перечислены члены действующего комитета, исключая, разумеется, тех, кто был репрессирован ранее. Среди других имен был упомянут Ежов. «Какие будут мнения?» — спросил Андреев. После минутной тишины кто-то заметил, что Ежов является хорошим сталинским комиссаром, что его хорошо знают и что его нужно сохранить в числе членов ЦК. «Есть ли возражения?». Все молчали. Сталин попросил слова. Он встал, подошел к столу и, попыхивая трубкой, обратился в зал:

«Ежов! Где? А вот ты где. Подойди сюда».

Из задних рядов вышел Ежов и подошел к столу.

«А что ты думаешь о себе? — спросил его Сталин. — Можешь ли ты быть членом ЦК?»

Ежов побелел. Срывающимся голосом он ответил, что не понимает вопроса, что он посвятил всю свою жизнь партии и Сталину, что он любит Сталина больше жизни и не знает за собой ничего такого, что заставляло бы именно так ставить вопрос.

«И это все? — с иронией в голосе спросил Сталин. — А кто был Фриновский? Знал ли ты Фриновского?»

«Да, конечно, я знал его, — ответил Ежов. — Фриновский был моим заместителем. Он...» Сталин прервал его, начал спрашивать о том, кто такой Шапиро, кто такая Рыжова (секретарь Ежова), кто такой Федоров и так далее (к тому времени все эти люди были арестованы).

«Иосиф Виссарионович! Но ведь вы знаете, что именно я, я сам разоблачил их заговор. Я пришел к вам и доложил...».

Сталин не дал ему продолжить.

«Да, да, да! Когда ты понял, что тебя скоро поймают, ты прибежал немедленно. А что было до этого? Ты организовывал заговор? Ты хотел убить Сталина? Руководители НКВД организовали заговор, а ты заявляешь, что якобы не имел к нему никакого отношения!»

«Ты думал, я ничего не вижу? — продолжал Сталин. — Разрешите мне тогда кое о чем тебе напомнить. Кого ты однажды прислал охранять Сталина? Кого? У них были револьверы? А зачем им револьверы, когда они рядом со Сталиным? Убить Сталина? А что, если бы я не заметил? Что тогда?»

Затем Сталин обвинил Ежова в том, что под его руководством НКВД работает слишком яростно, слишком лихорадочно, что арестовывают невинных людей, а виновных, если им нужно, укрывают.

«Ну, что! Что ты еще хочешь сказать? Не знаю, товарищи, можно ли оставлять этого человека в ЦК. У меня сомнения по этому поводу. Конечно, вам решать. Подумайте. У меня сомнения» (Медведев, 1979, 218—219).

Ежова единогласно вычеркнули из списка, и на конференции он больше не появился. Но арестовали его не сразу, а несколько дней спустя во время заседания Народного Комиссариата водного транспорта. Когда он увидел в зале сотрудников НКВД, он встал с почти вдохновенным выражением на лице: «Как я ждал этого момента!»

Как объяснить эту сильнейшую любовь, это лишенное рациональности самопожертвование во имя партии, эту паранойю, этот произвол, это страдание?

В рамках теории тоталитаризма родилось объяснение случившегося, долгое время рассматривавшееся как вполне достаточное даже в западном обществоведении. В период холодной войны в западной социологии господствовало представление о нацистской Германии и Советской России как явлениях, имеющих между собой немало общего. Фридрих и Бжезинский, например, рассматривали реальный социализм через призму некоторых основополагающих критериев. Тоталитаризм, с их точки зрения, это система, для которой характерно следующее:

Харизматический лидер

Массовый террор

Систематические чистки

Широкомасштабная идеологическая мобилизация; и Всеобъемлющая бюрократизация жизни (Friedrich and Brzezinski, 1956).

В каком-то смысле теория тоталитаризма и теория гражданского общества дополняют друг друга. Теория гражданского общества объясняет, какие черты отсутствовали в социалистическом обществе, а теория тоталитаризма показывает, что возникло на месте гражданского общества. Оба подхода, впрочем, страдают рядом недостатков:

1. Обе теории абстрагируются от экономических структур и поэтому неспособны адекватно поставить вопрос о взаимоотношении классов и власти;

2. Теория гражданского общества не имеет четкой концепции власти, а в теории тоталитаризма превалирует ориентация на абстрактные идеальные типы;

3. Ни одна из названных теорий не ставит проблему взаимоотношения культуры и власти, не исследует эту взаимосвязь в историческом плане.

Тем не менее, следует признать, что обе теории оказались существенным подспорьем в борьбе за соответствующие цели. Теория тоталитаризма достигла немалых успехов в создании нового образа врага в период холодной войны. Теория гражданского общества, в свою очередь, стала важной теоретической базой для восточноевропейских социальных движений, боровшихся за демократизацию общества. Однако при более детальном анализе прошлого и настоящего России нужны другие инструменты.

Первые попытки публичного анализа сталинизма в Советском Союзе были предприняты в ранние годы перестройки. В 1989 году ряд российских интеллектуалов активно взялся за дело, опубликовав книгу под названием «Осмыслить культ Сталина» (Осмыслить культ Сталина, 1989). В этой книге авторы пытались ответить на вопрос о том, как стал возможным этот «сон разума». Многие из них верили в то, что Сталин обладал сверхъестественными способностями и мог по желанию вторгаться в жизнь отдельных граждан (см. также: Sartori, 1995). Как сталинизм стал возможным после социалистической революции, одна из важнейших целей которой состояла как раз в том, чтобы легитимизировать демократию?

Многих авторов устраивает версия, по которой сталинизм был продуктом российской истории вкупе с «тоталитарной пропагандой». Л. Баткин, к примеру, утверждает, что в России деспо-

тизм традиционно относился к числу сакральных явлений: Петр Первый модернизировал Россию в западном духе, при этом даже его стратегия реформ не смогла разрушить авторитарную систему. И все же исторический взгляд выглядит явно недостаточным для объяснения такого феномена как ритуальное поклонение Сталину. Следует принимать во внимание новые условия, в которых существовал режим, условия, позволившие ему вести тотальную пропаганду и монополизировать контроль за информационными потоками (Баткин, 1989, 9—54).

Многие авторы ищут ответ на вопрос о происхождении сталинизма в личности самого Сталина, в его извращенном характере. М. Капустин (1989) цитирует данные исследования личности Гитлера и находит в нем много общего со Сталиным:

1. неистовое стремление одновременно разрушать и строить;
2. восхождение к власти, благодаря способности мобилизовать поддержку масс;
3. паранойя, мания величия;
4. отсутствие милосердия к проигравшему;
5. неограниченная и безусловная власть;
6. преследования;
7. колебания между реальностью и фантазией и, наконец,
8. строительство концентрационных лагерей.

Антонов-Овсеев дает еще более подробный анализ ролевой структуры личности Сталина. Сталин умел увлечь своих слушателей и за ужином мог развлекать гостей, рассказывая смешные анекдоты. У многих присутствующих складывалось впечатление, что они общаются с честным, искренним, интересным человеком. Во время различных партийных мероприятий Сталин всегда размещал среди присутствующих своих людей. Они должны были аплодировать ему, выкрикивать его имя и поносить любого оратора, пытающегося противоречить ему. Во время пленумов Сталин стремился использовать для своих целей наиболее тихих членов. Некоторые из них служили «сияющему солнцу» на протяжении нескольких десятилетий. Хор лакеев получал все новые и новые роли, включая и такую роль как наказание неудобных. Сталин организовывал громадные пропагандистские спектакли. В течение многих лет он обучался искусству режиссера, ставя себе на службу различные формы драматического искусства. Он знал, как играть с понятиями добра и зла, черного и белого. Как в случае с Ежовым, Сталин любил играть со своими жертвами в кошки-мышки. Как только очередная жертва была выбра-

на, ее арест был вопросом времени. До момента ареста к жертве относились с подчеркнутой добротой. Сталин мог оказывать ей дружеское расположение или совершать другие необычные жесты благоволения. Иногда проходили годы прежде, чем жертва была подвергнута аресту (Антонов-Овсеенко, 1989, 81—112).

С другой стороны, манеры Сталина и его облик были грубыми и неотесанными. Зачастую его злоба изливалась наружу в форме ругательств и оскорблений. Это были мгновения, в которые Сталин сбрасывал с себя маску и становился самим собой. Сталин знал, как играть на слабостях других людей и не чурался откровенной лжи, если полагал, что она поможет ему опровергнуть аргументы своих противников («мой оппонент очевидно является фашистским агентом»). Впоследствии этот тип противодействия противнику стал известен как сталинский рефлекс. Сталин пытался повернуть свою грубость себе во благо: «Я уверен, что этот человек скажет то, что думает. Он должен быть честным и откровенным».

С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.

(Маяковский. «Домой»)

Анализ, в центре которого находится личность Сталина, тесно связан с чувствами, нашедшими отражение в «вы-позмах» Маяковского. В целом российские авторы не ограничиваются подобным объяснением и стремятся идти дальше, находя другие причины возникновения сталинизма в обществе, свойственные определенному этапу развития.

Попытки найти объяснение случившемуся нередко вызывает чувство боли, аналогичное тому, которое испытывали немцы в первые годы после окончания Второй мировой войны. С точки зрения режиссера Тенгиза Абуладзе, нет смысла искать одного единственного виновника российской трагедии, потому что все советские граждане несут на себе ответственность за сталинские репрессии: «Мы все выросли на этой почве, мы стоим на этой почве и не можем быть другими. Это означает, что мы не можем избавиться от вины, потому что диктатор действовал не в одиночку. Разрушение вышло из недр этой почвы. Эта почва породила

диктатора и помогла ему осуществлять диктатуру». Как избавиться от этого наследства? Путь к этой цели указан в названии фильма Абуладзе: покаяние.

Критик Лев Аннинский стремится ответить на вопрос о том, как общество оказалось в плену «духа палача»; откуда возник казарменный дух, пронизавший общество? Мог бы подобный социализм возникнуть, если бы интеллектуальный климат XIX века был бы иным. Аннинский дает свой ответ на вопрос о природе сталинизма: диктатор опирался на людские слабости, на нежелание людей рисковать, на конформизм, на трусость, превратившуюся в жесткость (Аннинский, 1989, 54—81).

Поэт Евгений Евтушенко прибегает к еще более резким определениям: с его точки зрения, сталинизм — это «массовый психоз». Евтушенко считает, что история человечества — это история великих идеалов и психозов. Массовые психозы, по-видимому, появились на заре человечества, когда человек испытывал бессилие перед лицом мощных, неуправляемых сил природы. Страх и ужас толкал первобытных людей к сближению со своими вождями. Считалось, что последние обладают тайными знаниями. Таким образом, власть одного человека над другим начинается с психоза. Страх перед тайным знанием толкал людей к тому, чтобы творить идолов из дерева и камня. Отсутствие знаний компенсировалось психозом слепой веры (Евтушенко, 1989, 195—215).

Массовый психоз подобен лавине, приведенной в движение теми, кто находится на вершине власти. Лавина сметает все на своем пути: интеллигенцию, церкви, продуктивные деревни, чувство пролетарской чести. Одержимые психозом люди добровольно или от страха превращаются в камень. Эти камни уничтожают всех, кто не испугался. Но даже те, кто превратился в камень, не сумел спастись: их погребли другие камни. В образе, созданном Евтушенко, даже бюрократия обезумевает от страха. Социалисты обратились к прошлому, потому что у них не было привычки к демократии. Вместо этого была привычка жить бок о бок с бюрократией. Бюрократия стала железной станией вновь созданной машины, психоз стал цементом, из которого была воздвигнута стена, отделяющая социализм от остального мира.

Метафоры Евтушенко отдают должное боли и страданиям, рожденным сталинской трагедией, но не более. В них не заложена возможность дальнейшего анализа. Пьеса Ионеско «Носорог» рассматривает события той эпохи примерно под тем же углом зрения, что и Евтушенко, но при этом дает более тонкий анализ случившегося.

Ниже дается ряд наиболее интересных объяснений сталинизма.

Первое объяснение: массовое сознание

В своей книге «Жизнь и судьба» Василий Гроссман объясняет сталинизм особенностями исторического сознания российского народа.

Гроссман рассуждает об общих законах природы, об изменениях социальных элементов. Время, социальные изменения и движения больших масс людей — это явления, сходные с природными силами и катастрофами, явления, неподвластные человеку. Гроссман полагает, что Сталин не был защитником масс, он предвосхищал желания масс и сам был частью этих масс. Вольно или невольно, он делал в точности то, что хотели массы, то, что хотело большинство социальной группы, большинство съезда, большинство общества, партии, народа.

Но что хотело большинство? Хотело ли оно создания лагерей, барачков, голода или чисток? Разумеется, нет. Большинство хотело просто выживать и сводить концы с концами перед лицом все возрастающих трудностей.

Сталинская система получила развитие и форму как логическое выражение общественного мнения. Она двигалась в том же направлении, что и массы, магия, природные силы. По мнению Гроссмана, средний советский гражданин получил ровно столько, сколько было уготовано ему судьбой. Гроссман стремится понять национальные корни, питавшие сталинизм. С его точки зрения, сталинизм коренится в особенностях сознания, возникшего на ранних этапах российской истории.

Гроссман описывает образ жизни первобытных русских племен и характерные для них методы выживания. Чтобы обеспечить себе безопасность, лесные племена имели два тайных выхода из места своего укрытия. Степные племена использовали другие методы. Их спасение коренилось в том, чтобы застать противника врасплох или соединиться с другим, более крупным племенем. Степняки были всегда готовы к любым неожиданностям или происшествиям.

Из этого опыта вышел терпеливый мечтатель и кочевник, импульсивный, эмоциональный, неровный, подозрительный и доверчивый. Этот кочевник был подозрительным тогда, когда приходилось решать маленькие текущие проблемы практического

плана. Но он был доверчив, когда речь шла о действительно крупных проблемах духа и вечности.

В российском сознании прочно укоренилось глубокое неприятие всяких ограничений. Это в особенности относилось к необходимости планировать на перспективу или наводить порядок в повседневной жизни. Этот опыт породил образ мысли, в соответствии с которым все неудобства, все проблемы, вызывающие раздражение, должны быть решены единым махом, а все скучное должно быть отдано на откуп машинам, науке или специальным группам людей. А такой образ мысли породил идею аппарата, который должен взять на себя всю работу, а людям предоставить возможность странствовать и петь.

Большевизм не был прямым продолжением этого менталитета. Наоборот, он воплотил в себе свойственное российскому народу отвращение к своим национальным чертам, к укоренившимся в сознании привычкам, к праздности, ненадежности, анархической непредсказуемости, сентиментальности, склонности впадать в эйфорию. Большевизм обожествил такие качества как дисциплина, порядок, предсказуемость, практичность, монолитность. С одной стороны, большевизм — это отрицание российской почвы, но с другой, это явление, рожденное самой этой почвой. В результате возник проект империи справедливости, и в наивной простоте было начато ее строительство. В ход пошли стальные гвозди, а в перспективе предполагалось изменить течение рек.

Второе объяснение: устойчивость властной системы

Л. Седов ищет в истории иное объяснение сталинизму. В XV—XVI веке христианство играло роль спасителя и коллективной формы самоидентификации. Православие было противовесом татарам. В православных канонах и ритуалах сознание народа служило орудием в борьбе с врагами, а также фундаментом для построения Царства Божия на земле.

Сталин особо интересовался Иваном Грозным. Он рассматривал его как безжалостного и мудрого руководителя, сумевшего защитить свою страну от иностранного влияния. Во времена Ивана Грозного церковь и государство составляли единое монашеское сообщество. Все должно было стать частью церковной жизни и подчиняться идее спасения, являвшейся одним из элементов господствующей идеологии. Иван Грозный был не только главой

государства, но и главой церкви. Его действия рассматривались как религиозное таинство. Вдобавок он создал Опричнину, далекого предка сталинского НКВД (Седов, 1989, 448—460).

В период правления Ивана Грозного народ в России должен был строго следовать указаниям свыше о том, как вести подобающую религиозную жизнь, как писать иконы, как бриться. Светская культура была почти полностью уничтожена. Россия, как и другие православные страны, попала в изоляцию. Инакомыслие рассматривалось как угроза государству.

Однако, полагает Седов, тоталитаризм всегда сеет семена собственного разрушения. В период после Ивана Грозного содержание идеологии начало меняться, народ стал искать новый ключ к коллективному спасению. Здесь были две возможности. Первая заключалась в том, чтобы слегка подновить старую идеологию спасения. Другая предполагала заимствование «догм» у народов, придерживавшихся другой веры.

Переход от старого к новому оказался для России долгим и трудным. Некоторые элементы старого мировоззрения сохранялись в сознании простых людей. Однако образованные группы общества двигались в направлении мистицизма, радикализма или некоторой комбинации этих двух течений. Иными словами, в обществе набирало силу научное мировоззрение, ориентированное на технические достижения. На смену Богу все чаще приходил национализм.

Седов утверждает, что российскому менталитету не свойственно уважение к индивидуальности. Люди привыкли мыслить категориями группы. Это подразумевает движение от одного типа тоталитаризма к другому. В Европе христианство смогло сосуществовать с наукой. В России, напротив, эти две сферы жизни вели борьбу за господство над обществом. Сталину оставалось только плыть по этим историческим потокам.

Третье объяснение: сталинская стратегия

Для многих авторов ключ к пониманию сталинизма лежит в его отходе или даже оппозиции к ленинизму (Лацис, 1989, 215—247). В отличие от Ленина, Сталин имел склонность вульгаризировать сложные вопросы. То, что было сложным для Ленина, оказывалось легким для Сталина. Упрощая сложные вопросы, определяющие будущее общества, Сталин сделал роковую ошибку. Его прямолинейная политика не могла стать основой для поступательного развития.

После Октября в России сформировались два революционных движения, воплощающих в себе две господствующие идеологии (я не имею в виду меньшевиков и большевиков):

1. революционеры реалисты, то есть демократическое движение и

2. левые революционеры, то есть коммунисты казарменного авторитарного движения.

Первые получили поддержку политически прогрессивных, цивилизованных, но при этом угнетенных масс трудящихся. Последние также опирались на массу рабочих, борющихся против угнетения, но при этом делали ставку на наиболее косную, нецивилизованную, нетерпеливую часть этой группы.

Оба этих движения находились в оппозиции к царизму, капиталистической системе, несправедливости и войнам. Однако у каждого из этих движений было свое понимание социализма. У каждого из этих движений сложились свои взгляды на то, как следует разрушить старый мир и построить новый. Речь идет не о краткосрочных, тактических противоречиях, а о глубоком расколе, свойственном движению на протяжении всей его истории.

Ленин: «Эта программа основывается на добровольном участии. Мы будем двигаться вперед шаг за шагом в соответствии с нашим планом, применяя идеи международной науки и промышленности, знания специалистов и т. д. Наша цель состоит в том, чтобы создать хозяйственное единение и рабочую демократию; совершить культурную революцию, твердо, но постепенно меняя культурное варварство прошлого».

Сталин: «Через пару лет, при нынешних темпах развития, в деревне будут созданы социалистические структуры, крестьяне превратятся в колхозных рабочих, а скептиков и «несознательных» отправим в лагеря. Через короткое время религия будет отменена, церкви — закрыты, попы — изолированы. В деревнях будет масса атеистов и т. д.».

Скептикам приходилось выслушивать помпезные нравоучения: «Что? Разве вы не верите в силу народа и революционеров, во всемогущий, героический и победоносный пролетариат? Конечно, вы, интеллигенты, можете подождать, но нам, пролетариям и беднейшему крестьянству, проведенному столько лет в рабстве, ждать невтерпёж. Вы трусы, саботажники, враги, должны знать: наши надежды уже нельзя игнорировать и т. д.».

Теория и практика сталинизма начали формироваться в 20-х годах. Они имели поддержку значительной части населения. Это

отнодь не случайное явление, чудом уцелевшее в годы революции. Сталинизм безусловно вырос на национальной почве, но при этом он не отражал реальных, глубоких потребностей больших масс населения. Он воплощал в себе поверхностный слой народного сознания, психологическое состояние людей в определенный момент истории.

Четвертое объяснение: культ власти

Наиболее серьезное объяснение сталинизма, основывающееся на теории тоталитаризма, принадлежит Л. Гозману и А. Эткинду (1989, 337—372). Они исходят из того, что любая стабильная система должна подстраиваться под большие массы людей. Чтобы понять природу власти (понять, а не только подвергнуть критике), важно знать, какие потребности удовлетворялись таким патологическим способом.

Личность Сталина — это только часть такого широкого феномена как культ. Подлинная сущность сталинизма коренится в его природе как культа власти.

В условиях тоталитаризма властная система безраздельно господствует над обществом. Люди у власти имеют массу привилегий: роскошные виллы, автомобили и т. д.; люди не у власти не имеют ничего: у них нет денег, нет безопасности, нет уважения, нет права на собственное мнение, на собственный выбор, на эмоции. Все, что получают люди в такой системе, дается им властью в форме власти. Аппаратчик знает, что для того, чтобы улучшить свою жизнь, он должен сместить своего руководителя.

Одной из отличительных характеристик тоталитарной системы является полный и безусловный контроль над всеми сферами общества. Жизнь очень походит на замятинскую утопию, где стены прозрачны, а власть системы распространяется на семью, на личные отношения, даже на мысли человека, его вкусы и привычки.

Один из парадоксов тоталитарной системы заключается в том, что те, кто находится у власти, не имеют никакой собственности. Роскошные виллы, автомобили и все остальное принадлежит не индивиду, а властной системе. Индивид, лишенный власти, теряет все. Люди власти не имели даже близких людей потому, что близкие отношения опасны для них. Людям власти приходилось отказываться от любых предложений дружбы.

Для культа власти характерны шесть отличительных черт:
Мистификация власти;

Мифологизация власти;
Вера в простоту мироустройства;
Вера в неизменность мироустройства;
Вера в справедливость мироустройства и
Вера в чудеса.

Власть, окруженная тайной

Когда создается культ личности, тоталитарная система начинает окружать тайной все функции власти, гипертрофируя их значение, маскируя истинные масштабы властных механизмов.

Вокруг Сталина создавалась атмосфера таинственности. Он представлялся всемогущим и вездесущим. Все принадлежало механизму власти, все проходило через его шестерни. Властный механизм не допускал, что какое-либо явление может произойти само по себе, без вмешательства, управления и регулирования с его стороны.

Считалось, что властный механизм может влиять на любое объективное явление во взаимодействии человека и природы. Полный крах этого постулата никак не влиял на властный механизм. Тоталитарная система верила в свои безграничные возможности («и на Марсе будут яблони цвести») и отрицала любое явление, независимое от ее существования.

Мифологизация тоталитаризма

Людское сознание труднее поддается гармонизации, чем условия жизни. Различия во мнениях случаются при всех диктатурах. Существует два способа разрешения этой дилеммы: первый состоит в героической борьбе против системы, второй — в своего рода аутизме, воплощенном в стремлении уйти от любого соприкосновения с обществом. Большинство населения, однако, выбирает третий путь, заключающийся в создании определенного психологического барьера. Чтобы избежать ужаса и боли, люди готовы радикально исказить действительность. Разделяя мировоззрение, навязываемое им властью, люди сохраняют надежду на выживание и, более того, не теряют надежду на счастье. Люди, оказавшиеся в таком положении, рассматривают себя такими же совершенными и всемогущими, как сама власть. Они ощущают себя неотъемлемой частью властной системы. Тоталитарное сознание, заслоняющее собой очевидные факты, заставляющее поверить в немыслимое, очень напоминает сознание ребенка.

Вера в простоту мира

Тоталитарное сознание в значительной степени зиждется на вере в то, что мир прост, что все явления имеют простую природу и могут быть объяснены при помощи нескольких других элементарных явлений.

В тоталитарном сознании преобладает вера в то, что добро — это всегда добро, а зло — всегда зло. Если же мир прост, то и средства для его излечения тоже должны быть просты, если не технически, то по крайней мере теоретически, на уровне основных идей. Если кому-то не хватает воды, то следует повернуть течение рек. Если людям не хватает денег, то нужно напечатать больше банкнот. Если в обществе появились инакомыслящие, то их необходимо держать в исправительных учреждениях.

Вера в неизменность мира

В тоталитарном сознании живет вера в то, что руководитель бессмертен, а мир никогда не изменится. Все элементы общества, такие как руководители, институты, строения и нормы находятся в состоянии неподвижности, подобном летаргическому сну. Это состояние находится в резком противоречии с изначальной идеей развития и непрерывного прогресса. Ярким примером боязни изменений является судьба ленинградского социолога А. Н. Алексеева, которого в 1983 году исключили из партии за то, что он провел опрос на тему «Ожидаете ли вы изменений?».

11

Вера в справедливость

Мировоззрение тоталитарной личности по форме напоминает яйцо. Оно состоит из двух слоев — внешнего и внутреннего. Внешний слой находится в состоянии первобытного хаоса и характеризуется агрессией, эксплуатацией и так далее. Внутренний слой, напротив, хорошо организован. Его порядок был бы идеальным, если бы не существовало неожиданных возмущений, порождаемых внешним слоем. Существует несколько путей для того, чтобы описать этот порядок. Можно, к примеру, определить его как мудрость Вождя, как советскую плановую экономику и так далее. Мир справедливости очень централизован. Он управляется и направляется сверху, независимо от волеизъявления или устремлений индивида. Вера в коллективную справедливость объясняет причину, по которой жертвы политических процессов и других карательных действий не вызывали симпатии. Это относилось даже к близким друзьям и семье: если супруг, брат, отец или коллега

подпадали под какие-либо обвинения, то они были виновны уже потому, что в таком обществе не могло быть несправедливости. Если допустить ее существование, то следовало признать, что и сам индивид находился в опасности. В определенной степени вера в то, что все вокруг происходит в полном соответствии с принципами справедливости, законом, интересами отдельной личности и высшими интересами, освобождает индивида от ответственности.

Вера в чудеса

Отчужденность тоталитарного сознания от действительности нигде так не проявляется, как в вере в чудеса. Вера в чудеса — это отказ от закона причинности. Полагается, что вещи появляются сами по себе, ниоткуда.

Только верой в чудеса можно объяснить убежденность людей в том, что возможно, к примеру, выполнить план по мясу. Этот план был настолько нереальным, что для его выполнения действительно потребовалось бы чудо.

Покаяние и объяснение: оценка российской полемики о сталинизме

1

На Западе существуют три объяснения сталинизма:

1. Объяснения, основывающиеся на теории организации (сталинизм — это конструкция, базирующаяся на одной из форм организации; см.: Rigby, 1979). Российское объяснение, связывающее сталинизм с культом личности, является развитием этой линии, хотя российские обществоведы и делают акцент не на организации, а на особенностях культуры.

2. Культурологические объяснения, связывающие движущие силы сталинизма с культурными смыслами (Tucker, 1974; 1977; 1990). Эти объяснения имеют немало сходства с российским анализом менталитета и, до некоторой степени, с анализом культа личности.

3. Объяснения, связывающие сталинизм с отношениями господства между социальными классами. Одним из примеров такого подхода является теория Элвина Гоулднера (Gouldner, 1977), рассматривающая сталинизм как внутренний колониализм, при котором основное бремя угнетения ложится на плечи крестьян. В российских подходах классовые проблемы никак не упоминаются.

Как эти три типа западных объяснений сталинизма связаны друг с другом?

Объяснения из области теории организации не признают роль культуры и исторических обстоятельств;

Культурологические объяснения не рассматривают сталинизм как стратегию и практику власти;

Теория Гоулднера поднимает важные вопросы, но при этом оставляет за рамками анализа важные аспекты структуры классовых отношений и роль исторических обстоятельств. Гоулднер справедливо подчеркивает, что маоизм отличается от сталинизма упором на крестьянство. Однако следует, на наш взгляд, рассматривать сталинизм не столько как некий проект, сознательно реализуемый самостоятельно действующей номенклатурой или политбюро, а как ситуацию общего плана, подверженную постоянным изменениям. Чтобы понять движущие силы сталинизма, необходимо вернуться к изначальным культурным кодам большевистского проекта, по отношению к которым сталинизм представляет собой доминирование непреднамеренных последствий реализуемой стратегии. Далее мы более подробно остановимся на этом.

Наилучшее из российских объяснений сталинизма, использующее такие категории, как ментальность, властные структуры и стратегии, культ власти, впитало в себя больше понятий общественных наук, чем теория «массового психоза» Евтушенко. Теория особой ментальности широкими мазками рисует портрет актора (основного действующего лица) российской политической культуры. Однако эта теория не оставляет места для какой-либо исторической стратификации культуры. Ведь российская цивилизация довольно далеко ушла от кочевого образа жизни. Я вернусь к этим вопросам в главе, посвященной культуре. А пока ограничусь следующим замечанием: в теории ментальности концепции структуры и агента являются достаточно туманными. В предлагаемом этой теорией прямолинейном объяснении сталинизма культура рассматривается не как структура, а как ментальная диспозиция агента, имеющая архаические корни.

Вместо того, чтобы заниматься поисками корней сталинизма в исторической ментальности, следует обратиться к семиотическим структурам культуры и их связи с практикой. Важно, чтобы анализ вобрал в себя все непреднамеренные последствия и противоречия деятельности.

Объяснение с позиций стратегии, реализуемой режимом, почти полностью повторяет логику советологических исследований, проводящих четкую линию между «хорошими» и «плохи-

ми» парнями (Daniels, 1960; Enteen, 1995; Siegelbaum, 1995). Это упрощение означает, что природа кодов, лежащих в основе деятельности, преемственность этих кодов и их эрозия исключаются из анализа. Более того, деятельность рассматривается как реализация шагов одним определенным агентом. В результате непреднамеренные последствия, важная часть любого исторического процесса, полностью исчезают из поля зрения.

Анализ с позиций культа власти ненамного обогащает концептуальный аппарат теории тоталитаризма (на Западе этот продукт давно превысил свой «срок продажи»). Он состоит в основном в создании различных идеальных типов тоталитаризма, но оставляет без внимания первопричины этих типичных черт. В данной теории тоталитарная власть предстает как примитивный детский дискурс, внушающий веру в простой, управляемый мир. Эта концепция не делает попыток пролить свет на различия между демократической, западной или цивилизованной ментальностью, между различными типами отношения к власти, поскольку в ней идеальным типам не противопоставлены примеры противоположного рода. И в самом деле, предположение о том, что мифология тоталитаризма имеет всеохватывающий характер, может рассматриваться как продолжение самой тоталитарной мистификации о всемогуществе властных структур. Между тем, я убежден, что на протяжении своей жизни любой советский гражданин непосредственно сталкивался с явными или потенциальными нарушениями официальных кодексов поведения, освященных режимом. В этом смысле реальность сталинизма была более сложной и многослойной, а российское коллективное сознание более рефлексивным, чем его тоталитарная интерпретация, вытекающая из концепции культа власти.

В подобном конструировании идеальных типов легко угадывается стремление к самообвинению. Но концепция власти, свойственная этому подходу, по-прежнему слишком проста и примитивна. Если использовать современный инструментарий исследований власти, то придется задавать совсем другие вопросы, — вопросы, касающиеся производственной власти, власти, не основывающейся на принятии решений, вопросы гегемонии и культуры. Нам придется обратиться к вопросу о границах и возможностях демократии, в свете полемики и критического анализа западной демократии.

В этой главе я привел различные точки зрения на советскую властную систему и анализ ее отличительных черт. Сейчас мне хотелось бы взглянуть на исследования власти под более широким углом зрения. В политологических исследованиях власть рассматривается как широкое общее понятие. Согласно Стюарту Клеггу (Clegg, 1989), история исследований власти опирается на два основополагающих определения власти. С позиции теории Гоббса, власть определяется как причинные отношения. Иное базовое определение власти берет начало в теории Макиавелли, для которого власть — это стратегическая ситуация. Обе эти позиции нашли отражения в исследованиях власти, проводившихся в последние несколько десятилетий. Теоретик американского плюрализма Роберт Даль, к примеру, строит свои рассуждения на фундаменте теории Гоббса. Концепция микровласти Фуко находится ближе к позиции Макиавелли. Другое важное различие между теориями власти связано с тем, что одни из них делают акцент на отношениях подчинения, другие ставят во главу угла способность добиваться результата. Маркс и Вебер фокусируют внимание на отношениях субординации, Талкот Парсонс и Фуко концентрируются на продуктивном аспекте властных отношений. В политических и других обществоведческих исследованиях концепция власти находится в состоянии постоянного изменения, в поиске новых смыслов и новых подходов к эмпирическим исследованиям. В том, что касается исследований Советского Союза и России, ключевое внимание должно уделяться соединению различных подходов в исследованиях власти, что позволит восполнить имеющиеся пробелы и наилучшим образом реализовать заложенный в этих исследованиях потенциал.

Существует пять наиболее важных подходов к анализу власти в западном обществе:

1. Исследования элит.

В своей книге «Демократия в Америке», впервые опубликованной в середине века, Алексис Токвиль охарактеризовал США как относительно гомогенное общество, значительную часть которого составляли фермеры. В этом обществе не было аристократии и не было резкого социального неравенства (Tocqueville, 1974). В 50-е годы С. Райт Миллс и Фред Хантер бросили вызов такому взгляду на американскую демократию. В своей книге «Властвующая элита» Миллс утверждает, что власть в Америке скон-

центрирована в руках хорошо интегрированной элиты, состоящей из политиков, бизнесменов и военных (Mills, 1956a). Хантер приходит к таким же выводам на основании эмпирических исследований элитных групп. У респондентов спрашивали, кто в американском обществе имеет больше всего влияния. По результатам этого исследования элита отождествлялась с конкретными персоналиями и их репутацией (Hunter, 1953).

2. Анализ процесса принятия решений в рамках американского плюрализма.

Роберт Даль отказался признать подход, базировавшийся на исследовании репутации, единственно возможным. С его точки зрения существовала необходимость уточнить ряд ключевых вопросов, касавшихся процесса принятия решений. Затем, опираясь на различные источники — газетные статьи, официальные документы, интервью с участниками и наблюдателями, а также собственные наблюдения, следовало выяснить, кто реально вовлечен в процесс принятия решений.

В книге «Кто правит?» Даль обратился к ключевым проблемам городского планирования — развитию школьной системы и политическим назначениям в городе Нью-Хейвен. Основным его выводом было то, что в Америке существует не одна, а несколько конкурирующих между собой элит. Разные люди обладали властью по разным вопросам. Шаг за шагом группы, занимавшие маргинальные позиции, могли продвигаться к интеграции в американское общество. Имелись в виду католики, восточноевропейцы, евреи и др. (Dahl, 1961).

3. Анализ структуры власти, не относящейся к процессу принятия решений.

Исследования Даля положили начало острой дискуссии о природе американской демократии. Некоторые его критики, такие как Бакрач и Барац, указывали на то, что множество важных вопросов вообще не попадали в русло политического процесса принятия решений. Люди, принимающие решения, могут вообще не слушать или не слышать мнение каких-либо групп населения. В силу predispositions, свойственных власти имущим, некоторые проблемы могут даже не рассматриваться. Господствующие интересы могут оказывать столь сильное влияние на политическую систему, что ряд ключевых вопросов может быть даже не вынесен на обсуждение. Эта ситуация была проиллюстрирована в работе Кренсона: в фокусе его внимания был город, в котором доминировала одна фабрика. В силу этого вопрос о заг-

разнении окружающей среды даже не ставился на политическую повестку дня (Crenson, 1971). За внешней стороной этой дискуссии скрывалась сложная паутина важных политических проблем, таких как неадекватная представленность в политической системе бедных и незащищенных слоев населения, а также чернокожих американцев.

4. Исследования гегемонии.

В своей книге «Власть: радикальный взгляд» Стивен Люкес внедряет новый подход к исследованиям власти. Это исследование гегемонии, под которой понимается контроль над мыслями и идеями (Lukes, 1974). В рамках марксистской традиции этот подход восходит к работам Антонио Грамши, утверждавшего, что группа или класс-гегемон могут навязать свои взгляды всему обществу, и чтобы захватить власть, рабочий класс должен сначала изменить сознание людей (Gramsci, 1971). Люкес определяет гегемонию как форму власти, мешающую людям понимать и отстаивать свои интересы. Люкес, как и вся марксистская традиция, затрудняется определить точное содержание этих интересов. Марксистская традиция полагает, что основой реальных интересов является классовая позиция. Однако, следуя логике Хабермаса, можно сказать, что реальные интересы — это интересы, обнаруживающие себя в «идеальных речевых ситуациях», то есть в ситуациях, свободных от влияния властных отношений и ограничений (Clegg, 1989, 86—107).

Эрнесто Лаклау и Шанталь Муффе стремятся дистанцироваться от подобного эссенциализма. Теория реализации проекта гегемонии — это разновидность властной семиотики, концентрирующей внимание на положении определенных агентов власти и практиках в рамках определенных смысловых структур (Laclau and Mouffe, 1985). Именно утверждение этих основных составляющих приводит к власти. Проекты гегемонии определяются посредством некоторых ключевых смыслов. Например, стержневой идеей тэтчеризма являлась концепция свободы. Все политические явления наполнялись смыслом через это понятие. Муффе и Лаклау рассматривали также и политическое измерение гегемонии: они видят перспективу в эволюции социализма, который не будет ограничивать индивидуальные свободы во имя торжества ортодоксов, живущих с сознанием своей исключительности и всеведения. Наоборот, целью социализма должно стать расширение сферы человеческих свобод.

5. Исследования, посвященные дискурсивной микровласти.

Исследования дискурсивной власти концентрируют наше внимание на языковом измерении. Субъективность состоит из множества «дискурсивных» практик. Такие практики как речь, познание, текст и аргументация порождают множество оппозиций, таких, как «здоровый-больной», «богатый-бедный», «мужчина-женщина», «жена-шлюха», «уголовник-свободный гражданин» и так далее. Этот вид категоризации не сводится лишь к речевым формам. Названные категории формируют субъективное восприятие и идентичность, которые, в свою очередь, находят воплощение в определенных реальных практиках: уход за больным, заключение в тюрьму, различия в потреблении, отношение к человеческому телу и так далее. Фуко и другие пост-структуралисты особо подчеркивают властный аспект и сопротивление власти, связанное с дискурсами (Foucault, 1977; 1979; 1986). Дискурс определяет некоторых людей как действующих, а других — как объекты деятельности.

Теория власти Фуко нацелена, прежде всего, против концепции суверенной власти. Власть находится не только у государственного аппарата и не концентрируется в какой-либо одной сфере действительности, такой как господствующая идеология. Власть — это вездесущий феномен, она повсюду. Дисциплинирующая власть направлена против некоторых индивидов или групп населения, таких, как душевнобольные или преступники. «Биовласть», напротив, охватывает все население и определяет сексуальность как «нормальную» или «отклоняющуюся». Теория власти Фуко ведет к историческому анализу различных видов дискурса, рассматриваемому автором как археологическое или генеалогическое исследование. Такой исторический анализ не предполагает линейного развития или исторического предела развитию. Формы дискурсивной власти подобны вечному повторению Ницше: от них невозможно избавиться. Никакая точка зрения и никакая мораль не может существовать иначе, как в форме дискурса. К примеру, нельзя быть одновременно вместе и с заключенными, и с охранниками, приходится выбирать, на чьей ты стороне. Аналогичным образом нет окончательного решения в борьбе за власть между полами.

Кроме основных исследовательских подходов, описанных выше, существует ряд новых интересных точек зрения, заслуживающих упоминания. Майкл Манн, к примеру, изучил социальные сети, сопутствующие в разные эпохи четырем разным видам вла-

сти — экономической, политической, военной и идеологической (Март, 1986; 1993). Сотрудники Парижской Школы Мишель Каллон и Бруно Латур (Callon, 1986; Callon and Latour, 1981; Latour, 1993) предложили новые подходы в исследовании взаимоотношения между властью и знанием. Сказанное выше позволяет отметить следующее. Исследования Советского Союза и современной России базируются исключительно на изучении элит, при том, что другие подходы, упомянутые выше, открывают ряд совершенно новых проблем. Далее мы дадим обзор исследований советской и российской элит и приведем несколько примеров, показывающих, какие направления этих исследований могут быть расширены.

Элиты в Советском Союзе и России

Аристократия в дореволюционной России была неотделима от государства. Большинство аристократов находилось на гражданской службе. В Советском Союзе положение элиты было очень похожим: высшие партийные органы назначали людей на номенклатурные позиции. Существуют разные оценки численности советской элиты. В аппарате центральных партийных органов насчитывалось примерно 100000 номенклатурных позиций. Свои элиты складывались и на местном уровне: в них входили управленцы предприятий и колхозов, журналисты, ученые, артисты, руководители пожарной службы и др. В сумме в брежневскую эпоху номенклатура составляла примерно полтора процента всего населения, то есть около 3 миллионов человек (Melin, 1996; 1998). В развитых капиталистических странах примерно такую же долю населения составляет буржуазия, — класс собственников, нанимающих более 10 работников. Однако основа существования двух упомянутых «господствующих классов» совершенно разная: позиции буржуазии опираются на владение капиталом, позиции номенклатуры связаны с существованием бюрократической организации.

С точки зрения классов, представляет интерес вопрос о том, являлась ли номенклатура действительно господствующим классом. Я вернусь к этому вопросу в следующей главе. В любом случае важно, что эта группа могла быть определена как разновидность элиты.

Дэвид Лэйн (Lane, 1992) предложил следующее описание различных типов элиты (см.: рис. 1). Его анализ базируется на трех измерениях:

1. рекрутирование в состав элиты, которое может быть закрытым и открытым;
2. формирование институтов, которое могут быть унитарными или плюралистическими
3. идеология, которая делится на монопольную, господствующую и плюралистическую (см.: Lane, 1992; а также: Lane, 1988).

Формирование институтов			
РЕКРУТИ- РОВАНИЕ	Унитарное	Плюралисти- ческое	ИДЕОЛОГИЯ
Закры- тое	1. Монополь- ная властвую- щая элита	2. Сегментиро- ванные властву- ющие элиты	Монопольная
Откры- тое	3. Меритокра- тические властвующие элиты	4. Согласующи- еся элиты	Господствующая
Откры- тое		5. Плюралисти- ческие элиты	Плюралисти- ческая

Рис. 1. Типы структур элиты

В клетке 1 приводится иллюстрация концепции американской системы Миллса. С точки зрения Миллса, властвующая элита — это унитарное и закрытое формирование, чья основная идеология состоит в сохранении монопольной позиции в обществе и не содержит каких-либо альтернатив. В пятой клетке ситуация в США дана в интерпретации Даля, в клетке 4 — та же концепция после ее критической переработки (консенсуальные элиты). В этом типе общества сосуществуют конкурирующие институты (партии, профсоюзы, компании), но при этом имеется всеобщее согласие относительно фундаментальных основ экономической и политической системы. Важным условием этой системы является существование лояльной по отношению к ней оппозиции.

Грубая версия теории тоталитаризма поместила бы Советский Союз в первую клеточку. Но Дэвид Лэйн не согласен с таким подходом. Он признает, что советская элита была закрытым формированием, располагающим собственными учебными заведениями и сетью неформальных связей. Марксизм-ленинизм дей-

ствительно был господствующей идеологией, обладавшей моно-польным влиянием на общество. Однако властная система в Советском Союзе была с институциональной точки зрения менее унитарной, чем предполагалось. Партия, административная бюрократия (имевшая огромное число отделений), советы, компании, ассоциации и т. д. составляли параллельные сегменты общества, слабо координированные между собой. Например, элита оборонной промышленности отличалась от элиты внешнеполитических ведомств или сельскохозяйственной элиты.

Разные авторы по-разному оценивают степень закрытости советской элиты. Первоначально элита формировалась из людей с происхождением из рабочих. Однако позже увеличился масштаб рекрутирования в элиту представителей среднего класса или выходцев из самой элиты.

Таким образом, социализм не являлся моно-организационной общественной системой, управлявшейся неизменной унитарной номенклатурой и политбюро. По мнению Лэйна (Lane, 1992), «унитарный» подход ведет ко многим упрощениям. Крайне редко реальные политические решения принимались партийным руководством. Наоборот, не столько партийное руководство, сколько чиновники правительственных учреждений и более или менее независимые министерства держали в своих руках реальные рычаги управления. Одной из иллюстраций этого факта является провал многочисленных попыток реформировать административный аппарат, предпринимавшихся в эпоху Хрущева. Более того, в самой партии также не было единства: партия делилась на различные группировки. Именно конфликт внутри элиты привел, по утверждению Лэйна, к разрушению политического согласия брежневской эпохи.

Рисунок 2 иллюстрирует положение различных политических организаций в ситуациях, когда итогом политической борьбы является нулевая сумма (то есть победа одной группы означает поражение для другой), или положительная сумма, означающая, что в выигрыше остаются обе стороны (элита и народ). Финляндия может служить хорошим примером ситуации, в которой элиты достигают согласия. Это — ситуация поступательного экономического роста, обеспечивающего растущее благосостояние для всех членов общества. Напротив, в период спада, в ситуации, когда страна сталкивается с высокой безработицей и растущим социальным неравенством, Финляндия может переместиться из клетки 2 в клетку 5, характеризующую политическую нестабильно-

стью. Пока, однако, удавалось удержать конфликт в основном в рамках системы политических партий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ	ЭЛИТНЫЕ СТРУКТУРЫ		ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	Интересы
	Властвующие элиты	Согласующие- ся элиты	Конфлик- тующие элиты	
Положи- тельный результат	1. Стабильно	2. Стабильно	3. Нестабиль- но	Соци- альные блоки
Нулевой результат	4. Стабильно	5. Нестабиль- но	6. Неустойчи- во	
ИДЕОЛО- ГИЯ	Господствующая/монопо- листическая		Согласия	Антологиро- ующая

Рис. 2. Политическая стабильность

Политическая стабильность брежневской эпохи базировалась на ситуации, при которой сегментированная элита твердо удерживала власть в условиях, когда экономический рост и полная занятость обеспечивали пусть небольшой, но ощутимый рост благосостояния всех граждан. Однако как только экономика замедлила темпы роста, а обещания более высокого уровня потребления оказались только словами, господствующая идеология начала терять поддержку, а нестабильность стала расти.

Переход от социализма к капитализму (или, в терминах большей политической корректности, переход от государственного социализма к рыночной экономике) неизбежно порождает новые конфликты, несмотря на то, что развитие плюрализма позволяет проявиться более широкому спектру политических интересов. В тех случаях, когда переходные экономики прошли наиболее трудную фазу развития и демонстрируют первые признаки роста, соответствующие страны уже переместились в клеточку 2. Считается, что они обрели политическую систему, характеризующуюся лояльной, законопослушной оппозицией. В эту группу стран входят страны Балтии, Польша и Венгрия. Румыния, к примеру, остается в клетке 3, характеризующейся конфликтующими элитами и политической нестабильностью.

Ситуация остается особенно сложной для тех переходных экономик, которые еще не достигли дна. Это — группа стран, включающая в себя Россию, Белоруссию, Украину, где развивается конфликт элит и где сумма политических конфликтов равняется нулю. Ясно, что такая ситуация отличается крайней политической нестабильностью и может быть даже опасной.

Возникновение новой элиты

Как справлялась с кризисом Россия в условиях постоянной экономической и политической нестабильности, последовавшей за распадом Советского Союза? Важным фактором ее выживания стало возникновение новой элиты, группы, кровно заинтересованной в максимально быстром становлении капиталистической рыночной экономики. Ядро этой группы составляла новая разновидность предпринимателей. В значительной степени это люди, занимавшие в прошлом ведущие номенклатурные позиции. По некоторым оценкам, бывшие партийные руководители и руководители предприятий составляют до 60—70% новой элиты.

Именно эта группа ранее сыграла ключевую роль в процессе, приведшем к распаду СССР. В самом начале реформ, в период так называемой спонтанной приватизации, руководители предприятий попытались установить контроль над значительными ресурсами управляемых ими предприятий. Это нанесло серьезный удар по старым экономическим структурам плановой экономики. Следующим шагом в этом направлении стало принятое в 1988 году решение разрешить создание кооперативных предприятий. Наиболее распространенной стратегией стало создание кооператива, действующего параллельно с государственным предприятием. При этом во главе и первого, и второго стояли одни и те же люди. Государственная компания сначала продавала продукцию кооперативу по заниженным ценам, а затем кооператив получал огромную прибыль, перепродавая эту продукцию за рубежом по ценам международного рынка. Кульминацией процесса приватизации стал чубайсовский Закон о приватизации от 1992 г. Формально, согласно этому закону, коллективы предприятий устанавливали свой контроль над процессом производства. На практике же во главе производства оказывались бывшие управленцы (Clarke, 1993; 1994; 1995). Это были наиболее важные процессы, формировавшие классовые отношения в переходный период, и я рассмотрю их более подробно позже.

Не все члены новой элиты были выходцами из старой номенклатуры. В ее состав, например, вошли ученые и комсомольские работники. Благодаря личным связям эти люди смогли с опережением включиться в процесс создания частных предприятий. Третьей группой, вошедшей в элиту, стали «дворники и сторожа» (Kryshtanovskaya, 1992). В советскую эпоху эти люди зарабатывали себе на жизнь, находясь в рамках «серой экономики» и не имели высокого формального статуса. На заре частного предпринимательства эти люди вышли из тени и занялись бизнесом на законных основаниях.

Казалось бы, вхождение в новую элиту станет особенно трудным для кадров и идеологических работников Коммунистической партии (Bystrova, 1998). Однако эти трудности оказались мнимыми. Складывается впечатление, что названные группы сумели удачно воспользоваться своими связями и широко участвуют в предпринимательской деятельности. В сознании всех управленцев сохранились рудименты старой идеологии и принципов хозяйственной деятельности. Это особенно отчетливо наблюдается в постоянных упоминаниях трудового коллектива. Управленцы делают все от них зависящее, чтобы избежать увольнений, поддерживать социальные службы на предприятиях и выплачивать заработную плату. Иными словами, на микро-уровне продолжает существовать некая «политика производства», опирающаяся на особый социальный договор между управленцами и рядовыми работниками.

Из старой элиты наибольшие потери в том, что касается позиций власти, понесли оборонные отрасли и вооруженные силы. В СССР около четверти валового национального продукта тратилось на оборону. На сегодняшний день расходы на оборону составляют не более 5% бюджета. Расходы на сельское хозяйство также резко упали, составляя ныне треть от прошлых затрат. При этом слабая инфраструктура сельскохозяйственного производства подорвала его конкурентоспособность по отношению к импортируемому продовольствию. Иными словами, две элитные группы, имевшие в прошлом сильные позиции в министерских структурах, систематически теряют власть и влияние. В условиях перехода к рынку у них не оказалось ресурсов, которые можно было бы легко превратить в конвертируемую валюту, ставшую в новую эпоху воплощением влиятельности. Вместо этого, они по-прежнему зависят от поддержки со стороны государства, находящегося в состоянии упадка. В целом организации, зависящие от

государственного бюджета, такие как наука, образование и здравоохранение, продолжают терять свои позиции.

Существуют, по крайней мере, три элемента внутри новой элиты:

1. банки и торговые компании;
2. экспортные отрасли промышленности (добыча нефти, газа, минералов, производство металлов);
3. естественные монополии (производство электроэнергии, предприятия связи, газ).

В настоящее время в России насчитывается около двух тысяч банков. Самые крупные и важные из них уже заявили о себе как о важных центрах власти. Экспортные операции (в особенности связанные с вывозом сырья и полуфабрикатов), дающие возможность зарабатывать твердую валюту, продолжают расти. Естественные монополии, такие как Ростелеком, Газпром и Росуголь, смогли снять проблему конкуренции внутри страны и получают огромные прибыли. Новая элита разделена на две «фракции». Интересы финансового капитала отличаются от интересов экспортного сектора экономики и «старых промышленников», засевавших в естественных монополиях, хотя между этими групповыми интересами и нет четкой грани. Новая элита еще не образовала собственной институциональной структуры, она существует в форме «кланов», объединяющих сети деловых партнеров, клиентов и друзей.

Интересы групп направляются в определенное русло посредством «институционального патернализма» (Rutland, 1997). Если в прошлом основная борьба за влияние велась в КПСС и планирующих организациях, то теперь на их место пришла президентская администрация на федеральном уровне и администрации губернаторов — на местном. Парламент оказался на обочине, лишенным какого бы то ни было влияния на администрацию и даже на бюджет.

Одной из отличительных черт советской экономики была высокая степень ее региональной специализации и даже сегодня есть районы с сильной, работающей экономикой. Москва является ярким примером такого района. Другой пример — Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа, дающие в бюджет 90% дохода от добычи газа и 66% дохода от добычи нефти. В то же время большинство российских территорий не могут обеспечить прирост национального чистого бюджета (Rutland, 1997). В целом отношения между регионами и федерацией очень

сложны и неустойчивы. Новые финансовые институты, промышленность и старые министерские структуры тесно переплетаются в местных элитах.

Объект лоббирования для новой элиты совсем не тот, что у руководителей предприятий в советскую эпоху. Тогда основная цель лоббирования состояла в том, чтобы получить государственную поддержку крупных инвестиционных проектов и поставку дефицитных товаров, которых было великое множество, от кирпичей до мяса. В нынешний переходный период подобные льготы уже не важны: кирпичи и мясо можно приобрести на рынке, а государство не может позволить себе делать капиталовложения.

Сегодня лоббистская деятельность сконцентрирована на следующих направлениях:

Получение субсидий из государственного бюджета;

Получение государственных гарантий кредитования;

Получение налоговых льгот;

Получение экспортных и импортных квот;

Выдача банковского кредита;

Участие в процессе приватизации;

Доступ к дешевым энергоносителям (Rutland, 1997; 1998).

В значительной степени лоббирование состоит из особых процедур. Его объект заключается не в том, чтобы добиться общего улучшения законодательства, а в том, чтобы получить персональные льготы по отношению к существующим законам. В переходный период изменился и контингент людей, осуществляющих лоббирование. Первоначально российские банки сформировали довольно сильный альянс, но сейчас, по мере увеличения мощи некоторых из них этот альянс стал менее влиятельным (Rutland, 1997). В целом координация и единство отсутствуют даже в отдельных отраслях производства. Современный российский бизнес является ареной постоянной борьбы между различными группировками и кланами. Очевидно, однако, и то, что новая элита способна работать коллективно, если цель состоит в негативном лоббировании, то есть в предотвращении принятия новых законов, ущемляющих интересы бизнеса.

На практике лоббирование осуществляется людьми, представляющими определенную компанию или отрасль экономики, имеющими личные связи в администрации президента. В основном это — связи, установленные еще в советский период с помощью обещаний поддержки в избирательной компании, трудоустройства членов семьи и так далее. Компании напрямую оплачивают

услуги средств массовой информации и отдельных журналистов: в современной России почти все газеты зависят от поддержки со стороны бизнеса. Этим пользуются финансовые группы, создающие свои собственные информационные империи.

Власть по-прежнему находится в руках тех, кто контролирует Кремль. Мы еще слабо информированы о том, как принимаются решения или как лоббисты участвуют в этом процессе. Мы можем полагаться только на метод «кремленологов», заключающийся в косвенных обобщениях. В этом виден один из наиболее явных недостатков исследований России. В заключении этой главы я скажу несколько слов о том, как властные отношения в СССР и России могут быть тематизированы под новым углом зрения с учетом разных уровней концепции власти.

Различные формы власти в Советском Союзе и России: направления исследования

Исследования властных структур в Советском Союзе никогда не выходили за рамки методологии Хантера и Миллса. Некоторые индивиды попадали в разряд ключевых фигур в системе номенклатурной власти, причем основанием для подобной классификации являлась их формальная позиция, то есть репутация. При этом в центре внимания исследований ни разу не оказался процесс принятия важных социальных решений, люди и причинные отношения, вовлеченные в него. Не вполне ясно, как в современной России разделена власть между президентом и Думой, как соотносится между собой власть федерального центра и регионов. Между тем, этот анализ был бы исключительно важен. Подобная информация имела бы ключевое значение в практическом плане. Сейчас необходимо использовать метод case-study, способный пролить свет на то, как в современной России работает механизм принятия решений. Исследования США, осуществленные Далем, могут быть образцом. По этому пути должны следовать и исследования России.

Даль внес свой вклад не только в практические исследования, но и в теорию плюрализма, позволяющую поставить важные вопросы о качестве российской демократии. Например: действительно ли противоборство политических сил в современной России вытекает из противоположности групповых интересов? Действительно ли в ходе принятия решений преобладают интересы отдельных классов или социальных групп? Насколько устойчивыми

являются различные союзы и объединения по интересам, возникающие в современной России, если иметь в виду то, что идеальный плюрализм — это процесс постоянной реорганизации? Одним из основных аргументов критики американской демократии состоит в том, что в США деньги имеют слишком много власти. В России численность граждан, участвующих в деятельности общественных организаций, крайне мала, а позиции социальных классов неясны и неустойчивы. Вследствие того, что российское гражданское общество является слабым, значение денег в России скорее всего еще более велико, чем в США. Необходимо сильное гражданское общество, выступающее противовесом не только Коммунистической партии, но власти денег. В этом смысле плюрализм и демократия — это больше, чем организация выборов.

Теория тоталитаризма часто упускает из виду тот факт, что власть в СССР была во многих отношениях очень плодотворной. В сталинскую эпоху тяжелая промышленность стала занимать господствующие позиции в экономике, и это нередко предрешало исход борьбы за власть внутри партии. Например, решение лидеров тяжелой промышленности поддержать Хрущева рассматривалось как решающее условие его победы над Маленковым. Аналогичным образом свержение Хрущева связывается с потерей поддержки со стороны людей, представлявших интересы этой отрасли. Таким образом различные формы и уровни власти оказываются тесно переплетены друг с другом. Положение тяжелой промышленности является важной проблемой и для Ельцина, даже несмотря на то, что он выступает против «новых промышленников».

Анализа структурных основ власти в СССР не существовало. Тем не менее, есть понимание того, что некоторые вопросы явно исключались из обсуждения в ходе принятия решений. Например, политическая элита решила, что она более не может повышать цены потому, что это решение способно вызвать серьезные волнения среди рабочих и, как следствие, подорвать легитимность самой властной системы. Польша представляет собой яркий пример подобных структурных ограничений. Известно, что Польша все же решила двинуться вперед и несколько раз повышала цены. В результате рабочие восстали и взяли власть в свои руки.

Существовали и другие структурные ограничения, свойственные плановой экономике. Ведущей экспортной отраслью в СССР была добыча энергоносителей: угля, нефти и газа. Эти виды продукции можно было производить в больших масштабах, не забо-

тась о проблеме поддержания ее качества. В этом смысле энергоносители — это идеальный продукт для плановой экономики и ее крупнейших предприятий. В начале 80-х годов от этой политики отказались, планируя структурную перестройку российской промышленности с упором на производство высокотехнологичной продукции. Плановая экономика никогда не была способна выдавать конкурентоспособное качество. Иными словами, политические соображения налагали очень строгие ограничения на соответствующие экономические структуры.

В современной ситуации необходимо поставить вопросы о структурных основах власти в России примерно так же, как это сделали Бакрач и Барац в отношении Соединенных Штатов. Является ли система принуждения, используемая для стабилизации переходной экономики, столь жесткой, что ряд социальных интересов перестает приниматься во внимание? Что же будет с бедными и другими незащищенными слоями населения? Что представляет собой политический механизм, посредством которого некоторые темы включаются в повестку дня? Означает ли логика приватизационного процесса, что вопросы собственности более не рассматриваются как политические вопросы? Что имеет больше влияния — структурные условия политического процесса или идеологические табу? Ответ на эти вопросы можно дать, только имея результаты анализа новых эмпирических исследований власти.

Анализ гегемонии позволяет ставить вопрос о семиотике большевистского проекта господства. Я попытаюсь дать ответ на этот вопрос в главе, посвященной культуре. Я полагаю, что стратегия установления гегемонии не может возникнуть на пустом месте. Эта стратегия родилась задолго до переходного периода и даже задолго до большевистской эпохи. Скорее следовало бы говорить о исторически структурированных культурных предпосылках. Но стратегия гегемонии — это не просто сумма понятий. Речь идет о политике, имеющей конкретные последствия, а также о конкретных институтах, возникающих либо по плану, либо спонтанно, без какого-либо плана. Мы увидим сталинизм в совершенно ином свете, если станем рассматривать большевистский проект в связи с его табу и непредвиденными результатами.

В главе, посвященной культуре, я также остановлюсь на некоторых качествах дискурсивной власти в Советском Союзе. В любом случае важно иметь в виду, что классификации и практики, применяемые в отношении социальных классов в Советском Союзе, сформировали особое, нестандартное понимание дисципли-

лины. Поведение людей, а также социальная и иная политика рассматривались через призму классового подхода.

В романе «Котлован» Андрей Платонов приводит иллюстрацию сюрреалистического кошмара, создаваемого подобными классификациями. В романе присутствуют следующие социальные категории:

«Руководящее умное лицо», спящее «как ничтожный гражданин, среди ничтожных масс», «теряющее свой авторитет»;

Толстый инвалид, чья задача состояла в том, чтобы «умереть и освободить место для других»;

Все-Пролетарский дворец, башня в самом центре мироздания, где трудящиеся массы всей земли поселятся на все оставшееся время;

Пролетарий Козлов, охваченный боязнью, что «в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным, нетрудовым элементом», но в минуты опасности «он чувствовал внутри себя горячую социальную радость, и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом, дабы весь класс его узнал и заплакал над ним». Козлов испытывает горячую любовь к пролетарским массам, но не к разного рода отщепенцам.

«Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о своем обожании, он же, преодолевая общественную нагрузку, молчал, заранее отказываясь от конфискации ее ласк, потому что искал женщину более благородного, активного типа. Прочитав же в газете о загруженности почты и нечеткости ее работы, он решил укрепить этот сектор социалистического строительства путем прекращения дамских писем к себе. И он написал даме последнюю итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

“Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит!”

А. П.

А. П.

Козлов»

Пролетарий Пашкин, который «много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде; накопил уже достаточно достижений и потому научно хранил свое тело — не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс».

Пролетарий Сафронов, понимавший, что «социализм — это дело научное» и потому «говоривший логично и научно», обещавший «этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обратить»:

«они у меня так копать начнут, что у них весь смертный элемент выйдет на лицо». Сафронов опасался променять счастье на долг: «У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтобы в теле был энтузиазм труда. Вызываю вас, товарищ Воцев, соревноваться на высшее счастье настроенья». Сафронова очень беспокоили происки классовых врагов: «Ведь он теперь даже в форме сна и воображенья может предстать».

Крестьянин, которого заставляют снять с себя зипун, потому что он «копил капитализм всю свою жизнь и имел время, чтобы согреться». Расчетливые мужики, опухшие от «мясной еды», ходившие «тяжко, какдвигающиеся сараи». Мужики, «не имевшие души», а имевшие только страсть приобретать собственность и поэтому не знавшие, что с ними станет, когда их собственность у них отнимут.

Буржуазия в лице мужчин и женщин, «вымирающая поголовно», настолько отталкивающая, что ее представителя трудно даже просто поцеловать.

Многие другие: классовые паразиты, беспринципные оппортунисты, подкулачники, процветающие паразиты, нервные интеллектуалы...

Платонов искусно сплетает вокруг понятия «класс» паутину душевных состояний, моральных качеств, эмоций, неизбежных судеб и речевых манер. На одной крайней точке этого пространства буржуазные добродетели: самопожертвование, труд, радость, истина, наука, коллективность, на другой — пороки других социальных сил: жадность, нервическая слабость, бюрократизм. Платонов доводит свой взгляд на устройство мироздания до абсурдного вывода: наилучшим из всех пролетариев является медведь. Различия между людьми определяются не только душевными состояниями и пустыми беседами: за ними стоит реальная практика, состоящая в «наблюдении», «информировании», «коллективизации» и «ликвидации».

Можно, разумеется, отбросить сказанное писателем, как всего лишь роман, в котором автор с явным сарказмом наблюдает начало коллективизации, «марширующей босыми ногами». Подобное отношение к художественному творчеству типично для общественных наук, произрастающих из «сухого песка». Роман Платонова — это не просто анализ дискурсивной власти. Автор рисует сюрреалистическую картину, критический пафос которой затрудняет процесс реконструкции правдоподобного этического пространства, основывающегося на классовом подходе. В этом

Глава 3. КЛАССЫ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ В СОЦИОЛОГИИ

Гибель классов в Советском Союзе

«Дядя, это буржуи были? — заинтересовалась девочка, державшаяся за Чиклина.

— Нет, дочка, — ответил Чиклин. — Они живут в соломенных избушках, сеют хлеб и едят с нами пополам.

Девочка поглядела наверх, на все старые лица людей.

— А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!

Землекопы промолчали, еще не сознавая даиных, чтобы говорить.

— И одии был голый! — произнесла девочка. — Одежду всегда отбирают, когда людей не жалко, чтоб она осталась. Моя мама тоже голая лежит.

— Ты права, дочка, на все сто процентов, — решил Сафронов. — Два кулака от нас сейчас удалились.

— Убей их пойдй! — сказала девочка.

— Не разрешается, дочка: две личности это не класс...

— Это один да еще один, — сочла девочка.

— А в целости их было мало, — пожалел Сафронов. — Мы же, согласио пленума, обязаны их ликвидировать не меньше как класс, чтобы весь пролетариат и батрачье сословие осиротели от врагов!

— А с кем останетесь?

— С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий, понимаешь что?

— Да, — ответила девочка. — Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.

— Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафронов, — ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только одии класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента»

(Платонов, 1996, 76—77).

В Советском Союзе класс был гораздо большим, чем абстрактная категория классового анализа. Классовая принадлежность

была глубокой нравственной проблемой, нередко вопросом жизни и смерти, так как ликвидировать классовых врагов можно было даже в отсутствие твердых доказательств их участия в подрывной деятельности. Людей можно было казнить только за их классовое происхождение. Считалось, что революция должна избавиться от всех эксплуататорских классов, а когда они перестанут быть помехой, все социальные проблемы решатся сами собой.

На заре общественных наук ученые как в СССР, так и США любили изображать свои общества как бесклассовые (Ossowski, 1958). В Советском Союзе бесклассовое общество создавалось при помощи мероприятий, описанных выше Платоновым. Классы собственников — буржуазия и аристократия — были ликвидированы сразу же после революции. На следующем этапе был развернута бескомпромиссная борьба с мелкобуржуазными тенденциями. Во время коллективизации лобного крестьянина, имевшего корову или лошадь, причисляли к кулакам. Кулаков могли сослать в Сибирь, а их детей можно было не кормить. Классы собственников перестали существовать в прямом смысле этого слова. Несмотря на это, Сталин продолжал заявлять, что классовая борьба обостряется. Иными словами, Советский Союз был бесклассовым обществом, которое при этом было наводнено потенциальными врагами.

В США образ мысли был иным. Согласно американской точке зрения, неравенство рождалось функциональным разделением труда (Davies and Moore, 1945). Люди, выполняющие наиболее важные виды труда и занимающие в обществе наиболее ответственные позиции, должны получать более высокий доход. Это необходимо, чтобы привлечь на эти рабочие места самые лучшие кадры. В обществе не существовало каких-либо внутренних конфликтов или конфликтов классов, а были и есть только разные виды труда и разные виды привилегий, связанные с разными позициями. В какой-то момент сторонники этого подхода зашли так далеко, что даже профсоюзных деятелей заклеили как агентов, работающих на иностранную державу.

В последние годы наблюдается усиление американского влияния на европейские общественные науки. Все чаще социологи говорят о том, что концепция социального класса устарела, что она более уместна в общественных науках девятнадцатого века, и что пришла пора отказаться от нее раз и навсегда. Да, говорят нам, когда-то классы действительно были важной социальной силой, но теперь ситуация изменилась. Одной из отличительных черт,

характеризующих восточноевропейские революции 1989 года и распад СССР, было, мол, отсутствие революционного класса.

В то время, как в советской идеологии классы служили объяснением и оправданием всему происходящему, на Западе, наоборот, стало модным считать, что классы вообще ничего не объясняют. С моей точки зрения, оба эти подхода слишком прямолинейны и примитивны. Суть классового анализа состоит именно в том, чтобы определить, что может, а что не может быть объяснено ссылкой на класс, какие реальные социальные конфликты рождаются классовыми противоречиями. Это не означает, что классовый анализ решает одни и те же задачи применительно к любому обществу — российскому, западноевропейскому или американскому. Напротив, именно сравнение разных обществ является одной из наиболее фундаментальных задач исследования классов.

Классовый анализ и Россия

Основные положения моего подхода к классовому анализу подробно представлены в Приложении 2. Говоря коротко, я полагаю, что классовый анализ следует рассматривать как исследовательскую программу, в контексте которой приоритет отдается сопоставлению различных концептуальных альтернатив. Вместе с тем, поиск аномалий внутри каждой теории не должен приводить к ситуации, при которой каждое концептуальное нововведение интерпретируется как попытка опровергнуть уже достигнутое (как это трактуется в: Pakulski and Waters, 1996). Любая критика, направленная против уже существующих подходов, должна принимать во внимание разные уровни аргументации и разные исследовательские стратегии. С другой стороны, ясно, что и в классовой анализе остаются открытые вопросы. В этой главе я намереваюсь определить некоторые концептуальные различия, могущие лечь в основу классового анализа советского и российского общества. Я изложу эти идеи в общей, программной форме.

Классовый анализ состоит не только в том, чтобы рисовать контуры классовой структуры, разводить людей по разным группам и считать пропорции, в которых они соотносятся между собой. Это лишь первый шаг, и на этом этапе еще нельзя сказать, что представляют собой выявленные классы: реально существующие группы или только продукт научного воображения. Клас-

совый анализ нельзя свести к простым статистическим упражнениям (см., например: Piirainen, 1997).

Анализ классов — это сложный процесс, протекающий на разных концептуальных уровнях, в разных концептуальных стратегиях. В основе такого анализа лежит ключевое различие между классовой позицией и классовой ситуацией (Kivinen, 1989; Blom et al. 1992). Это различие присутствует в любом классовом анализе, но наиболее подробно рассматривалось в исследованиях, проводившихся в рамках Финского Проекта исследования классов (Wright, 1990). Классовая позиция определяется здесь при помощи отношений собственности и господства, складывающихся в самом процессе производства. Концепция классовой ситуации определяется через более конкретные характеристики, такие как ситуация воспроизводства (доход, образование, позиция на рынке труда) и трудовые отношения. Исследования классовой организации и классового сознания не могут исходить только из классовой структуры, без отсылок к анализу классовой ситуации.

Если бы фрагментация и распад классов были общей тенденцией, то пост-социалистические общества могли бы рассматриваться как более прогрессивные, чем развитые капиталистические. Европа могла бы смотреться в них как в зеркало и видеть в их классовой структуре свое будущее. Было бы, однако, неверно рассматривать страны Восточной Европы как «базар статусов» (Pakulski and Waters, 1996, 157).

В ситуации, когда номенклатура обменивает свою власть в сфере принятия решений на право частного владения управляемыми ею компаниями (что и происходит в Восточной Европе), вряд ли имеет смысл утверждать, что вопрос частной собственности потерял свою значимость для социального анализа. Можно, конечно, считать номенклатуру талантливее или удачливее других социальных групп, но в этой ситуации было бы все же уместнее поискать объяснения в другой сфере, сопоставляя между собой значимость различных видов собственности. Одна из проблем левых заключалась в том, что они придерживались традиционного подхода к собственности, рассматривая все ее формы как эксплуатацию по определению. Такой подход исключал любые другие альтернативные подходы к этой проблеме.

В бытность мою студентом я подрабатывал сторожем в одном из правительственных учреждений, расположенных в Хельсинки. У одного из моих коллег, превосходящего возрастом всех остальных, был цветочный магазин на другом конце города. Дела

в магазине шли плохо, поэтому ему приходилось время от времени искать дополнительный доход, чтобы сводить концы с концами. Но это обстоятельство никак не сказывалось на нашем отношении к нему: «Ты, — говорили мы ему, — все же эксплуататор».

В таком отношении не было ничего необычного. Напротив, такое суждение было типичным для любого активиста левого движения. С другой стороны, наш недалекий коллега цветочник не слишком разбирался в теоретических понятиях. Слушая мое объяснение ленинской теории монополистического капитализма (в те времена агитация была важным делом для любого пылкого студента левых ориентаций), он тяжело вздохнул: «Да, хорошо было бы иметь монополию».

Этот случай, иллюстрирующий резкие, подчас нелепые антагонизмы прошлого, не повод для того, чтобы усомниться в социальной значимости понятия «собственность», в ее реальном влиянии на жизнь людей в наше время. В действительности развертывающийся процесс приватизации в пост-социалистических обществах указывает на явное усиление ее роли.

Классовый анализ не исключает исследования социальных сетей или форм потребления, каким бы ни был объект, будь то современная Россия или группа других стран. Однако тогда, когда речь идет о самом существовании огромных производственных структур или целых отраслей промышленности, было бы абсурдным заниматься изучением образа жизни промышленных рабочих России, заостряя внимание на формах потребления.

С точки зрения классового анализа, явной аномалией является то, что значительная часть среднего класса находится за чертой бедности. Это, однако, не означает, что управленческие иерархии и профессиональные качества утратили свою актуальность. Складывается впечатление, что пост-социалистическое общество создает свои, новые противоречивые классовые позиции. Если научному работнику или инженеру приходится работать таксистом, чтобы свести концы с концами, это означает, что развиваются новые процессы, вызывающие эрозию образования и профессиональных качеств. Вместе с тем, традиционная концепция поляризации здесь неприменима, поскольку речь идет о явлениях переходного периода, масштаб и последствия которого все еще под вопросом, по крайней мере, в обозримом будущем. Пока не ясно, каков будет исход переходного периода: станет ли его результатом самостоятельная система с относительно стабильной структурой? Смогут ли государства Восточной Европы прибли-

зиться к облику развитых, пост-индустриальных государств? Не приведет ли переходный период к тому, что некоторые из восточноевропейских обществ двинутся в совершенно ином направлении?

Ни теория обуржуазивания, ни теория пролетаризации не позволяют адекватно объяснить прошлое или будущее Восточной Европы. Подчас категории, используемые для описания изменений классовых отношений, также оказываются слишком грубыми. Существование классов и властные отношения между классами не могут быть плодотворно рассмотрены даже в качестве идеальных типов с позиций дихотомии поляризованного и неполяризованного общества. В этом случае требуются более сложные идеальные типы. Исходя из этого, я предлагаю схему, состоящую из восьми клеточек (см. с. 156). С моей точки зрения, эта схема является полезной отправной точкой анализа специфических черт российского общества и вариантов его будущего развития.

Классовые интересы нельзя определить, не принимая во внимание классовую ситуацию. Например, если мы хотим проанализировать потенциальные интересы российского среднего класса, мы должны начать с конкретного изучения условий его жизни. В структуре капиталистического или «социалистического» общества классовые интересы не даются объективно. Именно историчность и контекстуальная определенность интересов составляют одну из наиболее сложных проблем современного классового анализа. Невозможно создавать теорию советской классовой структуры, используя те же понятия, которые применяются для анализа капитализма. И это при том, что у двух систем есть немало общих элементов. Было бы, к примеру, интересно сравнить классовую ситуацию или жизненные возможности различных групп в Советском Союзе и в западных капиталистических государствах. Однако это вряд ли возможно потому, что нынешний период реформирования общества — уникальный процесс, нуждающийся в особых категориях для его описания. Без этих категорий мы не сможем адекватно исследовать такие явления как «потенциальный средний класс» и «эрозия трудового коллектива».

Классы — это не только социо-экономические реальности, но и культурные конструкторы. В советскую эпоху существовала постоянная напряженность между идеальным «священным пролетариатом» и реальным российским рабочим классом. В то время, как первому приписывались такие свойства как дисциплини-

рованность, организованность и трудолюбие, второму оказывались присущи иные черты, такие как кровная связь с деревней, карнавальность, неутомонность и пьянство. Аналогичная ситуация складывается в отношении идеализированного среднего класса. Все политические силы России мечтают о российском среднем классе. Однако для осуществления проекта гегемонии этих семиотических структур явно недостаточно. Классовый анализ не может быть сведен к культурным феноменам. В этом случае будет невозможно расколдовать и расшифровать эти священные коды.

С другой стороны, не менее важно иметь в виду, что классовый анализ не сводит все социальные явления к существованию классов. Мы уже около 30 лет не сталкиваемся с попытками возродить подобный вариант эссенциализма и классового редукционизма. Как отмечают Голдторп и Маршалл, существуют иные идентичности, могущие оставить классы в тени. Воображаемые сообщества (Anderson, 1983) такие, как нации или религиозные идентичности, становятся особенно важными в ситуации, когда классы и гражданское общество слабо развиты. А именно таково сейчас положение в России.

В целом я убежден, что в исследованиях пост-социалистических обществ классовый подход может рассматриваться как вполне работоспособный инструмент анализа. Для этого необходимо критически пересмотреть традиционные для этого подхода упрощения и еще раз внимательнейшим образом приглядеться к его основным положениям. Я имею в виду связь классового анализа с такими базовыми концепциями социальной критики как эксплуатация, отчуждение, господство и умственный труд. Следует отказаться от рассмотрения всех форм частной собственности в контексте одного лишь понятия эксплуатации и обсудить проблему оправдания различных форм собственности. Классовые интересы не должны рассматриваться как нечто неизменное и святое. Необходимо открыто обсудить возможность того, что интересы, сознание и глобальный проект любого класса, включая рабочий класс, могут быть серьезно искажены. Возможно допустить, что не существует простого решения дихотомии умственного и ручного труда, но при этом важно знать об уже имевших место попытках упрощенного решения этой и других проблем.

Существует множество различных теорий классовой структуры советского общества. Ниже, в ходе обсуждения мы рассмотрим пять различных теорий, каждая из которых имеет свой концептуальный аппарат:

1. Стандартный советский подход, в соответствии с которым классовые отношения в социалистическом обществе являются в основном неантагонистическими, а все классовые различия постепенно стираются.

2. Подход с позиций теории власти, рассматривающий социализм как общество, управляемое бюрократами, интеллигенцией или менеджерами. Различные варианты этого подхода выдвигались Троцким (Trotsky, 1979), Джиласом (Djilas, 1983) и Бурнхэмом (Burnham, 1945). В последнее время в число сторонников этого подхода вошли некоторые ведущие российские социологи, такие как Татьяна Заславская (Zaslavskaya, 1992) и Вадим Радаев (Radayev and Shkaratan, 1992).

3. Попытки исследователей, представляющих аналитический марксизм, определить социализм и «государственно-бюрократический социализм» как особые формы эксплуатации (см. также: Kivinen and Melin, 1991).

4. Имманентная критика социализма как общества отчуждения.

5. Анализ, исходящий из политики в сфере производства. Яркий пример этого подхода — теория Саймона Кларка, подчеркивающая роль воспроизводства трудового коллектива.

Взяв на вооружение концепцию классовых отношений и властных ресурсов, связанных с «производственной политикой», я предложил новый подход к проблеме социализма, выходящий за рамки ее традиционного понимания. Одновременно этот подход выявляет сильные стороны и слабости старых концепций.

Теория социальной однородности

Согласно советской социальной теории при социализме никогда не было непримиримых классовых конфликтов. Утверждалось, что причиной таких конфликтов является частная собственность на средства производства, а последняя при социализме не существовала.

Это, однако, не означает, что отрицалось само существование классов. Традиционно советские социологи использовали тип

собственности как ключевой критерий для проведения различий между рабочими и коллективизированным крестьянством. Интеллигенция определялась как особая социальная прослойка. Внутри рабочего класса часто делались различия между квалифицированными и неквалифицированными работниками. Согласно стандартным представлениям, неквалифицированные работники должны были постепенно исчезать. Аналогичным образом должны были стираться различия между социальными классами (традиционная российская школа представлена среди прочих следующими работами: Глезерман, 1949; 1962; Семенов, 1962; Кугель, 1968; Руткевич, 1968; 1979; Шкаратан, 1970).

Несмотря на то, что отношения классов рассматривались как разновидность функционального сотрудничества, неравенство в труде и в ситуации воспроизводства частично признавалось. В социалистических странах отношение к эгалитаризму прошло через различные идеологические (а также практические и политические) фазы (см.: Parkin, 1971, 137—159).

В 80-е годы советская социология начала подвергать сомнению два аспекта многих истин и аксиом прошлого. По-прежнему утверждалось, что основные тенденции развития ведут к большей социальной однородности, но при этом все чаще признавалось то, что социализм дает рождение новым формам социальной дифференциации. Констатировалась важность практического изучения как процессов, ведущих к однородности, так и процессов, порождающих дифференциацию (Игитханян и Кирх, 1982; Titma, 1986). Кроме этого наблюдалось обострение критики существующей системы распределения дохода (Ovsiannikov, 1986). Нарастал скептицизм в отношении теории, согласно которой технологический прогресс автоматически ведет к уничтожению неквалифицированного труда. Росла убежденность в том, что такой поворот потребует включенности рабочих в процесс принятия решений и растущей автономии на всех уровнях организации труда (Gordon and Nazimova, 1985). Одновременно Гордон начал говорить о необходимости среднего класса.

Многие исследователи в социалистических странах утверждали, что отсутствие жестких классовых перегородок в их обществах является в значительной степени результатом социальной мобильности. Однако новейшие эмпирические исследования в этой области не оставляют от этого утверждения камня на камне. Действительно, после Второй мировой войны возможности для социальной мобильности в странах народной демократии суще-

ственно расширились: сыграла свою роль реформа системы образования. Однако в целом ситуация с мобильностью в социалистических странах была схожа с тем, что наблюдалось в развитых капиталистических странах с начала 60-х годов. Как показывали результаты исследований, в период между 50-ми и 70-ми годами масштабы восходящей мобильности в Советском Союзе существенно снизились (см.: Филиппов, 1991; Aitov, 1986).

На протяжении всей своей истории за исключением последних нескольких лет советские исследования социальной структуры были заложником положения о растущей однородности в Советском Союзе, не получившего эмпирических доказательств. Концепция класса, использовавшаяся в этих исследованиях, была полностью оторвана от властных отношений, и уже поэтому за кадром оставались и роль номенклатуры, и позиция среднего класса.

Власть нового класса

Как это ни парадоксально, но теория социализма, рассматриваемая как власть нового класса, возникла до «реального социализма». На рубеже веков польский революционер Ян Вацлав Махайский пришел к выводу о том, что «белоручки» (то есть «белые воротнички») могут использовать социализм как орудие для того, чтобы вырвать власть у капиталистов и начать прямую эксплуатацию рабочих. По мнению Махайского, социалист выступает прежде всего против владельца фабрики, оставляя без внимания заработок управленца или инженера. Социализм девятнадцатого века оставил нетронутым доход «белоручек», а также заработок работников умственного труда. Махайский утверждал, что социалистическое движение совершило коренную ошибку, взяв на вооружение тезис Каутского об отсутствии у интеллектуалов интереса к эксплуатации и невключенности работников умственного труда в этот процесс (Вольский, 1968; Bruce-Briggs, 1979).

После Троцкого, чья критика Советского Союза стала классикой (Trotsky, 1979), пришли другие. Американский троцкист Джеймс Бернхэм подверг марксизм критике, заявив в своей книге «Революция управленцев», что на смену капиталистам грядет не пролетариат, а наемные управленцы, занятые в промышленности. С точки зрения Бернхэма, и Советский Союз, и фашистская Германия, и (в меньшей степени) США времен Нового курса представляли собой государства управленцев (Burnham, 1945).

В 50-е годы Милован Джилас осуществил свой знаменитый анализ, согласно которому при социализме возникает новый пра-

вающий класс-эксплуататор. Этот класс состоит из людей, имеющих особые привилегии и экономические преимущества, вытекающие из монопольного владения административными позициями. Монополия существует благодаря господству Коммунистической партии в экономической и политической жизни. Этот «бюрократический класс» создается монопольной позицией партии, но при этом подрывает ее собственные позиции (Djilas, 1983).

Концепция нового класса, кого бы ни включали в его состав — интеллектуалов, управленцев или партийных бюрократов, — сомнительна сразу в нескольких отношениях.

1. Это, в основном, политическая теория, не уделяющая достаточно внимания анализу экономических аспектов классовых отношений. Говоря о правящем классе, осуществляющем эксплуатацию, Джилас никак не раскрывает её механизмы. Этот недостаток вызывал наибольшие затруднения для классовых теорий, появлявшихся в рамках аналитического марксизма.

2. При социализме различные формы власти не обязательно совпадают. Гидденс (Giddens, 1973) и Паркин (Parkin, 1971) привлекли внимание к различиям в формах власти в связи с тем, что правящая партия подбирает кадры главным образом из рядов рабочего класса. Последние, в свою очередь, стремятся ограничить привилегии управленческих или профессиональных групп. В последние годы коммунистического правления число «белых воротничков» в рядах коммунистических партий резко увеличилось. В целом высшее партийное руководство было хорошо образовано. Иными словами, складывается впечатление, что и этот аргумент в значительной степени утратил свою убедительность.

3. При социализме привилегии не наследуются из поколения в поколение так, как это происходит при капитализме: позицию в правящей иерархии нельзя унаследовать так же, как капитал. Против этого положения можно выдвинуть два аргумента:

Во-первых, речь идет об экономическом, а не о культурном капитале. Более того, можно предположить, что при социализме различия, характеризующие образ жизни и культуру, даже более значительны, чем при капитализме.

Во-вторых, как уже говорилось выше, за последние два десятилетия масштабы социальной мобильности ощутимо снизились. Эта тенденция может стать основанием для формирования новой демографической идентичности среднего класса. Возникновение новой идентичности кажется особенно вероятным тогда,

когда различные формы политической и культурной власти сближаются возрастающими темпами.

Социалистическая эксплуатация

Джон Ремер (Roemer, 1982a; 1982b) и Эрик Олин Райт внесли свой вклад в разработку концепций для анализа классов в странах реального социализма. Эти усилия базировались на новой теории эксплуатации, разработанной Ремером (см. также: Wright, 1985; Blom and Kivinen, 1990).

Ремер определяет эксплуатацию как особый вид причинных отношений между доходами различных акторов. Если можно установить, что благополучие богатых становится причиной лишений в среде бедняков, то можно утверждать, что богатые эксплуатируют бедных. Для сравнения различных форм эксплуатации Ремер применяет теорию игр. В качестве игры он рассматривает, прежде всего, организацию производства. Между двумя социальными акторами (S и S') существуют отношения эксплуатации, если существуют следующие условия:

1. Гипотетически возможно, что в некоторой ситуации актор S будет иметь более высокий уровень благосостояния, чем в настоящее время.

2. В этой ситуации другой участник этих отношений S' будет иметь более низкий уровень благосостояния, чем в настоящее время.

Различные формы эксплуатации могут быть определены как ряд правил, посредством которых происходит перераспределение ресурсов. При этом должны быть названы обстоятельства, при которых кто-то из акторов получает выгоду. Согласно Ремеру, материальной основой эксплуатации является неравное распределение производительных сил. Ремер проводит различие между тремя типами отношений эксплуатации: феодальным, капиталистическим и социалистическим.

Установление особенностей игры для каждого способа производства представляет собой ключевое условие концептуализации эксплуатации. При капитализме рабочие не имеют «физических ресурсов» (средств производства) и должны продавать свою рабочую силу капиталисту за определенную заработную плату. В контексте теории игр рабочие становятся объектом эксплуатации, если можно продемонстрировать возможность альтернативы в капиталистической игре при соблюдении упомянутых

выше условий. Ремер и Райт утверждают, что таковой является игра, при которой каждый рабочий получает его или ее душевую долю общественного богатства. В этой альтернативной игре рабочие будут жить лучше, а капиталисты — хуже.

В альтернативной игре социалистической эксплуатации каждый игрок получает его или ее душевую долю неотчуждаемых ресурсов (профессиональная квалификация). Некоторая коалиция игроков может быть охарактеризована как объект социалистической эксплуатации, если она может выйти из игры, сохранив душевую долю неотчуждаемых ресурсов, при том, что другой участник или участники утрачивают свою позицию (см.: Roemer, 1982a, 238—263). Эта форма эксплуатации базируется на контроле за редкими ресурсами. В такой ситуации доход квалифицированных рабочих выше, чем затраты на образование, поэтому квалифицированные рабочие кровно заинтересованы в том, чтобы сохранить различия в уровне квалификации.

По мнению Райта, эти категории не дают возможности понять природу реально существующих социалистических обществ. В схеме Ремера социалистическое общество выглядит как разновидность технократии без примеси бюрократизации. Класс специалистов и интеллектуалов обладает полным контролем над такими ресурсами как собственная квалификация и знания и уже в силу этого имеет возможность присвоить часть прибавочного продукта. Между тем, как считает Райт, в этих обществах специалисты, по-видимому, не представляют собой господствующего класса, а внутренняя динамика этой группы не связана с различиями в уровне квалификации. Согласно Райту, есть один важный тип производительных сил, выпавший из ремеровской теории. Это — организация.

В капиталистических странах организационные ресурсы находятся, как правило, под контролем со стороны капиталистов и менеджеров. В рамках отдельного предприятия эти ресурсы управляются менеджерами с учетом ограничений, накладываемых на процесс управления капиталистами, владеющими капиталом. В странах «государственно-бюрократического социализма» контроль над организационными ресурсами становится гораздо более важным: управление уже не является прерогативой управленца внутри компании, а находится в сфере ведения государственных централизованных планирующих органов. Таким образом, утверждая, что эксплуатация в подобном обществе базируется на бюрократической власти, мы подразумеваем, что ма-

териальный базис классовых отношений и отношений эксплуатации определяется уровнем контроля над организацией.

Если контроль над организацией является основой для эксплуатации, это означает, во-первых, что не руководители выиграют, а управленцы и бюрократы проиграют в том случае, если последние выйдут из игры со своей душевой долей организационных ресурсов (если организационный контроль будет демократизирован). Во-вторых, это означает, что, контролируя организационные ресурсы, менеджеры и бюрократы тем самым контролируют часть производимой прибавочной стоимости. Райт подчеркивает, что выигрыш в этом случае относится не к объему лично потребляемой продукции, а к доле дохода, реально контролируемой управленцами.

Основная проблема теории Райта и Ремера состоит в том, что они анализируют концепцию эксплуатации на уровне рынка в целом, абстрагируясь от отношений, складывающихся в процессе производства. Парадоксально, но сравнивая данные о разных профессиональных группах, мы пришли к выводу, что социализм не является классовым обществом в том его понимании, которое предлагает Райт. Дело в том, что при социализме различия в доходах отдельных групп существенно меньше, чем при капитализме (Blom et al., 1991). Тем не менее, в условиях социализма налицо явные различия между группами в том, что касается ситуации труда и воспроизводства. С моей точки зрения, анализ внутренней дифференциации в среде наемных работников должен начинаться не с концепции эксплуатации, а с концепции отчуждения (Kivinen, 1989, 50—51). Сказанное не означает, что в условиях реального социализма статистический анализ одних только доходов позволяет окончательно отвергнуть теорию эксплуатации. Большая часть привилегий господствующего класса не сводилась к заработанному доходу, а выражалась в доступе к твердой валюте, дачам, спецраспределению и возможности путешествовать за рубеж.

Отчуждение и имманентная критика

В то время как теория нового класса фокусирует внимание на анализе властных отношений, а аналитический марксизм стремится к более глубокому пониманию механизмов эксплуатации, Герберт Маркузе предлагает свое понимание советской действительности, базирующееся на концепции отчуждения. С точки зре-

ния Маркузе, имманентная критика капитализма заключается в том, чтобы представить разум, счастье и красоту как противовес слепой детерминации, свойственной капиталистической социальной структуре. В контексте социализма имманентная критика означает анализ соотносительности марксизма с социальной реальностью. Марксизм как теория рассматривается как последовательное воплощение все тех же принципов — разума, счастья и красоты. Советский марксизм, как капитал и деньги, фальсифицирует социальную действительность.

Критика Советского Союза Гербертом Маркузе коренится в идее всеобщего права на неотчуждаемый труд. Маркузе утверждает, что в советской этике труда не признавалось различие между отчужденным и неотчужденным трудом. Именно отказ признавать это различие позволяет советскому марксизму заявлять, что советская система обеспечивает развитие гармоничной личности в отличие от западного общества, порождающего деформированную личность. Утверждается, что при социализме изменилась сама природа труда, и что люди работают по способностям для собственного блага и блага всего общества:

«В этой формуле нет ничего социалистического или коммунистического. Ведь работа по способностям — это по-прежнему труд в «царстве необходимости», а не свободная игра человеческих талантов» (Marcuse, 1961, 236).

В этом своем понимании идея неотчуждаемой практики (praxis), предложенная Хоркхаймером, весомо присутствует в маркузеанской критике социализма (ср.: Nogo, 1994, 183—184).

Исключив концепцию отчуждения из анализа социалистической системы, советская этика призывает индивида подчиниться социалистической организации. Нужды и потребности индивида подчинены требованиям порядка и дисциплины. Теория и практика, ставившие целью вывести людей к новой жизни в условиях свободы, превращаются в орудие, при помощи которого людей учат более продуктивному, интенсивному и рациональному труду. Как в кальвинизме, тяжкий труд становится дорогой к спасению. Ценности, относящиеся к средствам достижения цели, то есть, например, индустриализация, выступают на первый план как главные цели общества, а гуманистические ценности, являющиеся конечной целью развития, превращаются в пустой ритуал. Одновременно любовь, ответственность, семья, мораль и даже счастье становятся обязанностями по отношению к государству.

Озабоченность Маркузе приоритетностью инструментального аспекта жизни при социализме с очевидностью вытекает из инверсии, известной любому советскому гражданину: странными путями счастье превращается в обязанность, а свобода — в подчинение. Критика Маркузе носит всеохватывающий, или, в терминах немецких социологов, тотальный характер. Важно, однако, сконцентрировать внимание на природе трудового процесса в условиях социализма, потому что в этой системе (как и при капитализме) каждодневная борьба работника является, по сути, борьбой против отчуждения, то есть борьбой за большую автономию (Kortteinen, 1992; Burawoy and Lukacs, 1986). Маркузе преувеличивает степень преодоления различий между умственным и ручным трудом при капитализме. Согласно Маркузе, умственный труд во все большей степени подчиняется ценностям товарного обмена, отрицающего этическую ценность непродуцирующего «праздного класса». В результате культура лишается социальной основы своего сопротивления системе и становится шестеренкой в машине, управляющей как частной, так и публичной сферами.

Нельзя, однако, не видеть, что даже при капитализме «слепая детерминация социальной структуры» действует дифференцированно, лишая людей автономии в разной степени. Не все виды труда фрагментированы или превращены в насильственную рутину; средний класс избегает этой судьбы при помощи имеющихся у него властных ресурсов. Таким образом, при капитализме и социализме проблема отчуждения должны быть разбита на более конкретные исследовательские проблемы. Следует определить, какие виды властных ресурсов находятся в распоряжении различных групп наемных работников, какие исторические процессы связаны с использованием этих ресурсов? Теория Маркузе не дает ответа на эти вопросы. В этом отношении моя теория и комментарии Саймона Кларка по поводу положения «трудового коллектива» при социализме гораздо более полезны. Однако, как и в теории Маркузе, философским основанием моей и Кларка концепции является понятие неотчужденного труда. Измерения автономии, предложенные Э. Райтом и лежащие в основе моей теории классов, могут рассматриваться как операционализация понятия отчуждения, рассматриваемого молодым Марксом в экономических и политических рукописях (Marx, 1964). Речь идет не просто о некоей научной абракадабре, а о вполне разумном подходе, понятном любому человеку, знакомому с рынком труда. С учетом сказанного выше совсем не удивительно, что самая

изошренная критика реального социализма велась именно с позиций концепции отчуждения (Israel, 1979).

Что касается интерпретации понятия «культура», то здесь Маркузе, развивая имманентную критику социализма, явно теряет из виду непреднамеренные последствия и противоречия проекта, работающие против официально провозглашаемого божественного. Обнажая магические и ритуальные элементы советского марксизма, Маркузе утверждает, что они находятся на службе рациональности, выходящей за границы системы. Эта позиция лишает его имманентную критику всякой исторической актуальности и обрывает связь его теории с противоречиями каждодневных процессов, протекающих в массовом сознании. А ведь именно эти процессы разрушают общий план социалистического нарратива. Именно основополагающая рациональность социализма дистанцирует его от иррациональных идеологий, подчеркивающих значение таких факторов как «раса, кровь, харизматический лидер» (ср.: Marcuse, 1961, 216). В этом смысле обращение к марксизму подрывает систему точно так же, как технологическая рациональность. Например, Маркузе утверждает, что при капитализме отношения между частным и публичным существованием контролируются так, что большинство людей не осознает этого контроля, а при социализме подобный контроль осуществляется открыто посредством специальных программ обработки сознания. Эта позиция явно преувеличивает всеобъемлющий масштаб и последовательность социалистической программы. Из поля зрения пропадают многоуровневость большевистской программы и ее непреднамеренные последствия.

Трудовой коллектив и его эрозия

Саймон Кларк уделяет меньше внимания подробной концептуальной проработке прошлого. Его больше интересует понимание современных конфликтов и перспективы развития (см.: Clarke, 1993b; Clarke and Kabalina, 1994; Clarke, 1995; Clarke, 1996; Fairbrother, 1998). Кларк выдвигает свою теорию как альтернативу двум другим подходам, с иных позиций рассматривающих расклад классовых сил в России.

1. Теоретики, считающие, что в прошлом в СССР господствовал государственный капитализм, рассматривают текущие изменения как относительно гладкий переход от государственного капитализма к частному капиталу. В ходе этого перехода не проис-

ходит радикальных изменений производственных отношений. Речь идет лишь о приватизации государственной собственности номенклатурой. Если рассматривать происходящее с таких позиций, то конфликты внутри правящего класса не имеют особого значения для рабочего класса. Против кого бы ни выступал рабочий класс — против государства или против класса капиталистов-частников, его задача остается неизменной — создать движение, способное противостоять капиталу во всех его формах.

2. Если Советский Союз рассматривать как в целом социалистическое государство, современный переход означает поворот к капитализму. Эти изменения были вызваны внешним воздействием международного капитала, с одной стороны, и внутренней агентурой капитализма, с другой. Используя силу денег и государственную машину, эти силы стремятся разрушить достижения социализма и превратить массы в объект капиталистической эксплуатации внутри мировой капиталистической системы. С этой точки зрения, рабочий класс должен поддержать правящую прослойку внутри страны, поскольку последние, при всей непоследовательности их политики, представляли и представляют интересы рабочего класса, борющегося против международного капитала и его нео-либеральных идеологов. В этой ситуации рабочее движение должно поддержать «консервативную» оппозицию нео-либеральным реформам.

3. Собственная позиция Кларка такова: Советский Союз представлял собой «выродившееся государство рабочих» или своеобразную форму классового господства. Соответственно, происходящий переход означает трансформацию бюрократической прослойки в класс капиталистов. В ходе этого перехода происходит трансформация производственных отношений. Конфликты внутри правящей прослойки связаны с превращением рабочего класса из класса, подчиненность которого обеспечивалась политическими репрессиями, в класс, подчиненность которого обеспечивается формированием резервной армии труда и подчинением производства закону стоимости. Эти конфликты имеют большое значение для рабочего класса. Фундаментальный вопрос, стоящий перед рабочим движением, заключается не в том, чтобы решить, какую из конфликтующих сторон поддержать, а в том, как использовать противоречия внутри правящей прослойки для включения идей демократического социализма в повестку дня. Рабочий класс остается на исторической авансцене в той же роли, что и в прошлом: не будучи подлинным агентом социальных измене-

ний, он, тем не менее, является основным препятствием на пути полного захвата власти правящим классом (Clarke, 1993b, 5—6).

Кларк называет следующие отличительные характеристики классового господства в Советском Союзе:

1. Классовая эксплуатация;
2. Отчуждение прямых производителей от средств производства;
3. Превращение всех видов труда в наемный труд, и
4. Игнорирование производством закона стоимости.

Именно в этом, четвертом пункте кроется, по мнению Кларка, основное отличие социализма от капитализма. Это утверждение возвращает нас к вопросу, обсуждавшемуся политической экономией социализма на протяжении десятилетий. Кларк утверждает, что внешнеэкономическая политика СССР не определялась действием закона стоимости, поскольку внешняя торговля находилась под строгим государственным контролем. С этим нельзя полностью согласиться. Закон стоимости оказывал влияние на Советский Союз на уровне макроэкономического равновесия уже потому, что внешняя торговля базировалась на твердых валютах.

В социалистической экономике закон стоимости игнорировался постольку, поскольку деньги работали в ней не так, как в капиталистической. Что касается деловой деятельности, то спрос на продукты при социализме играл меньшую роль, чем предложение: велся постоянный торг по поводу ресурсов. Торг затрагивал отношения между предприятиями и министерствами, а далее между министерствами и различными планирующими организациями. Согласно Кларку, советская планирующая экономика основывалась на производстве и циркуляции полезной (потребительской) стоимости. Для эксплуатации при социализме характерно следующее:

«Прибавочный продукт не принимал форму прибавочной стоимости, а также форму недифференцированного прибавочного труда. Речь идет об особой совокупности полезных стоимостей, которой подчинялась система в целом» (Clarke, 1993b, 12).

Политбюро и военные определяли совокупность полезных стоимостей, востребуемых как прибавочные. Госплан превращал это в «план», стремящийся примирить расширенные требования Политбюро с производственным потенциалом системы. Исходя из этого, советская экономика не была ни планируемой, ни ориентированной на капиталистическую прибавочную стоимость.

Система присвоения прибавочного продукта базировалась на ситуации, при которой центр контролировал производственные ресурсы, точно так же, как феодальная система контролировала доступ к земельным ресурсам. Если бы не систематический дефицит предложения, центр не имел бы столь влиятельных позиций: именно дефицит был основой для эксплуатации и контроля со стороны центра. Руководители предприятий стремились защититься от дефицита и, одновременно, свести к минимуму свою зависимость от центра. С этой целью они максимально увеличивали свои резервы и контролировали запасы посредством вертикальной интеграции, а также при помощи развития альтернативных каналов снабжения (Clarke, 1993b, 15).

Отсутствие избыточной рабочей силы существенно влияло на положение рабочего класса в системе властных отношений на уровне предприятия. В целом ситуация советского рабочего выглядит парадоксально как в теоретическом, так и практическом плане. Рабочие осуществляли широкий контроль над процессом труда, но при этом многим из них приходилось трудиться с полной отдачей. Если рабочие имели власть, зачем им было работать как проклятым? Если у них не было власти, почему руководство предприятий не могло повышать трудовую дисциплину и интенсифицировать эксплуатацию рабочих?

Кларк ставит своей основной задачей найти ответ на вопрос, как особая советская рациональность воплощается в «производственной политике» на уровне предприятия. Интересы и устремления советских управляющих ничем не отличаются от соответствующей мотивации управляющих при капитализме: их основная цель заключается в том, чтобы контролировать процесс труда, чтобы приносить в процесс труда рациональное начало и интенсифицировать его. Парадокс состоит в том, что мы, имея перед глазами капиталистическое общество, часто склонны полагать, что единственным фактором, влияющим на поведение менеджеров, является сила рабочего класса. В советском обществе ситуация была иной: в интересы управляющих не входил полный контроль за тем, как работают рабочие. Важно было не то, как они работают, а сколько они производят. Основной помехой для достижения поставленных производственных целей было не сопротивление рабочих, а дефицит комплектующих и исходных материалов. Из этого вытекает, что ключевой проблемой для администрации предприятия является прежде всего обеспечение такого звена производственного цикла как снабжение. Администрации

предприятия гораздо легче бороться с министерством за более мягкие показатели плана, манипулировать цифрами или заставлять рабочих интенсифицировать процесс труда, чем брать процесс производства под свой полный прямой контроль. Рабочие имели широкие возможности контролировать то, как они работают, но при этом не могли оказывать серьезное влияние на объем произведенной продукции или размер оплаты труда. Рабочие выработали свои собственные стратегии борьбы с угнетением: они увиливали от работы, меняли рабочие места, принимались пьянствовать. В обществе все время велись разговоры об отсутствии дисциплины и мотивации. С другой стороны, не существовало единой концепции производственного управления. Нет ее и сегодня на приватизированных предприятиях. Крах «командной экономики» ликвидировал все формы внешнего принуждения, но не изменил внутреннюю структуру предприятия.

Советские рабочие не являлись гомогенной массой. Внутри рабочего класса существовала иерархия по профессиональному и деятельностному признаку. Были также каналы рекрутирования и мобильности, находившиеся под значительным контролем со стороны администрации предприятия. Кларк подчеркивает резкий водораздел между умственным и физическим трудом:

«Во-первых, существовали резкие различия между рабочими, занимавшимися ручным трудом, и ИТР, являвшимися в глазах рабочих частью администрации. Это отношение к ИТР было полностью оправдано. Большая часть ИТР занималась абсолютно непродуктивным трудом: составлением планов, наблюдением за выполнением производственных заданий, хранением документации. По таким показателям как образование, трудовая деятельность, оплата труда, траектория карьеры, ИТР представляли собой часть администрации. Более того, они полностью зависели от администрации в том, что касается перспективы карьерного роста. В отличие от рабочих, занимавшихся ручным трудом, ИТР не имели сколько-нибудь серьезной юридической защиты в случае наложения взыскания или увольнения. В результате ИТР были уязвимы для произвола со стороны администрации, что превращало их в преданных ее сторонников» (Clarke, 1993b, 20).

Внутри рабочего класса существовало ядро, «рабочая аристократия», отличавшаяся надежностью, высокой квалификацией, предприимчивостью и гибкостью. В социальном отношении производство было организовано именно вокруг этой страты. Это была прослойка, целиком и полностью состоявшая из лиц муже-

кого пола. Рабочая аристократия работала с полной отдачей, ее труд хорошо оплачивался, она имела значительные привилегии. Помимо этой страты существовала разнородная группа «вспомогательных» рабочих, состоявшая главным образом из женщин, занятых в трудоемких отраслях промышленности. Вдобавок имелась огромная армия не занятых в производстве канцелярских работников и управленцев, которые занимались тем, что «готовили, обрабатывали и сохраняли горы документов и которые считали, проверяли и учитывали все, что могло быть посчитано, проверено и учтено» (Clarke, 1993b, 21).

В своей идеологической ипостаси советское предприятие представляло как «трудовой коллектив»:

«Трудовой коллектив включал в себя всех, кто имел право работать на данном предприятии и в том числе женщин, находящихся в продолжительном декретном отпуске, молодых людей, находящихся на службе в армии, пенсионеров, бывших сотрудников предприятия. Именно трудовой коллектив производит и воспроизводит себя посредством предприятия. (Именно трудовой коллектив является основным претендентом на право собственности в ходе приватизации). Это означает, что достижения предприятия измеряются не деньгами, не тоннами произведенной продукции, а численностью, образованностью и уровнем квалификации рабочей силы, количеством построенных домов, числом принадлежащих предприятию детских садов. Эти характеристики рассматривались как яркая иллюстрация достижений советского предприятия и социализма в целом» (Clarke, 1993b, 25).

Концепция предприятия как трудового коллектива являлась вымыслом. И, тем не менее, принимая решения, руководство предприятия оправдывало их нуждами и волей трудового коллектива. От имени трудового коллектива руководители предприятия выступали в вышестоящих инстанциях. Во имя трудового коллектива руководители предприятия требовали от рабочих подчинения своей власти.

Советское предприятие уже не было производственной единицей, не являлось предприятием в том смысле, в котором этот термин понимается при капитализме. Оно обеспечивало широкий спектр социальных благ. Большие предприятия имели детские сады, спортивные сооружения, учреждения культуры, дома отдыха, пионерские лагеря. Они занимались строительством жилья, социальным обеспечением и образованием. В определенном смысле труд определял жизнь рабочих при социализме го-

раздо в большей степени, чем при капитализме. Многие из упомянутых благ были доступны только посредством включения в «трудовой коллектив».

«Фетишизированная форма, в которой социальный характер труда, принявший облик трудового коллектива, выступал по отношению к индивидуальному работнику, был в определенном смысле характерным для государственного социализма эквивалентом капиталистического отчуждения труда в фетишизированной форме товара. И при социализме, и при капитализме он являлся чуждым объектом, подчиняющим трудовую деятельность» (Clarke, 1993b, 25—26).

Социальные функции предприятия были, бесспорно, одним из величайших достижений социализма. Советские рабочие воспринимали доступ к широким социальным благам как должное. С другой стороны, эти блага укрепляли зависимость работника от предприятия в целом. Кроме этого, распределение товаров и услуг, традиционно находившееся в ведении руководителей, служило мощным инструментом контроля над поведением рабочих.

В целом это была система, регулировавшаяся главным образом при помощи централизованной системы снабжения. Эта система управляла как распределением трудовых ресурсов, так и выделением денег на заработную плату работникам. Упомянутые вопросы становились предметом переговоров между предприятием и министерствами, а внутри предприятия — между администрацией, бригадами и отдельными рабочими.

Кларк определяет противоречие между производительными силами и производственными отношениями внутри системы. Развитию производительных сил препятствовала особая система эксплуатации. Именно это противоречие стало основной причиной краха командной экономики. Рабочие были заинтересованы в том, чтобы не увеличивать, а уменьшать производство, поскольку контроль над прибавочным продуктом и его распределение находились в руках правящей прослойки, не занятой в производстве. Сопротивление принимало форму повсеместного сокрытия действительного производственного потенциала системы. Сокрытие практиковали не только рабочие. Предприятия скрывали свой истинный производственный потенциал в ходе переговоров с вышестоящим министерством, а министерство действовало аналогичным образом в переговорах с центральными органами управления. Чтобы сломить сопротивление, правящий класс

нуждался в параллельном звене управления в форме партии, КГБ и профсоюзов.

В результате утвердилось «планирование от достигнутых показателей», при котором показатели развития определялись на основе достигнутых результатов. Требования к производителям определялись не их производственными возможностями, а потребностью в прибавочном продукте, определяемой нуждами военных и прихотями Политбюро. В этой системе конфликт между классами был вытеснен конфликтом по поводу распределения ресурсов. Интересы рабочих находили воплощение в требованиях их непосредственных руководителей.

Со временем застой, вытекающий из основного противоречия системы, разрушил ее воспроизводство. Классовый конфликт проявлялся не в открытых формах, а в форме постепенного разрушения системы, так, как это случилось при феодализме.

Теория Кларка во многих отношениях более интересна, чем абстрактные выкладки, рожденные теорией власти или теорией эксплуатации. В частности, концепция Кларка позволяет существенно продвинуться к пониманию такой проблемы как особое положение управленцев и внутренняя дифференциация рабочего класса. Его ракурс зрения фокусирует внимание на роли предприятий и микро-уровне производственной политики, на котором формируются классы. Опираясь на теорию классов, Кларк развивает идею контроля над организационными ресурсами, который Райт и Ремер рассматривают как один из аспектов теории эксплуатации. Немаловажно и то, что общее описание «планового аппарата», содержащееся в работах Райта, представлено в теории Кларка более подробно. Кларк более детально останавливается на отличительных чертах экономической структуры плановой экономики. Если цель теории классов состоит в том, чтобы объяснить процесс их формирования, то это безусловно очень важный вклад в нее. С другой стороны, проблема управленческих интересов не должна рассматриваться лишь в связи с контролем над процессом труда. Кроме этого мы должны изучить особенности управленческих интересов и их взаимоотношения со специалистами и инженерами, то есть с разными формами умственного труда.

Наиболее важным вкладом Кларка является то, что он продемонстрировал существование тесной связи между процессом формирования классов и базовыми характеристиками экономической системы. Это лишает опоры любые аналогии, пытающие-

ся говорить о существовании статусного общества (Piirainen, 1997) или даже феодальной системы внутри реального социализма.

Трудовой коллектив обладал очень большим влиянием. На Таблице 2 можно видеть социальные блага, которые трудовой коллектив имел в советскую эпоху и те блага, которые он имеет сейчас. Таблица также иллюстрирует процесс эрозии трудового коллектива. В контексте теории Кларка этот процесс должен рассматриваться как ключевое звено классовых отношений переходной фазы развития.

Таблица 2

Социальные блага, предоставляемые трудовым коллективам в прошлом (10-15 лет назад) и настоящем (%)

	Сейчас	Раньше
Жилье	3	13
Детские ясли, сады	2	17
Отпуска	16	46
Пункты питания на работе	20	19
Одежда	33	37
Поездки	18	10
Еда	10	28
Другое	5	20
N = 1346		

С другой стороны, многие из положений теории Кларка способны свести ортодоксальный марксизм к экономическому редуccionизму. Кларк оставляет многие важные вопросы без ответа. Его критика вырождающейся власти рабочих базируется в конечном итоге на положении о «препятствии на пути развития производительных сил» и возможности «реального планирования». Это означает, что не имеет смысла задаваться вопросами о параллельных формах собственности или о реалистичности традиционной программы левых. В свою очередь Алек Ноув убедительно доказывает, что планирование от достигнутого уровня во

многих отношениях единственный способ организации производства без рынка (Nove, 1983; ср.: Rutland, 1985). Да, действительно процесс планирования мог бы стать демократичнее, но даже в этом случае многие базовые проблемы невозможно было бы решить в рамках предлагаемой Кларком программы. В их числе такие вопросы как планирование качества и управление системой в целом. В современной ситуации Россия и Восточная Европа нуждались бы в иной модели, сочетающей различные формы собственности таким образом, чтобы от этого выиграл рабочий и средний класс. Если же придерживаться программы демократического планирования, то эти вопросы выпадают из поля зрения.

Аналогичный симптом редукционизма просматривается и в утверждении Кларка о том, что необходимость партийного руководства определялась потребностями планирующих органов. Если согласиться с этим, то нет нужды в рассмотрении основополагающих проблем демократии или марксистской концепции государства.

Экономический редукционизм Кларка находит отражение и в его концепции «производственных рабочих», не имеющей ничего общего с проблемой структурирования классовой ситуации или проблемой становления социальных интересов (Kivinen, 1989, 164—197). В действительности понятия производственной и непроизводственной рабочей силы появились в контексте критики «классической буржуазной политической экономии» «непроизводственного» класса земельных собственников (Mäkinen, 1993, 162—178). Подобный редукционистский подход означает, что в системном анализе структуры классовых отношений нет необходимости.

Для Кларка особые типы божественного, характерные для рабочего движения (я буду обсуждать это более подробно в главе 4, являются скорее предпосылкой для дальнейшего анализа, нежели проблемой. Это означает, что он не задается вопросом о природе рабочего движения как культурного феномена или образа жизни, словно интересы и сознание рабочего класса и любой гегемонический проект, реализуемый им, может определяться способом производства, вне какой-либо связи с особой социальной ситуацией, историей или культурой России. Подобная аргументация никак не предусматривает ситуацию, при которой Россия продвигается от нынешнего этапа, со свойственным ему бурным развитием профсоюзного движения, к программе «демократического социализма».

Ограничивая свой анализ понятием божественного, традиционного для рабочего движения, Кларк обходит стороной не только проблемы различных форм собственности, но и проблеме среднего класса. Действительно, в работах Кларка предлагается интересный анализ ситуации положения инженеров и других ИТР. Однако, он избегает делать общие выводы о формировании в этой группе особых классовых интересов. Средний класс предстает в его рассуждениях как абстрактная интеллигенция, словно рабочий класс и «правлящий» класс — это единственные значимые агенты социального действия. Если рассматривать реальный социализм и капиталистическую систему как частное проявление всеохватывающей эксплуатации, легко упустить из виду конкретные классовые интересы, различные типы компромиссных ситуаций, в которых классовые отношения не являются игрой с нулевой суммой. В результате, к примеру, отдельные этапы исторического развития Советского Союза становятся неразличимыми. Взять хотя бы «ориентацию на специалистов», свойственную поздним этапам сталинизма. В контексте классового компромисса эта политика имела совершенно иной смысл, нежели ориентация на рабочих и крестьян, характерная для хрущевской эпохи. Одновременно игнорируются текущие интересы среднего класса, хотя именно к этим интересам апеллируют сегодня все политические силы России.

Номенклатура и рабочий класс

Картина советской классовой структуры, нарисованная при помощи упомянутых теорий, остается достаточно туманной. Для этих теорий характерны две основные проблемы: во-первых, они оставляют за рамками анализа положение среднего класса, а, во-вторых, в них нет исторических подходов к процессу становления классовых отношений. Проблему исследования среднего класса затрону позже. Рассматривая взаимоотношения номенклатуры и рабочего класса, упомянутые теории приходят к важным выводам, однако, в целом описание структуры классовых отношений на разных этапах советской истории остается весьма грубым. Нельзя отрицать, что номенклатура 20-х годов отличается от номенклатуры пятьдесят лет спустя. Аналогичным образом изменяется понятие «идеального рабочего класса», по-разному раскрывающееся в разные эпохи. Изменения коснулись «позиций» в классовой структуре и «людей», занимающих эти позиции. Как

это ни странно, но ни одна из названных теорий не уделила серьезного внимания классовой структуре в сельских районах, даже несмотря на то, что 90% населения в период революции принадлежало к категории бедных крестьян.

Рассмотрим кратко процессы становления классовых отношений в разные периоды советской истории:

Ранний период существования СССР / военный коммунизм и НЭП

— Ликвидация имущих классов.

— Создание позиций для нового правящего класса, которые занимает советская интеллигенция и активисты, имеющие происхождение из рабочих.

— Остается немало мелкобуржуазных промежуточных и переходных классов на небольших предприятиях и фермах, описанных Николаем Бухариным (1924).

— Рабочий класс, почти полностью исчезнувший в годы гражданской войны, с начала 20-х годов снова начинает расти, черпая пополнение из крестьян.

— Трудовой процесс остается коллективным, и профсоюзы продолжают (эпизодически) отстаивать интересы рабочего класса в отношениях с управленцами.

— Существует лишь небольшое число позиций, характерных для среднего класса. Эти позиции занимают буржуазные специалисты.

Сталинизм

— Пополнение рядов номенклатуры за счет притока кадров извне становится все более редким явлением. Вместе с тем, кадры, входящие в номенклатуру, меняются вследствие продолжающихся чисток. Объем привилегий, свойственных этим позициям, увеличивается.

— Промежуточные группы, основывающиеся на мелкой собственности, исчезают.

— Число новых позиций среднего класса (руководители, эксперты, инженеры) быстро увеличивается. Эти позиции занимают выходцы из рабочего класса.

— На микроуровне плановой экономики возникает идеологический и социальный феномен «трудового коллектива», объединяющего рабочих одного предприятия. Профсоюзы утрачивают свою независимость. Создаются привилегированные позиции внутри рабочего класса («стахановцы»), что дает рабочим возможность продвигаться по социальной лестнице.

— В сельских районах крестьяне становятся объектом внутренней колонизации, порожденной жесткими нормами поставок сельхозпродукции государству.

Эпоха Хрущева-Брежнева

— В сельское хозяйство направляются значительные капиталовложения при одновременном снижении норм поставок. Разрешено хозяйствование на приусадебных участках. В результате положение коллективизированного крестьянства улучшается.

— Продолжается рост нового среднего класса, но при этом соответствующие позиции все чаще занимают выходцы из самого среднего класса. Одновременно уменьшается объем привилегий, свойственных данным позициям. Все чаще партийные кадры и члены партии рекрутируются из рядов среднего класса.

— Внутри рабочего класса укрепляется его ядро. Хотя в демографическом отношении показатели рабочего класса постепенно выравниваются, его образ жизни по-прежнему в основном сельский.

Как мы можем видеть, общие формы существования классово-вой структуры существенно изменяются в разные периоды истории СССР. На разных этапах различаются также формы подчинения и эксплуатации. В разные периоды демографический профиль различных классов и их образ жизни порождает различные классовые идентичности. Они, однако, в значительной степени отличаются от нравственного пространства, в центре которого находится «идеальный рабочий класс». Я вернусь к этой теме в главе 4.

ПРОБЛЕМА СРЕДНЕГО КЛАССА

В развитых капиталистических странах, как правило, проводится различие между двумя типами среднего класса — старым и новым. Старый средний класс состоит из мелких предпринимателей и фермеров, новый — из руководителей и экспертов, то есть из специалистов и управленцев. Это различие впервые появляется в работах Карла Каутского, различавшего мелкую буржуазию и «*neue Mittelstand*» (Kautsky, 1899).

В России слабость среднего класса стала предметом обсуждения еще до революции. Уже тогда подчеркивалось, что буржуазия в России мала и что группы специалистов — врачей, юрис-

тов, инженеров и преподавателей — также невелики. Строго говоря, это было не совсем так, поскольку специалисты были широко представлены среди свободных профессий. Кроме того, в России существовала интеллигенция, являвшая собой серьезную силу.

Отсутствие какого-либо анализа среднего класса является основной проблемой традиционных классовых теорий советского общества. Средний класс безусловно заслуживает большего внимания. Ведь в целом проблема среднего класса — это одна из наиболее важных, базовых проблем социологического анализа.

Очевидно, что в обществах государственного социализма не существовало среднего класса, основывающегося на собственности. В некоторых странах народной демократии были прослойки независимых фермеров, но их наделы были очень малы. Большинство владело не более чем десятью гектарами земли. В отличие от этих стран в России не было независимых фермеров или городской мелкой буржуазии. Ныне, спустя 60 лет, эти группы воссоздаются в процессе приватизации; эту тему мы затронем позже. Полемика вокруг среднего класса в России концентрируется на той группе, которая в западной социологии именуется «новым» средним классом, хотя в нынешней российской ситуации он может быть охарактеризован как «старый», поскольку своими нынешними позициями он обязан советской эпохе. Я попытаюсь показать, как этот факт связан с проблемой профессионального становления и формирования управленческих иерархий. Эти процессы при капитализме и социализме ощутимо различаются между собой.

Новый универсальный класс?

Зачастую социальные классы рассматривались не только как носители своих собственных специфических интересов, но и как защитники всеобщего блага. С точки зрения Гегеля, универсальным классом была бюрократия, служившая государству. По мнению Маркса (как мы уже видели) универсальным являлся рабочий класс, несший на себе бремя всеобщего страдания и воплощавший будущие производственные отношения. Новый средний класс часто определялся как группа, состоящая из технократов и бюрократов, а также как интеллигенция. Средний класс, как и другие, мог бы рассматриваться с этической точки зрения — либо как носитель «добра», либо как носитель «зла».

Алвин Гоулднер дал одну из наиболее развернутых интерпретаций нового среднего класса. Он отмечает, что многие базовые социологические концепции исходят из того, что могущественные силы общества воплощают собой добро, а слабые — зло. Однако, заявляет он, моральные качества и власть не всегда сопутствуют друг другу. Это — хороший повод, чтобы задаться вопросом, какие интересы и какую мораль представляет новый средний класс.

Гоулднер выделяет несколько концепций нового среднего класса:

1. Новый средний класс представлен как группа, состоящая из благородных технократов. Джон Кеннет Гэлбрейт, например, рассматривает новый класс как новую историческую элиту, уже утвердившую себя в общественных институтах и использующую имеющееся у нее влияние во благо общества. Возникновение новой группы неизбежно, и ей можно доверять (Galbraith, 1967; Bell, 1973; Berle and Means, 1932).

2. Новый средний класс рассматривается как класс хозяев. Старое поколение революционеров, и в том числе Михаил Бакунин и Ян Вацлав Махайски рассматривали новый средний класс как очередное звено длительного процесса циркуляции исторических элит, как социалистическую интеллигенцию, не привносящую в этот мир ничего нового и продолжающую эксплуатировать остальную часть общества так же, как и старый правящий класс. Правда, в отличие от старого класса, новый использует в качестве инструмента эксплуатации не деньги, а образование.

3. Новый класс определяется как классовый союзник старого правящего класса. Тэлкот Парсонс рассматривал новый класс как группу, преследующую благие цели, состоящую из преданных своему делу профессионалов. Новый класс изменит облик старого класса собственников, превратив его из группы, завязанной на свои корыстные интересы, в элиту, характеризующуюся ориентациями на всеобщее благо. Слившись с этой группой, новый класс создаст новую благородную элиту, сохраняющую преемственность по отношению к старой, но обладающую новыми положительными качествами.

4. Новый класс рассматривается как группа, находящаяся в услужении у власти имущих. Морис Цейтлин, Ноам Хомски и другие социологи критического направления рассматривают новый класс как группу, прислуживающую старому классу соб-

ственников. Сегодня, как и в прошлом, последний держит власть в своих руках (Chomsky, 1969; Zeitlin, 1974).

Гоулднер считает сомнительными любые точки зрения, упускающие из виду влияние старого правящего класса, основывающегося на владении капиталом. Новый класс нельзя однозначно охарактеризовать как единственную власть. Но при этом нельзя свести его роль к роли слуги правящего класса. В отношениях между буржуазией и новым средним классом существует напряженность, никак не отраженная в концепциях Парсонса и Цейтлина. По мнению Гоулднера, возможен вариант разрешения конфликта, при котором новый класс свергает старый правящий класс. Картина далеко не статична. Рост численности нового класса и увеличение его влияния должны приниматься во внимание. Хомски недооценивает уровень влияния, которым новый класс обладает сегодня. Гэлбрейт, наоборот, переоценивает его. Теориям Гэлбрейта и Парсонса свойственен общий недостаток: они не видят то, как новый класс отстаивает собственные эгоистические интересы и борется за власть.

Рассматривая тему отстаивания общих интересов, Гоулднер очень осторожен. Он утверждает, что новый класс действительно заинтересован, пусть даже временно, в отстаивании всеобщего блага. Несмотря на то, что новый класс эгоистичен, обладает элитными ориентациями и стремится продвинуть свои собственные интересы, он все же «наилучшая карта из всех, которые история выдала нам сегодня».

5. Гоулднер рассматривает новый класс (он неохотно использует термин «средний класс», хотя в традиционном понимании речь идет именно о новом *среднем* классе) как зародышевое состояние нового «универсального класса». В новый класс входит техническая интеллигенция и интеллектуалы, то есть носители знания. Однако, пока новый класс еще не в состоянии играть роль «универсального класса» в подлинном смысле этого слова. Новому классу свойственны элитные ориентации и эгоизм. Он использует свои специализированные знания, чтобы продвинуть свои интересы и власть, а также увеличить степень контроля над собственной трудовой ситуацией. Однако он свободен от рациональности и морали, характерной для класса капиталистов и уже поэтому, пусть временно, способен внести свой вклад в отстаивание всеобщих интересов. Хомски безусловно преуменьшает власть и независимость нового класса. Однако, новый класс — не

единственная группа, находящаяся у власти. Его власть растет как результат процесса профессионализации (Gouldner, 1979, 5—8; Joutsenoja, 1992).

Попытка Гоулднера проанализировать положение нового среднего класса в динамике, фокусируя внимание на противоречивости его интересов, — это безусловно шаг вперед по отношению к неисторическим, упрощенным схемам. Но и такой подход не свободен от недостатков. В какой степени можно рассуждать о роли среднего класса в общих терминах, абстрагируясь от «общих потребностей» каждого конкретного общества? Эту линию на конкретизацию ситуации следует развивать путем рассмотрения властных ресурсов, находящихся в распоряжении среднего класса, становления его профессиональной структуры и классовых отношений.

Наиболее важное достижение теории Гоулднера — это акцент на особой рациональности и ограничениях позиции нового класса. В контексте своей теории Гоулднер почти ничего не говорит о рабочем классе. Однако его точка зрения может быть дополнена концепцией особой эпистемологии рабочего класса, предложенной Виллисом (Willis, 1979). Согласно этой концепции, классовое сознание не связано с каким-то особым содержанием сознания. По Виллису, классовое сознание воплощено в различных способах познания мира и разных формах рациональности. Именно поэтому внутри группы наемных работников находятся две разные социальные реальности.

Язык среднего класса: критика и культурные отличия

Гоулднер утверждает, что существуют два наиболее важных теоретических основания общей теории нового класса: во-первых, это — теория специфической культуры критического дискурса, а, во-вторых, общая теория капитала, в контексте которой «человеческий капитал» нового класса или денежный капитал старого класса рассматриваются как частные случаи.

В книге «Французское наследство» писатель Андрей Макин описывает процесс формирования габитуса социальных классов в советской школе. Он вспоминает, что его школьный класс был поделен на три клана, каждый из которых соотносился с определенной классовой позицией в будущем. Большинство были пролетариями, выходцами из семей рабочих. Им суждено было стать

рабочими огромного речного порта. Будущие «технари» (в перспективе выпускники техникумов, то есть инженеры и технический персонал) держались особняком от пролетариев и находились в школе в центре внимания, благодаря своим успехам в математике и успехам в учебе. Наконец, в классе была представлена растущая группа интеллектуалов. Уже в школьные годы их отличали ранние признаки рациональности среднего класса, определяемого Гоулднером как особое лингвистическое сообщество:

«У одной и той же истории тон менялся в зависимости от того, кому я ее рассказывал — «пролетариям», «технарям» или «интеллектуалам». Гордясь своим талантом рассказчика, я менял жанры, адаптировал стиль и выбирал слова. Чтобы доставить удовольствие первой группе, я делал упор на страстные игры Президента и Маргариты. Мужчина, а тем более президент республики, испустивший дух от любовного переутомления, одна эта картина вводила их в состояние экстаза. Технарей больше интересовали нюансы и повороты психологической интриги. Они хотели знать, что случилось с Маргаритой после ее эротического подвига. Что касается «интеллектуалов», то их эта тема совершенно не волновала. Некоторые из них, чтобы показать отсутствие у них интереса, время от времени демонстративно зевали. Я понял, что язык, на котором говорили в этом узком кругу, состоял из перекошенных словечек, загадочных каламбуров, лагерных реплик, фразеологических оборотов, известных только внутри группы. Со смешанным чувством восхищения и муки я отмечал, что этот язык обходится без окружающего нас мира, без солнца, без ветра» (Makine, 1997, 175—176).

Отрывок из книги Макина наглядно иллюстрирует гоулднеровскую концепцию идеологии, основывающейся на особом дискурсе нового класса. Этот тип критического дискурса опирается на совокупность правил, рожденную процессом групповой эволюции, особую грамматику, с помощью которой доказываются утверждения. При этом способ доказательства не требует обращения к авторитетам. Этот тип дискурса делает упор на добровольное согласие тех, кому адресована аргументация, только лишь на основании ее убедительности (Gouldner, 1977, 28).

Макин четко осознает, что эти культурные различия в отношении рабочего класса не являются тривиальными стилевыми нюансами. Именно посредством этих различий воспроизводятся социальные иерархии. Даже в обществе, провозглашающем широкие возможности вертикальной мобильности для рабочих, дети

рабочих очень часто шли по стопам своих родителей. Советская идеология так и не смогла объяснить существование культурных кодов или скрытых учебных программ (Bernstein, 1971). Идеология среднего класса и рабочего класса воспроизводятся при социализме на низовом уровне точно так же, как это происходит в капиталистических странах.

Таблица 3

**Формирование классов в Советском Союзе
и тип профессиональной подготовки**

	Ядро нового среднего класса	Переходные группы	Рабочий класс	№
Приобретение профессии на рабочем месте	21	17	62	158
Повышение квали- фикации во время производственного процесса	8	20	72	85
Профессиональное училище	5	15	80	112
Средне-техническое образование (Техникум)	35	25	40	148
Высшее образова- ние (Университет или Институт)	53	40	7	239

Процессы в классовых отношениях

В каких-то аспектах Гоулднер следует в русле теории Хабермаса, в других — теории культурного капитала Бурдьё. Для Бурдьё капитал — это прежде всего один из ресурсов, используемых семьей при выборе различных стратегий воспроизводства. Капитал может принимать экономическую или культурную форму (Bourdieu, 1984). Концепция капитала Бурдьё представляет собой один из значительных результатов классовых исследований за последние несколько десятилетий. Изучая постоянство относитель-

ной социальной мобильности, мы вряд ли сможем добиться значительного продвижения вперед, если будем опираться только на понятие экономических ресурсов. Необходимо принимать во внимание роль культурных ресурсов, имеющих ключевое значение для понимания того, почему разные люди оказываются на разных социальных позициях. Однако, если придавать решающее значение выбору семей стратегий воспроизводства, то остается непонятным происхождение самих социальных позиций. В этом аспекте теории Гоулднера и Бурдье открыты для критики.

Во-первых, в условиях конкуренции производство прибавочной стоимости становится категорическим императивом для капиталиста-частника. В то же время наемный работник связан условиями своей «характерной маски». При том, что анализ воспроизводства классовых отношений в «Капитале» Маркса явно не достаточен для создания общей теории современного общества, он, тем не менее, убедительно показывает, что воспроизводство капитала означает одновременно воспроизводство фундаментальных классовых отношений (Marx, 1977). Владелец капитала остается капиталистом, а наемный работник остается наемным работником. И действительно, существование социальных позиций в производстве или других организациях никак не определяется семейными стратегиями воспроизводства. Следовательно, необходимо изучать коллективные властные ресурсы, связанные с ними стратегии, а также позиции, возникающие в результате «производственной политики» (Kivinen, 1989, 70—71).

Основное стратегическое решение этой проблемы, предложенное в моих работах (Kivinen, 1987; 1989), состоит в том, чтобы связать классовую теорию с социологией труда. Концептуализируя коллективные властные ресурсы на уровне трудовых процессов, важно не ограничиваться обыкновением сопоставлением двух сфер власти и труда. Следует принимать во внимание властные ресурсы нового среднего класса и связанные с ними формы организации «производственных отношений». Это ведет к пониманию того, что «умственный труд» — это далеко не простое понятие. Этот вид труда принимает разные формы, рождающие разные властные ресурсы, разные стратегии и исторические процессы. Ключевую роль в анализе властных ресурсов нового среднего класса играет профессионализация. И действительно, именно степень профессиональной автономии является основной для дифференциации форм умственного труда.

Такой подход означает, что становление нового среднего класса в России должно изучаться в разрезе классовых отношений и, в частности, в разрезе профессионализации. Я попытаюсь подробно охарактеризовать особенности классовых отношений в Советском Союзе и России. Акцент на изучении среднего класса лежит в основе предложенной мной операционализации классовой структуры современной России и изучения структуризации классовых отношений в России в последние годы существования СССР (данные, на которые опирается концепция, см.: Беляева, 1993).

Даже несмотря на то, что положение советского среднего класса в значительной степени зависело от его отношений с номенклатурой и партийным аппаратом, было бы явным упрощением полагать, что он всегда оставался в рамках обслуживания номенклатурных интересов (Zaslavskaya, 1992). Следует более пристально взглянуть в те процессы, которые определяют классовые отношения.

Эволюция классовых отношений, характеризующая дифференциацию форм умственного труда, может быть концептуализирована следующим образом:

Профессионализация;

Эволюция управленческих иерархий;

Эволюция научно-технических профессий;

Разделение канцелярского труда и собственно управления, деградация канцелярского труда;

Развитие социального обеспечения как особой формы наемного труда, профессионализация социального обеспечения;

Изменения положения и квалификационных требований к квалифицированным рабочим;

Положение небольших предприятий в экономической структуре и развитие особых форм организации (патернализм).

Чтобы создать адекватную картину классовых отношений при социализме, следует сначала определить специфику упомянутых выше процессов в социалистическом и капиталистическом обществе и только после этого продвигаться к пониманию интересов и особой природы среднего класса.

Профессионализация

В социалистической идеологии не имеется подробной, системной позиции по проблеме профессионализации. Как подчеркивал Тэлкот Парсонс:

«Из опыта почти с очевидностью вытекало, что «ученые профессии» занимают влиятельные позиции в современном обществе, а в идеологической доктрине, рассматривающей капитализм и социализм в качестве альтернатив, они полностью отсутствовали».

В России различные версии большевистского проекта занимали разные позиции по проблеме умственного труда (эгалитаризм старых большевиков, сталинская критика чрезмерной уравниловки и т. д.). Это означало, что в СССР судьба разных форм умственного труда определялась исходом конкретных исторических коллизий и исторических стратегий. Эта судьба не могла быть определена на уровне абстрактных концепций, как это пытался сделать Джон Ремер в его теории эксплуатации (Roemer, 1982a; Blom and Kivinen, 1990).

Моя трактовка проблемы отталкивается от позиции Барбары и Джона Эренрайхов, попытавшихся разработать комплексную теорию профессионально-управленческого класса, исходя из роли профессионализации в процессе становления особых интересов среднего класса (Ehrenreich and Ehrenreich, 1979). Эренрайхи рассматривали прежде всего капиталистическое общество. Полезно, однако, видеть, как эта теория может быть использована для анализа советской действительности.

Эренрайхи утверждают, что наемные работники, принадлежавшие к среднему классу, — технический персонал предприятий, управленцы и производители культурных образцов — должны рассматриваться в системе монополистического капитализма как особый класс, находящийся в антагонистических отношениях с рабочим классом. По мнению Эренрайхов, умственный труд нового класса сформировался как следствие атомизации рабочего класса, фрагментации его профессиональной квалификации и культуры. С одной стороны, внедрение научных методов управления и сопутствующая ему ликвидация квалификации и автономии рабочего класса порождают необходимость постоянного роста численности управленцев. С другой, прогрессивные программы реформирования различных институтов — от начальной школы до систем здравоохранения и социальной защиты — приводят к вытеснению традиционной системы взаимопомощи и самой культуры рабочего класса. Это тот случай, когда развитие товарно-денежных отношений приводит к уничтожению докапиталистических сообществ (Ehrenreich and Ehrenreich, 1979, 16).

Эренрайхи утверждают, что функции и интересы среднего и рабочего класса не только различны, но и антагонистичны по своей природе, даже несмотря на то, что и те, и другие продают свой труд классу капиталистов. Противоречие коренится в том факте, что рост профессионально-управленческого класса как особого класса наемных работников умственного труда основывается на уничтожении традиционной квалификации и культуры рабочего класса. Объективно антагонистические отношения принимают в реальной жизни форму отношений контроля. Именно отношения такого рода составляют основу контактов между средним и рабочим классами: учитель и учащийся (или родитель), менеджер и рабочие, социальный работник и его подопечный и т. д. Субъективное измерение этих контактов представляет собой сложную смесь враждебности и почтения со стороны рабочего класса, презрения и патернализма со стороны среднего класса (Ehrenreich and Ehrenreich, 1979, 17).

Эренрайхи подчеркивают, что предпосылки стабильности и автономной власти среднего класса лежат в области коллективного действия. Типичной формой самоорганизации среднего класса является профессия, характерные черты которой могут быть выражены тремя пунктами:

Особая область знаний, доступная только в результате длительной подготовки;

Особые этические стандарты, включающие в себя ориентацию на обслуживание потребностей общества;

Определенная мера автономии в профессиональной практике, препятствующая вмешательству извне (Ehrenreich and Ehrenreich, 1979, 26).

В период между 1880 и 1920 гг. врачи, юристы, инженеры и учителя определились в США как независимые профессии. Однако, не все из них добились одинаковых успехов в процессе профессионализации. Эренрайхи указывают, что многие профессии (такие, как профессия медсестры) рассматриваются как отдельные профессии только из уважения, хотя в действительности они не являются действительно профессиональными позициями. Даже инженеры не могут сказать, что они действительно обладают «профессиональной автономией».

Подход Эренрайхов к проблемам профессионализации прямо связан с классовой теорией. Он демонстрирует то, как развитие умственного труда может рассматриваться в качестве результата деятельности нескольких исторических субъектов. Однако

Эренрайхи не дают системного анализа властных ресурсов, которыми определяются возможности разных групп воплощать в жизнь свою стратегию профессионализации. Они не обращаются к опыту разных стран и не задаются вопросом о позиции профессий в социалистическом обществе. Это отнюдь не малое упущение их теоретической схемы, обнажает историческую, теоретическую и политическую слабость их концепции.

В современной России основные социальные цели включают в себя создание системы здравоохранения, создание современных, экологически безопасных технологий, восстановление системы образования, модернизацию транспорта и связи (Kagarlitsky, 1992, 170—171). Ни одна из этих целей не может быть достигнута посредством радикального поворота к прошлому образу жизни рабочего класса. Все гуманистические и левые программы реформ должны воспринять существование профессионального знания и практик как неизбежность. В обществоведении время всеобъемлющей критики профессионального знания и среднего класса прошло. С моей точки зрения, Эренрайхи, как представители американских левых, тесно увязывают свою классовую теорию с дуальной классовой концепцией, преобладающей в американском радикальном рабочем движении. Согласно этой концепции, только рабочий класс и буржуазия обладают реальным политическим влиянием. Этот вполне российский образ мысли израсходовал свой потенциал.

Картина уничтожения традиционной квалификации рабочего класса и культуры, характеризующая, по мнению Эренрайхов, западное общество, имеет немало общего с тезисом советологов о полной атомизации советского рабочего класса и общества в целом. Эренрайхи полагают, что этот процесс спровоцирован средним классом, а советологи винят государство, вмешивающееся в жизнь общества, и партийный аппарат. Какую роль сыграли профессии в становлении СССР, и насколько атомизированным был советский рабочий класс в действительности?

Ни один из трех процессов, названных Эренрайхами, не протекал в советском обществе так, как в капиталистическом. Да, действительно, процесс производства был организован по Тейлору, но экономика дефицита поддерживала состояние «ограниченной автономии», сопровождающейся низкой интенсивностью труда. Эта автономия возникает тогда, когда в процессе производства необходимо постоянно адаптироваться к некачественным материалам и технологиям (Burawoy and Lukacs, 1986, 314). Партия играла важную роль в создании механизмов социального контро-

ля. Было бы, однако, явным преувеличением утверждать, что партия активно противодействовала контролю со стороны профессиональных групп в повседневной жизни. Скорее, можно говорить о том, что на цеховом уровне рабочий класс находился одновременно под контролем со стороны управленцев, специалистов и партийных бюрократов, которые, в свою очередь, составляли на этом низовом уровне более или менее консолидированную элиту. Однако уровень контроля и проникновения товарных отношений в повседневную жизнь был ограничен существованием структур неформальных связей, игравших важную роль даже в процессе приобретения потребительских товаров (Srubar, 1991; Lonkila, 1997). Есть немалые основания полагать, что тезис о полной атомизации рабочего класса является преувеличением (Nikula, 1997). Наоборот, можно предположить, что в России традиционный образ жизни и культура рабочего класса оставались более сильными, чем на Западе. В России, однако, этот образ жизни и культура сохраняли свои особые архаические, сельские черты.

Положение групп, принадлежащих к среднему классу, имело ряд особенностей не только в том, что касается их отношений с рабочим классом. Профессиональные группы сталкиваются со значительными ограничениями тогда, когда стремятся использовать свои властные ресурсы (ср.: Larson, 1977, 47—48; Kivinen, 1994; Беляева, 1993).

Во-первых, профессиональные организации обладали разными возможностями противодействовать внешнему вмешательству в процесс определения производственных заданий. Во-вторых, рынок труда работал совсем не как рыночный механизм в чистом виде, потому что в определенной степени управлялся политическими мотивами в вопросе о распределении рабочей силы. Не существовало настоящего рынка труда для специалистов, и весь средний класс был занят в больших бюрократических иерархиях. В капиталистических странах для большинства специалистов складывается аналогичная ситуация, но при этом у них есть принципиальная возможность полностью или частично заниматься частной практикой.

Многие специалисты, работающие в капиталистических странах на солидной, устойчивой основе (например, юристы), в Советском Союзе не имели аналогичного твердого научного базиса. Здесь им приходилось сталкиваться с постоянным вмешательством партийного аппарата, формирующего профессиональные

практики. Многие другие профессии находились примерно в такой же коллизии с господствующей идеологией. Хорошим примером этого является социология. Помимо настоящих профессионалов в этой сфере было немало так называемых псевдо-профессионалов, вышедших из партийных рядов и обладавших организационным капиталом (ср.: Shlapentokh, 1990). Возможности специалистов вести публичную борьбу за профессионализацию были ограничены. Между тем, на Западе эта борьба становится все более важным фактором, определяющим положение этой группы (Joutsenoja, 1992). Ясно, что специалисты в СССР имели ограниченные возможности управлять процессом «производства производителей», то есть системой образования и масштабами подготовки кадров. Возникло несколько отраслей знания, в которых численность специалистов намного превышала аналогичный показатель для западных стран. Именно такое положение сложилось, к примеру, в медицине и инженерных отраслях. С этим явлением был связан процесс феминизации ряда отраслей знания, в то время как на Западе в них явно преобладают мужчины.

Труднее оценить проблему этоса российских специалистов, крайне редко становившегося объектом эмпирических исследований. Есть, однако, основания утверждать, что традиционная российская интеллигенция была достаточно далека от профессионального мышления. У традиционной интеллигенции не было четкой позиции в социальном разделении труда. Ее этос был заострен не столько на идее профессиональной компетентности, сколько на бесконечной полемике о высоких идеях, благородных целях и будущем России (ср.: Lewin, 1985; Bauman, 1989). Вдобавок в ее сознании преобладало чувство вины по отношению к народу:

«Традиционная роль российской интеллигенции состояла в том, чтобы от имени народа и общества выступать против недемократичного государства, защищать интересы угнетенных слоев населения вместо того, чтобы защищать свои интересы, рассматривать свою деятельность в тесной связи с борьбой за демократию. Именно эти нравственные принципы сплотили интеллигенцию в единую группу» (Kagarlitsky, 1992, 58).

Профессионализм играл вторичную роль и для «своей интеллигенции», созданной в сталинский период. Российский социолог А. Козлова утверждала, что новая интеллигенция рекрутировалась из полуобразованного слоя уличных пропагандистов, не

ведающих интеллектуальной рефлексии и скептицизма. В сознании этой группы утвердилась смесь народных верований и прагматических ориентаций, что привело к радикальному упрощению экономических, политических и художественных форм деятельности. В результате возникла новая версия бюрократической рациональности, отличная от западной (Козлова, 1990). В этой системе взглядов безличное таинство бюрократического действия оказалось более важным принципом, чем индивидуализм профессионала.

Начальники и инженеры

В СССР отношения между управленцами и профессионалами складывались, как правило, менее напряженно, чем в капиталистических странах. При капитализме инженеры и управленцы никогда не могли утвердить себя в статусе профессионала, потому что были слишком зависимы от товарного рынка, экономических циклов и меняющихся управленческих стратегий. При социализме позиция управленца зависела от выполнения плана, а его автономия ограничивалась, с одной стороны, министерством, с другой, — партийным аппаратом. В ответ управленцы стремились подчеркнуть свою профессиональную особость. В официальной советской классификации управленцы включались в состав интеллигенции, и это не вызывало у них возражений. Групповое сознание начало формироваться в среде бюрократии и специалистов, занятых в производстве, только в период реформ, начиная с конца 80-х годов (Melin, 1996, 144).

Если рассматривать социализм и капитализм как два типа общества, находящихся под контролем управленцев, то теряются из виду важные различия между ними в отношении собственности и в том, что касается объектов накопления. В социалистическом обществе управленцы не осуществляют всеобъемлющих функций капитала (см.: Kivinen, 1987, 63—64). Вместо этого они выполняют функции государственного планирования (Davis and Scase, 1985, 90). Это означает, что их позиция в общественной иерархии имеет свою специфику. При социализме управленец подчиняется приказам планирующих органов и органов политического контроля. Это означает, что он обладает меньшей степенью автономии и более ограничен в своих действиях. Такая количественная характеристика его положения — это лишь верхушка айсберга. Гораздо важнее то, что в разных общественных систе-

мах позиции и ситуации управленцев и инженеров по-разному структурируются.

Коротко охарактеризуем базовые процессы и основных социальных агентов, определяющих ситуацию управленцев и инженеров в Советском Союзе.

Утверждение Ч. Р. Миллса о том, что историю среднего класса творит не он сам, а другие, вполне точен как в отношении Советского Союза, так и в отношении США. Тем не менее, нельзя не признать, что управленцы и инженеры выступают при социализме одновременно как коллективные и индивидуальные агенты.

«ВСИ, будучи профессиональной организацией, защищающей профессиональные интересы своих членов, должна бороться с проявлениями социальной анархии, которые уничтожают экономическую жизнь страны и ставят членов ВСИ в положение, когда они не могут свободно, в соответствии со своей совестью, выполнять профессиональные обязанности управления и развития российской промышленности. ВСИ запрещает своим членам вступать в организации, политика которых способствует разрушению промышленности, и поддерживать эти организации своими знаниями и опытом. Члены союза не могут выполнять функции комиссаров на промышленных предприятиях, участвовать в комитетах рабочего контроля, или в других комиссиях, наделенных управленческими функциями. Члены союза должны бороться против вмешательства безответственных сил...» (Отрывок из резолюции Всероссийского съезда инженеров в январе 1918 г., цит.: Lampert, 1979, 15).

Вскоре после революции возникает, как мы видим, организация сознательных инженеров и управленцев, пытающихся заблокировать внешнее вмешательство в свою деятельность и определить ее условия. Однако этому не суждено было длиться долго:

«Широкие массы инженеров и техников рассматривают себя как неотъемлемую часть рабочего класса и отвергают любую идеологию, чуждую идеологии советской власти. Основная задача массы инженеров и техников состоит не в том, чтобы утверждать свою кастовую исключительность, не в том, чтобы требовать особых привилегий буржуазного инженера, а в том, чтобы стремиться к взаимному доверию инженеров и техников, с одной стороны, и рабочего класса в целом, с другой» (Отрывок из резолюции Всероссийского союза инженеров в январе 1918 г., цит.: Lampert, 1979, 27).

Даже во время НЭПа звучали выступления, в которых профессиональный скептицизм, аполитизм, мещанство рассматри-

вались как антитеза большевистской воли и энтузиазма. Одновременно принадлежность к «гильдии» или «касте» рассматривалась как угроза общественности. В ходе выполнения первого пятилетнего плана критика такого рода раздавалась все чаще и чаще.

Процесс, определивший положение управленцев, инженеров и интеллигенции, порожденный внешними по отношению к ним обстоятельствами, заключался в полной политизации общества. Этот процесс, однако, не был простым движением вперед, свободным от конфликтов и противоречий. В той своей части, которая касалась управленцев и инженеров, этот процесс был связан с двумя интерпретациями взаимоотношений между умственным и физическим трудом.

Первая, функционалистская интерпретация предполагает, что различия между умственным и физическим трудом носят необратимый характер. Инженеры и управленцы рассматриваются как представители технологии, науки и развития производительных сил. Именно поэтому они имеют право ожидать особого к себе отношения и особых привилегий.

Согласно второй интерпретации, эти группы представляют собой сообщество буржуазных интеллектуалов, которые всеми возможными способами стремятся подорвать попытки построения социализма. Эта позиция стала отправной точкой для организации ряда судебных процессов: шахтинского дела, дела Промпартии и т. д. Из подобного посыла исходили и эпизодические кампании, в рамках которых рабочих натравливали на сомневающихся интеллигентов. Эти кампании могут рассматриваться как проявления классового подхода, в рамках которого научно-техническая интеллигенция выступала в роли враждебного класса двурушников.

Между интерпретациями и стратегиями «политизации» укорененными в этих двух подходах, существовала постоянная напряженность. Нельзя сказать, что между этими стратегиями существовала четкая временная граница, хотя функционалистский подход явно преобладал в период НЭПа, а стратегия классовой борьбы доминировала во все другие периоды, а особенно в период реализации первого пятилетнего плана.

Интерпретация проблемы с позиций классовой борьбы основывалась главным образом на понятии «буржуазный эксперт». Действительно, инженеры зачастую скептически относились к завышенным планам, базировавшимся на «большевистской воле и вдохновении». Однако, их позиции в обществе не позволяли им

отстаивать свои взгляды на рациональность. Более того, некоторых специалистов старшего поколения превратили в козлов отпущения, расплачивающихся за проблемы и провалы в экономике. Ведя поиск саботажников, органы безопасности стали еще одним агентом производственной политики. Открытые репрессии коснулись лишь небольшой части специалистов, но всем из них пришлось работать в условиях, в которых грань между «провалом» и «преступной халатностью» была слишком размыта и конъюнктура.

Однако острие критики было направлено прежде всего против «буржуазности» интеллигенции, а не против позиции управленцев и интеллигенции в целом. В этом смысле стратегия Сталина была менее радикальной, чем стратегия Пол Пота, стремившегося одновременно ликвидировать не только соответствующие позиции, но и людей, тяготеющих к ним (Kivinen, 1998). Любые теории, акцентирующие роль рабочих в управлении производством, были отвергнуты как проявления анархо-синдикализма еще в ранние годы существования режима. Система, базирующаяся на единоначалии, трансформировалась в «тройку», состоящую из руководства предприятия, профсоюзов и руководства партийной организацией. В конце концов роль профсоюзов была сведена к минимуму, у руля управления осталась «двойка». На ранних этапах существования режима, двоевластие партии и буржуазных экспертов часто проявлялось в различных стратегиях поведения: в то время как руководители предприятия стремились продвинуться по политической линии, «буржуазный специалист» занимал пост главного инженера. Со временем эти различия сошли на нет.

Процесс индустриализации привел к резкому увеличению численности управленческих и инженерных позиций. В период между 1929 и 1934 годом численность управленцев увеличилась в шесть раз. При этом в тот же период численность промышленных рабочих и персонала удвоилась, а численность инженеров и техников выросла в пять раз. В СССР индустриализация предполагала быстрый рост численности работников «умственного труда» или, в иной терминологии, «позиций среднего класса».

Поначалу бригадный метод организации труда казался адекватным противовесом формирующимся управленческим структурам. С помощью бригад рабочие могли сохранять контроль над процессом производства. Бригады получили наибольшее распространение в период между 1929 и 1931 годом. Однако затем Ста-

лин подверг критике принцип «коллективной ответственности», что привело к усилению управленческого контроля за счет введения индивидуальных трудовых показателей.

В Советском Союзе на высшей ступени управления предприятием находились директора. Ступенькой ниже располагался инженерно-технический персонал. А далее следовали руководители отделов, управленцы низшего звена и инженеры. Отношения между этими группами строились на принципах иерархии, подразумевавшей разный уровень индивидуальной ответственности и разный уровень оплаты труда. В цехе распределение заданий входило в ответственность мастера. Одновременно существовала особая группа, устанавливающая производственные нормы и уровень оплаты труда за каждую трудовую операцию.

Особые управленческие иерархии, связанные с нею структуры дифференциации, были продуктом советской экономической системы (Melin, 1996). Поскольку потребность в продуктах не являлась фактором, определяющим успех предприятия, проблеме сбыта продукции уделялось гораздо меньше внимания, чем в западных капиталистических странах. «Приобретение ресурсов», напротив, играло ключевую роль в деятельности предприятия: оно обеспечивало предприятие инвестициями, средствами производства, сырьем и т. д. (в частности, возрастало значение снабженца-«толкача»). Вся советская экономика держалась на переговорах и договоренностях между различными отделами предприятия, между предприятиями и министерствами, между различными министерствами. Между рабочим классом и управленцами существовали ощутимые различия в уровне оплаты труда. Однако в ключевых отраслях промышленности (таких, как металлургия) эти различия были во много раз больше, чем в отраслях, рассматривавшихся как менее важные, таких, например, как текстильная промышленность.

В отличие от рабочих, чей труд оплачивался сдельно или временно, инженеры и техники получали прибавку к зарплате в виде премии. Данные о первых пятилетках указывают на то, что различия в уровне оплаты различных работников постоянно увеличивались. В лучшем случае уровень оплаты неквалифицированного рабочего составлял половину оплаты квалифицированного, четверть заработной платы инженера, не более одной десятой зарплаты и других вознаграждений, получаемых руководителями. Кроме этого, инженеры и руководители имели более комфортные условия жизни: у них были свои магазины и

свои столовые. Даже в лагерях существовала своя иерархия: специалистов отправляли в «Круг первый» (Solzhenitsyn, 1977).

Экономические структуры, определявшие особые условия самостоятельности для руководителей и инженеров, сформировались в ходе выполнения первого пятилетнего плана:

«Развитие командного планирования в СССР не привело к каким-либо радикальным преобразованиям в способе производства. Не произошло ничего похожего на коллективизацию, полностью изменившую облик сельскохозяйственного сектора. Одно важное изменение заключалось в том, что планирование, ставшее более детальным, приобрело характер «прямой инструкции, обязательной к исполнению». Но при этом специалистам, осуществлявшим централизованное планирование, приходилось принимать во внимание высокую степень изменчивости, свойственную быстро меняющейся экономике и ее технологической базе. Промышленность регулярно впадала в состояние кризиса, чреватого систематическим срывом поставок, а то и остановкой производства, способной подорвать процесс индустриализации. Если перебои становились достаточно серьезными, партия разворачивала специальную кампанию, направленную на то, чтобы исправить ситуацию, концентрируя тем самым внимание на приоритетных направлениях.

В этой ситуации, какими бы строгими и детальными ни были предписания сверху, они не могли лишить руководителей предприятия некоторой самостоятельности по отношению к вышестоящим органам и планирующим организациям. Эта самостоятельность была нужна им, хотя бы для того, чтобы определить способ достижения спущенных сверху производственных показателей. Непосредственный контроль над процессом производства, осуществлявшийся руководителями предприятия, ограничивал власть центральных органов, лишая их возможности полностью управлять производственной ситуацией. Одновременно внутри системы управления предприятием определенный уровень влияния был связан с выполнением технических функций. Следует сказать, однако, что ИТР, подчиненные директору предприятия, редко выступали против решений, либо направленных на выполнение плана, либо использовавших план как предлог» (Lampert, 1979, 153—154).

Однако, чтобы сохранить за собой некоторую степень самостоятельности, руководители должны были обеспечивать выполнение плана. В противном случае в дело вступали партийные орга-

ны и репрессивный аппарат. В этих обстоятельствах научно-техническая интеллигенция должна была прибегать к особой стратегии влияния, делавшей акцент на неучастии и осторожности. Стремясь всеми способами преуменьшить влияние политического действия, а также избегать участия в нем, инженеры впадали в состояние «бюрократической апатии». И действительно, не техническая интеллигенция предприятия, а партия стала движущей силой технологической революции. Именно она активно вмешивалась в технологический процесс, брала на себя ответственность за техническое развитие.

В исследованиях, посвященных советскому обществу, роль бюрократии была предметом многих туманных и двусмысленных рассуждений. Следует сказать, что в Советском Союзе позиция инженерно-технической интеллигенции не соответствовала критериям идеального типа бюрократии в ее веберовском понимании. Действительно, советские инженеры и руководители были неотъемлемой частью управленческой иерархии и назначались только в том случае, если обладали определенной квалификацией. На этом, однако, их сходство с идеальным типом бюрократа заканчивается (Pakulski, 1986; Lampert, 1979, 156). Господствующая позиция партии в советском обществе лишала их действия какой-либо предсказуемости, являющейся типичной чертой бюрократического управления. Партийное вмешательство не позволяло произвести четкое разграничение сфер деятельности и ответственности.

Таким образом, тезис об усилении классовой борьбы, выдвинутый партией, создавал все больше и больше проблем, приводя к ряду непреднамеренных последствий. В 1931 году Сталин заявил, что ни один правящий класс не может выжить без своей собственной интеллигенции. Отсюда вытекала задача: советский рабочий класс должен был создать свою собственную инженерно-техническую интеллигенцию.

К тому моменту многие рабочие и дети рабочих получили возможность выдвинуться на управленческие позиции и войти в состав технической интеллигенции. И все же, несмотря на это, в отношениях между рабочим и средним классом существовало немало проблем. Проблемы были вызваны прежде всего теми властными полномочиями, которыми обладали специалисты по отношению к рабочим, а также их многими привилегиями. В то время как в сфере идеологии руководители и научно-техническая

интеллигенция рассматривались как группы, занимавшие более низкую ступеньку социальной лестницы, чем рабочие, в сфере производства именно средний класс обеспечивал выполнение все более жестких норм. К началу тридцатых годов рабочие уже не имели возможности оказывать коллективное сопротивление, но на индивидуальном уровне сопротивление продолжалось, принимая форму пьянства, прогулов и увиливания от работы. Непредсказуемость плановой экономики, выражавшаяся в систематическом дефиците поставок и простоях, оставляла в руках рабочих реальные рычаги воздействия на процесс производства. Несмотря на то, что Советский Союз с самого начала взял на вооружение то, что именовалось «здоровым ядром» тейлоризма, стратегия управления трудовым процессом здесь явно напоминала ситуацию в капиталистических странах в конце XIX века.

Николас Ламперт обобщает результаты своих исследований положения технической интеллигенции на ранних этапах сталинизма в форме следующего противоречивого тезиса:

«Очевидно, что положение этой группы становилось все более сложным: техническая интеллигенция была и «представителем» государства, и его жертвой, и объектом господства, и субъектом наведения дисциплины в трудовом процессе, и группой с неустойчивым положением, и обладателем социальных привилегий» (Lampert, 1979, 159).

Эти характеристики преобладали в течение всей сталинской эпохи, даже несмотря на то, что облик интеллигенции изменился: в конце тридцатых годов «жертвой» становились «красные» директора и управленцы, а не аполитичный корпус инженеров и управленцев. Неустойчивость положения этой группы сохранялась, несмотря на то, что к концу сталинской эпохи объем ее привилегий увеличился. В хрущевскую эпоху относительное положение сельских рабочих и рядовых рабочих на городских предприятиях улучшилось. Изменения коснулись и позиций среднего класса: в его жизни стало меньше потрясений, больше устойчивости. В этот период выходцы из среднего класса все чаще сохраняли свою принадлежность к этой группе.

В течение последних десятилетий, предшествовавших распаду СССР, женщины стали преобладать на инженерных должностях. При этом зарплата инженеров почти не отличалась от заработной платы квалифицированных рабочих. Более того, многие инженеры работали не по специальности.

Пол и уровень доходов респондентов с различным уровнем самостоятельности труда (индекс: рабочий класс 100) в Советском Союзе в 1991 г.

	Процент рабочего населения	Доход
Профессиональная автономия	17	113
- мужчины	34	137
- женщины	66	100
Менеджерская автономия	9	151
- мужчины	56	178
- женщины	44	116
Научно-техническая автономия	13	127
- мужчины	51	140
- женщины	49	114
Автономия в сфере обслуживания	2	81
- мужчины	4	96
- женщины	96	80
Автономия в профессионально-трудовой деятельности	6	165
- мужчины	72	195
- женщины	28	91
Автономия в бюрократическо-управленческой сфере	3	135
- мужчины	64	145
- женщины	36	118
Автономия в работе учреждения	1	128
- мужчины	31	188
- женщины	69	101
Автономия бригадных групп	1	196
- мужчины	100	196
Рабочий класс	47	100
- мужчины	43	119
- женщины	57	84
N = 1403		

При социализме низший слой «белых воротничков» находился в относительно худшем положении, чем аналогичная группа в

условиях капитализма. Некоторые представители этой группы обладали характеристиками среднего класса (Черноволенко, 1984; Русских, 1983; Lane, 1987).

Их зарплата была ниже, чем у других групп наемных работников.

У них не было реальных возможностей карьерного продвижения. В этом правиле были некоторые исключения, касавшиеся прежде всего мужчин.

Уровень удовлетворенности трудом в этой группе был крайне низок.

Социальный статус этой группы был существенно ниже, чем статус квалифицированных рабочих.

В отличие от квалифицированных рабочих «белые воротнички» не получали подготовки по месту работы. Их функции по месту работы были исключительно простыми и легко усваивались. Даже внедрение компьютеров не изменило положение этой группы: вопрос о повышении квалификационных требований для этой категории работников даже не поднимался.

В отличие от «белых воротничков» ремесленники и квалифицированные рабочие пользовались при социализме достаточно высоким уважением. Их позиция в обществе подкреплялась аргументацией идеологического и культурного плана. Особое отношение к этой группе воплотилось в более высокой оплате труда, более высоком статусе соответствующих рабочих мест, более интенсивной подготовке по месту работы. В Таблице 4 сравниваются уровни зарплаты групп с разным уровнем автономии труда в период, предшествующий распаду СССР. Исключительно высокий, привилегированный статус квалифицированных рабочих налицо. Вместе с тем, пока нет общего понимания того, как при социализме сформировались культурные различия между производством и учреждением (см., например: Parkin, 1971; Lane, 1987; Davis and Scase, 1985).

Потенциальный средний класс?

Базовая идея, на которой зиждется мое понимание среднего класса, исходит из концепции отчуждения. Рабочий класс состоит из наемных работников, находящихся в состоянии отчуждения (в конкретном, прямом смысле этого слова) по отношению к своему труду. В эту социальную группу попадают те, кто не влияет на решения, касающиеся организации труда и, в частности, на такие

ее аспекты, как капиталовложения, орудия труда и основные его способы. Во-вторых, рабочий класс находится в том положении, когда он не может контролировать даже свой труд и, в частности, не может планировать результаты своего труда, его темпы и другие параметры своей деятельности. В то же время наемные работники, принадлежащие к среднему классу, формируют группы, имеющие достаточно властных ресурсов, чтобы сохранить свою автономию. Сильный средний класс включает в себя специалистов, управленцев и инженеров. Квалифицированные рабочие, рабочие в сфере обслуживания и воспроизводства, а также некоторые автономные группы конторских служащих имеют меньше властных ресурсов и меньше характерных черт среднего класса, чем упомянутые выше группы. При капитализме особый род автономии свойственен сотрудникам небольших компаний, применяющих менее сложные технологии и характеризующиеся менее развитым разделением труда.

Далее я развивал свою аргументацию в двух направлениях. Во-первых, я попытался показать, что, как и на Западе, вопрос отчуждения и автономии труда был в Советском Союзе ключевым водоразделом между средним и рабочим классами. Во-вторых, я также попытался показать, что советский средний класс имеет существенно меньше ресурсов для защиты собственной позиции, чем имеет аналогичная группа в развитых капиталистических странах.

Здесь я продолжаю операционализацию понятий «рабочий класс» и «средний класс», следуя с максимальной точностью приведенной выше аргументации. В Приложении 3 дается подробное доказательство того, почему разные профессии классифицируются в определенные типы автономии. Читателям, не знакомым с классовой теорией, этот вид подробной операционализации может показаться чересчур громоздким. Хочу выдвинуть три аргумента в защиту своей позиции. Во-первых, операционализация классовых теорий — это трудная задача, потому что в современном обществе насчитывается огромное число профессий и специальностей. Насколько мне известно, Джон Голдторп и его коллеги потратили два года на то, чтобы установить, какие профессии можно с полным основанием операционализировать как позиции среднего класса по таким критериям, как участие в принятии решений и автономия труда. Во-вторых, несмотря на некоторые различия, касающиеся отдельных профессий, суще-

ствует высокий уровень согласия относительно основных характеристик профессиональной структуры независимо от того, какой подход используется — Джона Голдторпа, Эрика Райта или мой. Широкий консенсус особенно часто наблюдается там, где речь идет о позиции специалистов и управленцев. Даже критики классового подхода не отрицают роль профессионализации или «креденциализма» (Pakulski, 1993). В-третьих, несмотря на то, что разные виды операционализации ведут к небольшим расхождениям в оценке численности разных социальных групп, общая картина, вырисовывающаяся из анализа структуры классовых ситуаций и сознания, схожа у всех исследователей. Иной, непохожий результат (совершенно неприемлемый, когда речь идет об эмпирических исследованиях; см.: Kivinen, 1989, 164—197) вытекает из теорий, отрицающих значимость профессиональных и управленческих позиций. Как правило, в таких теориях средний класс определяется как социальная группа занятых в государственном секторе работников (Projekt Klassenanalyse, 1973).

Мое определение классовой структуры основывается на следующих основных положениях.

Основой среднего класса являются все типы профессиональной, научно-технической, управленческой или административно-бюрократической автономии независимо от статуса в системе управления. Вдобавок в эту группу входят люди, выполняющие важные административно-технические функции внутри учреждения. И, напротив, рабочие в сфере обслуживания, квалифицированные рабочие, работники с высоким уровнем самостоятельности, занятые на малых предприятиях, а также административный персонал учреждения, самостоятельно определяющий формы исполнения заданий, характеризуются противоречивой классовой позицией. Они располагаются посередине между базовым средним и рабочим классами (ср.: Kivinen, 1987, 195).

При такой операционализации автономия труда выступает как критерий выделения классов в двух направлениях. Во-первых, она становится основой классификации профессий так, как это было показано выше. Во-вторых, вхождение в базовый средний класс определяется степенью автономии, а это, в свою очередь, диктует необходимость следующей шкалы, имеющей четкую среднюю точку:

1. Определенно высокий уровень автономии;
2. Вероятно высокий уровень;
3. Определенно средний уровень;

4. Вероятно средний уровень;

5. Низкий уровень;

лп 6. Отсутствие автономии.

В исследованиях автономия измерялась при помощи трех различных вопросов, касающихся разработки продукта, формы исполнения трудовых заданий и разрешения проблем, возникающих в трудовом процессе. Эти отдельные шкалы сливались в одну посредством взвешивания первого и третьего показателя на основе дедуктивных методов, заимствованных из первоначальной теории автономии Райта. Таким образом, профессиональные и управленческие группы, включаемые в ядро среднего класса, — это группы, обладающие реальной автономией труда (Kivinen, 1989, 295—296).

Однако, как уже говорилось выше, российские специалисты, лишенные властных ресурсов, имели и имеют меньше самостоятельности в труде, чем специалисты в капиталистических странах. Чтобы яснее представить себе масштабы этого явления, я определил новую классовую группу, которую назвал маргинальная группа 2. Эта группа включает в себя наемных работников, которые по своим профессиональным характеристикам должны входить в базовый средний класс, но которые при этом лишены реальной автономии. В эту группу входят, например, врачи, учителя, юристы и инженеры, лишенные всякой самостоятельности. Кроме этого, я операционализировал третью маргинальную группу, включающую в себя наемных работников, выполняющих хотя бы некоторые контролирующие функции. В обоих вариантах теории Райта эти люди представляли бы маргинальный средний класс. В моей теории, делающей акцент на автономию труда, эти люди принадлежат к среднему классу.

Таблица 5 отображает классовую структуру Финляндии, прибалтийских государств и России, выявленную с помощью описанного выше метода операционализации. Данные по России получены в 1996 г., данные по другим странам — в 1994 г. Россия в данном случае представлена С.-Петербургом, репрезентирующим только городское население страны. В стране в целом доля рабочего класса была бы больше и явно заявила бы о себе еще одна группа, занимающая особые классовые позиции, — сельское население.

Классовая структура в России, прибалтийских государствах и Финляндии (%)

	Россия	Эстония	Латвия	Литва	Финляндия
Ядро нового среднего класса	15	16	12	12	21
Переходная группа 1	6	4	6	2	14
Переходная группа 2	36	25	28	29	12
Переходная группа 3	6	4	6	5	3
Рабочий класс	30	45	40	43	31
Предприниматели	6	5	8	9	20
N	(1364)	(724)	(791)	(941)	(878)

Общий вывод, вытекающий из данной Таблицы, вполне однозначен. В Финляндии базовый средний класс заметно больше, чем в республиках бывшего СССР. С другой стороны, очевидно также, что и прибалтийские страны, и С.-Петербург имеют очень большой «потенциальный средний класс». В Финляндии также больше маргинальная группа квалифицированных рабочих и рабочих в обслуживании. И действительно, принудительная автономия плановой экономики состояла главным образом из «самостоятельности в выполнении поставленных задач» (Blom et al., 1991), но не имела реального профессионального содержания. Данный анализ основывается на фундаментальных характеристиках организации труда, изменяющихся крайне медленно. Поэтому логично предположить, что отмеченные выше особенности классовой структуры — это наследие советской эпохи, не имеющее ничего общего с переходным процессом, в ходе которого средний класс сталкивается с совершенно иными проблемами. Для того, чтобы увидеть, как процесс структуризации классовой ситуации способствует формированию социальных интересов российского среднего класса, нужен более конкретный анализ. Я вернусь к этой теме позже, но прежде я хотел бы более внимательно взглянуть на процесс формирования классов в современной России, рожденный приватизацией и связанной с нею управленческой революцией.

Различные формы приватизации

Разные формы, в которых протекал процесс приватизации, затрагивал различные интересы и рождал множество противоречий. Во всех странах Восточной Европы и сейчас нет ясности относительно того, какая буржуазия или какие предприниматели будут сформированы пост-социалистическими революциями. На данный момент можно определить следующие тенденции процесса приватизации, воплощающие в себе групповые интересы:

1. Спонтанная или «номенклатурная» приватизация, за которую особенно упорно борется старая экономическая элита или господствующий класс. Этот тип приватизации характеризует все варианты присвоения собственности, при которой владельцами компании или ее частей становятся ее бывшие управляющие. Эта форма приватизации очень распространена в Восточной Европе. Вероятно, на данный момент это наиболее значимая форма присвоения собственности. Часто спонтанная приватизация перерождается в «патологическую», основывающуюся на открытой коррупции. Управленцы, входившие в состав номенклатуры, получают огромные барыши, используя в собственных частных интересах оборудование и персонал государственных компаний.

2. Государственная приватизация, являющаяся противовесом спонтанной приватизации в Восточной Европе. Парадоксальный факт заключается в том, что новой политической элите, активно выступающей за приватизацию и рыночную экономику, приходится обращаться к государству в поисках серьезной альтернативы, способной обуздать спонтанную приватизацию номенклатурного типа. Государственная приватизация может контролироваться и координироваться либо напрямую министерствами (как это происходило в Польше), либо специальными государственными организациями или компаниями (как в Венгрии).

3. Международный капитал имеет свои собственные интересы в процессе приватизации. Во многих случаях единственным вариантом приватизации крупных предприятий является продажа их целиком иностранным инвесторам, поскольку внутри страны нет достаточного капитала.

4. Создание новых компаний также вносит свой вклад в расширение частного сектора. Пока новые отечественные пред-

приниматели осваивают сферу торговли и услуг. И в Петербурге, и в странах Балтии численность мелких предпринимателей быстро увеличивается. Однако состав этой группы радикально отличается от ее состава в капиталистических странах.

5. Еще одна группа с особыми интересами, готовая их отстаивать, — это бывшие владельцы и их потомки, желающие вернуть себе землю и собственность, национализированную в прошлом.

6. В некоторых случаях рабочие и сотрудники компании получают в собственность часть ее акций. Этот вариант тесно связан с попыткой реализовать формы приватизации, которые с идеологической точки зрения будут приемлемы для рабочего класса. Вместе с тем, всегда существует опасность, что рабочие получат наименее выгодные акции или обанкротившиеся предприятия, а наиболее прибыльная собственность отойдет номенклатуре (см., например: Bomsel, 1991). Есть еще одна опасность, даже более вероятная: собственность в руках рабочих может быть использована бывшими управленцами для сохранения своего контроля над предприятиями.

7. Распределение или продажа государственной доли предприятия населению.

Названные выше формы приватизации воплощались в разных странах Восточной Европы в разных сочетаниях. За последние десятилетия многие капиталистические страны также прибегли к масштабным проектам приватизации. Одним из примеров может служить Великобритания времен Маргарет Тэтчер. Существует, однако, фундаментальное различие между приватизационными программами, осуществляемыми на Востоке и на Западе. На Западе приватизация является кульминацией долгого процесса реформирования производства и фондовых структур компании. Например, на протяжении примерно пятидесяти лет угольные шахты в Великобритании развиваются за счет государственных субвенций. И тем не менее до сих пор они рассматриваются как предприятия, не готовые к приватизации. Дело в том, что за все это время они не смогли достичь прибыльности ни в близкой, ни в среднесрочной перспективе. Пост-социалистическая приватизация, напротив, началась без какой-либо реальной структурной подготовки. Угольным шахтам в России дали месяц на то, чтобы разработать и реализовать программу перехода в новое состояние.

В России реализуется особое сочетание разных форм приватизации. Во-первых, у России нет проблемы возврата предприя-

тий их бывшим владельцам. Во-вторых, в России номенклатурная приватизация встречает гораздо меньше сопротивления, чем в других странах Восточной Европы. В целом можно сказать, что в сложившихся условиях персонал предприятия играет ключевую роль в процессе приватизации (Frydman et al., 1993).

Революция управляющих в России

В России приватизация началась еще при Горбачеве. Основная цель приватизации заключалась в том, чтобы создать вместо средств «административного» регулирования экономики средства «экономического» регулирования. Иными словами, предполагалось не уничтожить государственный контроль над предприятием, а создать новую систему, осуществляющую те же функции. Правительство Павлова приняло первый всеобщий закон о приватизации предприятий, допускавший коллективную или кооперативную собственность. Появилась возможность создания акционерных или даже полностью частных предприятий. В законе не было предусмотрено особых процедур перехода к частной собственности, но первые шаги делались осторожно: большая часть приватизационных проектов предусматривала создание кооператива или аренду государственного предприятия. Акции продавались рабочим по более низким ценам, при этом предприятие предлагало рабочим займы под покупку акций. Что касается рабочих, то предлагаемая форма приватизации защищала их от потери рабочего места и давала возможность преодолеть централизованные ограничения оплаты труда. Управленцы тоже получали преимущества: компания становилась юридически независимой от контроля со стороны государства. Одновременно были фактически легализованы различные финансовые механизмы патологической приватизации.

Поначалу правительство Гайдара стремилось реализовать форму государственной приватизации, нацеленную против промышленной номенклатуры. Гайдар был против бесплатной раздачи собственности и не желал отдавать рычаги управления предприятием его бывшим управляющим, выступавшим от имени «трудового коллектива» (Clarke, 1993a). Целью приватизации было создание нового класса «собственников» и, одновременно, повышение доходов, способных стабилизировать народное хозяйство.

Однако промышленная номенклатура использовала парламент и старые профсоюзы для оказания мощного давления в

пользу приватизации, ориентированной на трудовой коллектив (Clarke and Kabalina, 1994). Многих либеральных российских экономистов убедили в необходимости поддержать эту модель, потому что, во-первых, она не встречала заметного сопротивления со стороны населения и, с другой, решала задачу создания функционирующего рынка. На тот момент эта задача рассматривалась ими как более важная, чем проблема собственности.

Программа, принятая в июле 1992 года, была почти полной победой промышленной номенклатуры, добившейся выполнения всех своих требований (Clarke and Kabalina, 1994). Предприятиям предлагалось три варианта приватизации. Решение о выборе формы приватизации принималось на собрании трудового коллектива. Согласно первой модели, рабочие получали 25% акций компании без права голоса. Кроме этого, они могли приобрести 10% акций по сниженным ценам. Высшему руководству предприятия разрешалось приобрести еще 5% акций. Остальное должно было остаться в руках государства или местных комитетов по приватизации, чтобы позднее быть проданным с аукциона. Эта модель пользовалась поддержкой комитетов по приватизации. Ей отдавали предпочтение некоторые либеральные демократы и рабочие активисты, рассчитывавшие с ее помощью подорвать власть промышленной номенклатуры.

Согласно второй модели, трудовой коллектив предприятия, в случае одобрения двумя третями работающих, приобретал 51% акций предприятия по номинальной цене. Эта модель давала шансы как рабочим, так и управленцам. Рабочие в этом случае составляли бы большинство акционеров. На практике, однако, получалось так, что управленцы держали под контролем всю информацию, относившуюся к приватизационной программе, и представляли рабочих в совете директоров (Biziukov and Clarke, 1992). Мощные пропагандистские компании и символические собрания рабочих коллективов обеспечили успех «революции управляющих» в России летом 1992 г.

Первоочередная цель стратегии управленцев состояла в том, чтобы не допустить перехода компании в собственность посторонних. На следующем этапе они стремились сделать так, чтобы новые административные органы акционерных компаний контролировались управленцами так же надежно, как старый трудовой коллектив (Clarke, 1993a).

Управленцы имеют в своем распоряжении разнообразные средства установления контроля над акционерными компания-

ми. Это особенно несложно сделать в ситуации, когда фондовый рынок не существует. Во многих компаниях управленцы могут, используя свое должностное положение, купить больше акций, чем рабочие. Но это только один из возможных способов и далеко не самый важный. Управленцы могут получить акции от рабочих, предлагая им взамен дешевые потребительские товары. Они могут прекратить выплату зарплаты, побуждая, таким образом, рабочих продавать свои акции. Они могут убедить или заставить продать акции увольняющихся или уходящих на пенсию рабочих. Акции можно также раздать или продать сторонним компаниям, владельцами которых являются управленцы.

Управленцы могут использовать профсоюз для отстаивания интересов своей отрасли или региона. В действительности большинство забастовок, объявленных российскими рабочими, превратились именно в «управленческие забастовки» такого рода (Borisov, 1995; Clarke et al., 1996). К требованиям рабочих присоединялись требования управленцев, касавшиеся выделения кредитов, налоговых льгот и дотаций.

В целом можно сказать, что один из ключевых элементов стратегии российских управленцев заключается в поиске способа выживания. Выживание рассматривается здесь не как возможность получения прибыли, а как сохранение себя в качестве производственной единицы и прежде всего в качестве трудового коллектива (Clarke et al., 1996). Третий элемент упомянутой стратегии — это ориентация на достижение прибыльности в новых условиях в долгосрочной перспективе.

Продажа фондов компании внешним инвесторам должна была лечь в основу третьей волны приватизации. В принципе, этот процесс мог наложить ограничения на власть управленцев. Однако, в последнее время события получили иное развитие: управленцы все чаще ищут возможности создать укрупненный конгломерат предприятий с участием региональных или государственных организаций отраслевого характера или с протокапиталистическими коммерческими фирмами. Вместе с увеличением числа банкротств и ликвидируемых компаний возрастает и роль государства (Романов, 1994).

Специалисты являются одной из групп, не вошедших в число избранных. Их судьба была определена сомнительными банками и инвестиционными компаниями. Во фрагменте интервью, приведенном ниже, врач объясняет свою роль в процессе приватизации:

«НД16. Посмотрите, сколько было создано акционерных компаний. Мы вкладывали в них свои деньги. Я сам потерял 600000 рублей.

Вопрос. Как это случилось?

НД16. Я вложил в банк Гермес Финанс 600000 рублей на год. Они должны были платить мне около 2000000 рублей в год, но мои деньги пропали. Конца и края этому нет. Я вложил один ваучер в Альфа-Капитал и еще один в скандально известную фирму МММ. Она развернула массированную рекламную кампанию. Да, это один из недостатков перестройки. Реклама на государственном телевидении. Веришь в то, что мошенника не пропустят на телеэкран.

Вопрос. А если бы не было рекламы?

НД16. Думаю, кто-то выдал этой компании лицензию. Человек, выдававший ей лицензию, должен был проверить ее фонды, перспективы. Я не специалист и не могу сказать, как это в точности должно делаться. Но я считаю, что именно так все должно было делаться, но не делалось. В результате я не знаю, где тот ваучер, который я вложил в МММ. Однажды они выплатили мне дивиденды в размере 500 рублей. Молчит и Альфа Капитал. Я даже не знаю, где расположен офис этой компании.

Вопрос. Новый адрес?

НД16. Не знаю. Я послал им два письма и не получил ответа. Приватизация началась как-то не так. Мой ваучер отошел непонятно кому. Не только мой, но ваучеры многих других людей, сотен миллионов. В результате присвоивший ваучеры человек разбогател. У него теперь другие возможности. Некоторые из них могут выступать в качестве спонсоров. Поддержать какой-нибудь театр или артистов. Другие крутят деньги. Самое ужасное то, что эти деньги уходят в другие страны, а наша страна становится беднее. Общество разделено на бедных и богатых. Никогда в нашем городе не было столько иностранных автомобилей, никогда. Когда видишь иностранную машину, можешь не сомневаться, что ее купил очень богатый человек, человек, у которого много денег. А может быть, какая-то компания».

Из Таблицы 6 можно видеть, что кроме управленцев единственная группа, выигравшая от приватизации, — это группа предпринимателей. Что касается остальных, то в их жизни приватизация не оставила заметного следа. Тем не менее следует отметить, что треть рабочего класса и около половины базового среднего

класса приобрели земельные участки. Треть базового среднего класса купила также квартиру или дом.

Таблица 6

Участие общественных классов России в приватизации

	Приватизация значительной части имущества	Приватизация земли	Приватизация жилья	Приватизация акций	Предпочитают приватизированные предприятия
Предприниматели	29	50	44	13	68
Ядро нового среднего класса	10	49	33	8	22
Переходная группа 1	6	42	19	21	26
Переходная группа 2	9	42	26	14	22
Переходная группа 3	2	38	19	11	24
Рабочий класс	6	34	18	12	26

В целом складывается впечатление, что в процесс приватизации вовлечены три типа акторов, каждый из которых имеет собственные властные ресурсы (см.: Clarke and Kabalina, 1994).

1. Силы, стремящиеся усилить государственный аппарат. Процесс приватизации был начат Павловым и Горбачевым и ставил целью изменить природу государственного контроля над экономикой. Ельцину осталась задача усилить этот контроль в условиях продолжающегося коллапса экономических структур. Сторонники Гайдара пытались ослабить власть промышленной номенклатуры. Однако последние остаются силой, с которой приходится считаться даже внутри государственного аппарата. В последние

годы власть министерств и местных приватизационных комитетов стала снова расти, например, в связи с банкротствами.

2. Вторая группа акторов, имеющих решающее влияние на процесс, представлена руководством предприятия. Во главу угла они поставили контроль над предприятием, пусть даже в ущерб его прибыльности, и добились исключительных успехов.

3. Рабочие, которым навязывали идеологию социального партнерства и участия, но которые при этом оказались лишенными влияния на процесс. Их властные ресурсы оказались под контролем управленцев, говорящих от лица рабочих внутри трудового коллектива, акционерной компании, административного органа или профсоюзного движения.

В целом можно сказать, что новая буржуазия вырастает из старой промышленной номенклатуры. Следует, однако, подчеркнуть, что отношения между собственностью и контролем над ней по-прежнему находятся в стадии становления. В долгосрочной перспективе на эту ситуацию окажет влияние внедрение в компанию внешних инвесторов и развитие промышленно-финансовых групп, главным образом местных. С другой стороны, включенность традиционных министерств во властные структуры позволяет говорить об их особой роли в наблюдаемых процессах.

Из групп, входящих в средний класс, управленцы и новые предприниматели явно наращивают свои властные ресурсы. В то же время ситуация, в которой оказались специалисты, во многом зависит от состояния государственного сектора. Это означает, что раскол внутри среднего класса может стать актуальной проблемой и в России, но произойдет это иначе, чем в странах Запада. До настоящего момента можно было наблюдать становление мощного проекта гегемонии на уровне производственной политики. В рамках этого проекта управленцы — то есть старая промышленная номенклатура — выступают как доминирующая сила и держат под контролем властные ресурсы рабочих. По традиции классовый конфликт в Советском Союзе превратился в конфликт по поводу распределения ресурсов в иерархической системе покровительства и зависимости. Эта традиция остается очень сильной и еще более укрепляется в ходе борьбы предприятий за свое выживание. В этой системе координат интересы предприятия или региона могут оказаться важнее, чем интересы классов.

Может ли нынешний средний класс быть тем шансом, который история дала России? Я продолжаю настаивать, как и прежде, что уровень профессиональной компетенции среднего класса играет решающую роль в разрешении многих ключевых социальных проблем современной России. С другой стороны, следует признать, что властные ресурсы, унаследованные средним классом, сравнительно малы, и что многие его начинания были подорваны противоречивой стратегией государства. В итоге возникла классовая структура, в которой собственно средний класс очень невелик (я называю эту группу базовым средним классом), но при этом весьма представлен потенциальный средний класс. Если принять во внимание то, что говорилось выше в контексте исторического анализа, то нельзя гарантировать возникновение профессиональной этики даже внутри базового среднего класса.

В своих предыдущих работах я проанализировал процесс структуризации классовой ситуации советского среднего класса (Kivinen, 1994a; 1994b). И на этом уровне анализа обнаруживаются некоторые особенности базового советского среднего класса, отличающие его от соответствующей группы в развитых капиталистических странах. Полученный результат указывает на то, что ядро советского среднего класса было во многих отношениях ближе к рабочему классу, чем соответствующая группа в капиталистических странах.

Далее мы в тезисной форме попытаемся придать эмпирическую глубину и содержание обобщениям, касающимся структуризации классовой ситуации нового среднего класса.

1. В Советском Союзе разница в доходах между социальными классами была существенно меньше, чем в развитых капиталистических странах. При этом в сравнении с положением среднего класса положение ремесленников было заметно лучше. Еще одной чертой ситуации, характерной для Советского Союза, была низкая оплата труда специалистов. Различия в доходах между полами, напротив, находились на том же уровне, что и в развитых странах Запада. Доход женщин, входивших в средний класс, почти не отличался от дохода рабочего класса.

2. В Советском Союзе большинство наемных работников прошло профессиональную подготовку. Однако в разных классах формы подготовки и интересы в сфере образования существенно различались. В целом различия между социальными классами

ми в том, что касалось уровня образования, были в СССР такими же, как и в развитых капиталистических странах.

3. Различия в уровне контроля над процессом труда были такими же, как и в развитых капиталистических странах. Рабочий класс подвергался прямому и, как правило, ежедневному контролю, средний класс имел больше самостоятельности. Однако советский средний класс имел меньше возможностей карьерного продвижения и придавал им меньше значения, чем средний класс в развитых капиталистических странах. Советский средний класс не видел особого смысла в том, чтобы утруждать себя, и в этом он явно отличался от среднего класса на Западе.

4. В СССР социальные классы не имели собственных профессиональных организаций. В отличие от развитых капиталистических стран, общественное сознание не имело внутренней структуры, определяемой классовой принадлежностью. Это особенно ярко проявилось на ранних этапах переходного периода, когда между классами не было сколько-нибудь серьезных различий по ключевым политическим проблемам, связанным с созданием рыночной экономики. К примеру, не наблюдалось серьезных различий между классами в отношении к приватизации и государственной собственности.

5. В Советском Союзе все группы имели очень мало опыта в отстаивании своих интересов. Однако, на этом фоне средний класс показал себя несколько более способным к действию, чем рабочие. В Советском Союзе у социальных групп не было реальных возможностей приобрести опыт защиты собственных интересов. В то время как в развитых капиталистических странах рабочий класс более склонен к действию, чем средний класс, атомизация российского общества не создала предпосылок для классовых выступлений со стороны какой-либо из групп и, в том числе, со стороны рабочего класса. Интересы последнего не имеют четкого, последовательного определения. Средний класс несколько более заинтересован участвовать в общественной жизни, чем рабочий класс. Распад традиционных форм управления привел к тому, что все общество оказалось ввергнутым в серьезный кризис легитимности. Этот кризис находит отражение в чувстве глубокого пессимизма в отношении будущего.

В целом в Советском Союзе наблюдалось явное отсутствие четких форм классового сознания, подобных тем, которые мы привычно наблюдаем в развитых капиталистических странах. Но

в том, что касается уровня классовой ситуации и габитуса, средний класс явно отличался от рабочего класса.

Как ситуация среднего класса изменилась в период перехода к рынку? Становится ли средний класс более влиятельной социальной силой?

Таблица 7

Отдельные характеристики положения классовых групп в России в 1996 (% или пятибалльная шкала)

	Пред- прини- матели	Ядро нового среднего класса	Переход- ная группа 1	Переход- ная группа 2	Переход- ная группа 3	Рабо- чий класс
Физически тя- желая работа	2.1	1.9	2.3	2.0	2.2	2.3
Умственно тяжелая работа	3.3	3.3	2.8	2.7	2.6	2.1
Лучше, чем раньше, используются профессио- нальные знания	50	41	23	24	13	16
Зарплата хуже, чем раньше	38	60	55	65	63	65
Начальник проверяет качество работы много раз в течение недели	9	20	47	35	46	56
Работаю на двух работах	62	34	28	43	46	39
Вся зарплата уходит на питание и жилье	14	38	49	41	49	52

Таблица 7 дает представление о ключевых характеристиках ситуации классов в российском обществе в 1996 г. Почти во всех отношениях ситуация, в которой находятся предприниматели, отли-

чается от ситуации наемных работников. Динамика доходов у них лучше, их профессиональная квалификация более востребована сейчас, чем прежде. С другой стороны, большое их число задействовано на двух работах. Работа предпринимателей чаще связана с физическими нагрузками. Однако, при этом они реже, чем рабочие, сталкиваются с умственными перегрузками. По сравнению с другими группами среди предпринимателей немного людей, тратящих весь свой доход на питание и жилье. Среди рабочих таковых большинство. Базовый средний класс и рабочий класс различаются и в том, что касается уровня контроля над трудом. В среднем классе достаточно широко представлена группа тех, кто считает, что его возможности использовать свою квалификацию улучшаются. Иными словами, складывается впечатление, что по сравнению с социалистическим прошлым противоречие между трудовой ситуацией среднего класса и ситуацией воспроизводства рабочего класса не только не уменьшилось, но и обострилось. С другой стороны, маргинальные группы среднего класса находятся в трудовой ситуации, характерной скорее для пролетариата, чем для среднего класса. Значения всех исследуемых переменных находятся между величинами, характерными для базового среднего класса, и величинами, характеризующими положение рабочего класса. Однако они явно тяготеют к последним. Маргинальная группа 3 (которая, согласно теории Райта, должна быть отнесена к среднему классу) демонстрирует особенно наглядно сходство с ситуацией рабочего класса.

Если полагаться только на данные в Таблице 7, то моя классовая теория получает подтверждение. Автономия труда играет определяющую роль по отношению к классовой ситуации. С другой стороны, анализируя Таблицу, нельзя обойти вниманием две очень четко проявляющиеся и очень значимые аномалии. Одна из них касается низкого уровня воспроизводства среднего класса, другая — доли людей в этой группе, имеющих две работы. Вторая работа — это, безусловно, реакция на ситуацию, при которой уровень благосостояния человека постоянно находится под угрозой. Еще один факт, указывающий на ту же тенденцию, — это наличие у примерно половины опрошенных во всех группах собственного обрабатываемого земельного участка. В свете данных исследований можно сказать, что для классов не существует какой-либо устойчивой комбинации занятости в государственном секторе, частном секторе и бартерной экономике, о чем говорил Пиирайнен (Piirainen, 1997) на основании исследования отдельных семей. Целесообразно изучить становление новых комбинаций в сфере занятости, либо усиливающих, либо ослабляющих

классовые позиции. Если специалист занимается ручным трудом только для того, чтобы свести концы с концами, то это явное доказательство деградации его профессиональной квалификации. Необходимость второй работы может негативно отразиться на формировании профессиональной идентичности. Что касается предпринимателей, то можно предположить, что во многих случаях они стремятся найти новые возможности для восходящей социальной мобильности.

Таблица 8

**Отдельные характеристики сознания классовых групп
в России в 1996 (%)**

	Пред- при- нима- тели	Ядро нового среднего класса	Пере- ходная группа 1	Пере- ходная группа 2	Пере- ходная группа 3	Рабо- чий класс
Достаточно доволен сегодняшней жизнью	68	63	59	46	48	42
Сейчас менее доволен жизнью, чем 5 лет назад	19	39	40	56	52	57
Политика важна	62	45	42	33	29	24
Православие	76	63	78	74	79	74

В Таблице 8 дается обобщенная характеристика сознания разных классов российского общества. Создается впечатление, что сознание в разных группах имеет серьезные различия. Единственным характерным исключением является православие, которое свойственно всем группам. Следует, однако, заметить, что по результатам других исследований (см., например: Kääriäinen, 1996), Россия — не очень религиозное общество. В то время как в Польше верующие, регулярно посещающие церковь, составляют две трети населения, а в США — половину, в России таковых всего не более шести процентов. Это вдвое меньше, чем в странах Скандинавии, относящихся к наименее религиозным. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в России велик интерес к разнообразным магическим формам, характерным для примитивной религиозности, таким как целительство и астрология.

Уровень общей удовлетворенности жизнью среди предпринимателей выше, чем в других группах. Очевидно, что рабочий класс крайне разочарован теми сложностями жизни, которые возникли в переходный период. Предприниматели принимают активное участие в политической жизни. В двух этих измерениях базовый средний класс находится посередине между предпринимателями и рабочим классом. С другой стороны, базовый средний класс отличается от других по такому параметру как контроль над культурным капиталом. Различия в уровне интереса к высокобальной культуре и чтению книг очевидны. Новые предприниматели малоактивны в этой сфере.

Таблица 9

Образ жизни социальных групп в России и участие в культурной жизни (количество за год)

	Пред- при- мати	Ядро пового среднего класса	Пере- ходная группа 1	Пере- ходная группа 2	Пере- ходная группа 3	Рабо- чий класс
Театры, опе- ры, балеты	0.9	1.7	0.5	1.4	0.5	0.5
Концерты классической музыки	0.1	0.5	0	0.6	0.1	0
Концерты популярной музыки	0.7	0.3	0.4	0.4	0	0.2
Кино	1.0	0.6	0.7	0.7	0.2	0.8
Рестораны	2.9	1.2	0.7	0.5	1.3	0.3
Спортивные соревнования	0.9	0.7	0.6	0.4	0.5	0.5
Выставки, музеи	1.5	2.9	0.9	1.7	0.6	0.6
Дискотеки и ночные клубы	1.8	0.3	0.6	0.5	0.9	0.6
Дневные спектакли	0.1	0	0	0	0	0
Кафе	8.5	4.2	8.0	3.4	3.1	2.8
Чтение книг	18	30	24	24	24	18

**Поддержка партий социальными группами
в российском обществе**

	Пред- прини- матели	Ядро нового среднего класса	Пере- ходная группа 1	Пере- ходная группа 2	Пере- ходная группа 3	Рабо- чий класс
Женщины России	3	6	3	2	2	3
Наш дом Россия	12	9	9	10	3	9
Яблоко	27	25	15	30	19	23
Вперед, Россия	1	1	2	2	2	1
Экологичес- кая партия	0	1	0	2	3	1
Демократи- ческий выбор	15	21	5	13	9	6
Коммунисти- ческая партия Российской Федерации	3	10	10	8	15	14
Конгресс объединений России	5	10	10	8	15	14
Либерало- демократы	5	2	10	3	2	5
Самостоя- тельная рабочая партия	5	5	3	5	6	4
Станислав Говорухин	0	2	2	2	2	0
Другие	7	4	18	8	6	6
Никакие	17	11	18	13	28	24
N	78	179	61	422	67	318

Несмотря на политическую апатию, получившую широкое распространение в рядах рабочего класса, уровень участия населения в недавних выборах является достаточно высоким. Классовые основания политических партий имеют смешанный характер (Таблица 10.) Следует отметить, однако, что, по всей видимости, картина была бы более однозначной, если бы анализ охватывал все население страны; как уже говорилось, эти данные относятся только к населению Санкт-Петербурга. Выбор России — это партия среднего класса, а КПРФ и ЛДПР — партии, ориентированные в большей степени на рабочий класс. В отличие от других упоминавшихся выше организаций НДР и Яблоко не имеют четкой классовой основы (еще раз подчеркнем, картина может быть искаженной потому, что данные представляют только население Санкт-Петербурга).

В заключение попытаюсь обобщить данные, характеризующие нынешний облик российского среднего класса. Возьмем за основу тезис Гоулднера об измерениях, характеризующих процесс формирования нового класса.

Отношения с господствующим классом

Не будет преувеличением сказать, что управленцы и предприниматели достаточно твердо поддерживают «гегемонический проект» построения рыночной экономики. Эти группы более или менее удовлетворены нынешней ситуацией и имеют возможности для укрепления своих позиций в обществе. Они напрямую участвовали в процессе приватизации и получили от него выгоду.

Ситуацию, в которой находятся слои среднего класса, состоящие из специалистов, отличает некоторая противоречивость. Их финансовое положение неустойчиво. Они напрямую сталкиваются с последствиями эрозии государственного и муниципального секторов: систем здравоохранения, школы, дошкольных учреждений. У них нет причин считать себя частью господствующего класса, но несмотря на это они избегают голосовать за возврат к старой системе (Chernysh, 1998).

Историческая специфика

Теория, согласно которой новый класс берет на себя роль старой элиты, подтверждается тем, что сегодня на ведущих позициях в обществе находятся те же люди, что и в прошлом. Это одинаково относится и к группе «новых русских», и к группе управленцев в целом. С другой стороны, российский средний класс, состоящий из специалистов, обладает во многих отношениях исторической спецификой. Он возник как преемник российской интеллигенции, как одно из непредвиденных последствий боль-

шевистского проекта. Его структура и ситуация отличаются от структуры и положения соответствующих групп на Западе.

Рациональность

В том, что касается рациональности, предприниматели и управленцы радикально отличаются от специалистов, составляющих ядро нового среднего класса. Предприниматели создали свой стиль жизни, в котором акцент сделан не на высокую культуру, а на зарубежные массовые образцы и связанные с ними атрибуты: дискотеки, ночные клубы, кафе и рестораны. В отличие от западных средних классов, российский средний класс придерживается стиля жизни, в котором не хватает «культурной доброй воли».

Стиль жизни новой российской бизнес-элиты также представляет собой любопытное сочетание престижного потребления и российского конформизма (Kryshtanovskaya, 1992; Väcker, 1998). Российские бизнесмены работают без устали. У них нет ни интереса, ни времени на то, чтобы тратить зарабатываемые деньги. Их мучает очень русское чувство вины за достигнутый успех. Они опасаются любых внешних вторжений в их дело. В отличие от элиты, специалисты обладают культурным капиталом, но при этом им не хватает отлаженных профессиональных практик и стабильности положения. Более того, культура российской интеллигенции традиционно несет в себе элементы двоемыслия, о чем будет сказано более подробно в главе 4.

Особые интересы

Особый интерес базового среднего класса состоит в том, чтобы усилить позицию характерных для него специфических форм умственного труда. Управленцы успешно защитили свои позиции в политических играх на уровне предприятия. Однако в широком смысле позиция специалистов остается слабой. Недостаточен и уровень их организации. В стране нет сильного государственного сектора, который мог бы стать базой для воспроизводства группы специалистов. Во многом именно позиция, занимаемая специалистами в государственном секторе, объясняет возникновение радикальных социальных движений и успех социал-демократических партий на Западе (Abercrombie and Upp, 1983, 122—132).

Забота о всеобщем благе

Основные коллективные потребности российского общества связаны с процессом вхождения в постиндустриальную фазу развития. Несмотря на существование большого потенциального среднего класса, Советский Союз до конца оставался в своей основе индустриальным обществом. Существует множество раз-

ных видов развитого пост-индустриального общества, но две основные его формы представлены США и Европой (Clement and Myles, 1994). В первом преобладают услуги, оказываемые частным предприятием и отдельным индивидом, во втором — сектор социального обеспечения, поддерживаемый государством.

Если бы Россия использовала старую государственную машину и потенциальный средний класс, она могла бы выбрать второй, европейский вариант. В этом контексте возможно сочетание разных форм собственности, последовательная программа развития государственного сектора, его инфраструктуры, образования, здравоохранения, дошкольных учреждений и так далее. Однако в этом случае нужна поддержка сильных общественных организаций, элементов гражданского общества, включающих в себя независимые профессиональные организации, профсоюзы, массовые партии и многое другое. Эта тенденция сдерживается политической организацией, основывающейся на специфических интересах патриархального трудового коллектива, а также слабой организацией населения по профессиональному признаку. Средний класс мог бы стать решающей силой в определении тенденций социального развития, но пока он остается относительно слабым.

Тенденции в классовых отношениях

Несмотря на то, что в настоящий момент Россия находится в состоянии глубокой социальной дезорганизации, одна цель российского общества остается без изменений. Эта цель — построение рыночной экономики. Следует, однако, учитывать, что рыночная экономика и капитализм существуют в разных, очень непохожих формах. К капитализму ведет не один магистральный путь, а множество разных дорог:

«Нам обещали капитализм, и мы его получили. Не только народные массы, но и управленцы всех видов жили с мыслью о роскошных парижских магазинах. При этом забывали о существовании голодных и безработных Лимы и Сан Пауло, которые нам гораздо ближе. Самолет взлетел в воздух, и многие пассажиры уверены в том, что приземлятся в Париже или Стокгольме. Но на самом деле самолет летит в Буркина Фасо, потому что эта авиалиния и этот самолет устроены так, что не могут лететь на запад. Некоторые в конце концов придут туда, куда направлялись, и будут жить в Москве, как в Париже. Но сделать это они смогут только за счет тех, кто будет жить так, как живут в Буркина Фасо» (Kagarlitsky, 1992, 14).

Как я уже говорил выше, классификация моделей общественного развития на основе одного критерия поляризованности классовых отношений рождает слишком грубую типологию. Существует возможность определить множество исторических типов властных отношений между классами.

Социальный класс может быть сильным, если: отношения собственности или обладание властными ресурсами, на которые он опирается, твердо укоренены в обществе; основные измерения его классовой ситуации устойчивы и он может положиться на поддержку сильных организаций.

Разумеется, сказанное является упрощением уже в силу того, что названные условия не обязательно реализуются в одно и то же время. Однако предложенная система координат дает нам отправную точку для сравнения с другими типами классовых отношений и позволяет очертить возможные пути будущего развития России.

Таблица 11 иллюстрирует различные типы классовых отношений с точки зрения силы или слабости социального класса. Классы, включенные в контекст анализа в этом случае, — это буржуазия, рабочий класс и новый средний класс. В этом также есть момент упрощения, поскольку в этом списке отсутствуют крестьяне, определявшие, как известно, классовые отношения во многих обществах, а также городская мелкая буржуазия, обладавшая определенным влиянием на ситуацию.

Таблица 11

Альтернативные модели классовых отношений

		Буржуазия			
		Сильный		Слабый	
		Средний класс			
		Сильный	Слабый	Сильный	Слабый
Сильный	Рабочий класс	1	2	3	4
		5	6	7	8
Слабый					

В этой аналитической выкладке западноевропейские страны (в особенности скандинавские) помещены в клеточку 1. В этих странах отношения собственности полностью определились, а

базовый средний класс, включающий в себя управленцев и специалистов, имеет неоспоримые привилегии по отношению к рабочему классу. С другой стороны, рабочий класс также имеет сильные организации — профсоюзы и партии, с помощью которых он функционирует как влиятельная часть гражданского общества. Только небольшая доля общественных богатств напрямую потребляется классом собственников. Именно поэтому нельзя рассматривать эти общества как эксплуататорские в прямом смысле этого слова.

Россия попадает в клеточку 8. Здесь отношения собственности находятся в процессе становления, а властные ресурсы среднего класса слишком слабы. Организации рабочего класса слабы, а на уровне предприятия властные ресурсы рабочих находятся под контролем управленцев. Не подлежит сомнению то, что позиции новой буржуазии будут формироваться по мере завершения процесса приватизации. Это обусловлено тем, что процесс структурной перестройки экономики продолжается. Пока слишком рано говорить о прибыльных отраслях производства или каких-либо перспективах. В начальной стадии становления находятся также организации и интересы среднего класса. Следует подчеркнуть, что процесс протекает в противоречивой форме и в трудных обстоятельствах. Нельзя не видеть, что успех классов будет во многом зависеть от общего гегемонического проекта в обществе, а также от их успешности в деле формулирования собственных стратегий развития.

Маловероятно, чтобы Россия в одночасье переместилась из клеточки 8 в клеточку 1. Каковы же другие варианты?

Сразу после гражданской войны классовая структура советского общества попала бы в клеточку 4. Буржуазия и средний класс были слабы, а рабочий класс силен. Но независимые организации власти рабочих были свергнуты еще при Ленине, а при Сталине уничтожены навсегда. Чем дольше Сталин оставался у власти, тем слабее становились независимые организации рабочего класса и тем сильнее — организации среднего класса. Такое положение шло вразрез с первоначальными планами большевистского проекта. В каком-то смысле складывающаяся ситуация приближает нас к седьмому варианту из тех, что представлены в новых теориях господствующего класса. Однако из всех общественных сил, включенных в процесс преобразований, наибольшие выгоды получает отнюдь не средний класс, а номенклатура, становящаяся новым правящим классом.

Даже в том случае, если при помощи процесса приватизации номенклатура станет новой буржуазией, в обществе могут формироваться разные типы властных отношений между классами. Вариант 2 напоминает ситуацию в Германии во времена Веймарской республики, когда средний класс был раздавлен в тисках между сильной буржуазией и сильным рабочим классом (Geiger, 1949; Speier, 1986). Некоторые черты этой ситуации распознаются в положении специалистов в современной России. С одной стороны, буржуазия становится все сильнее, с другой, рабочий класс численно силен и должен хотя бы в какой-то степени приниматься во внимание. Сейчас нелегко определить те политические силы, которые действуют внутри рабочего класса как левые или правые (Oittinen, 1995). Даже КПРФ заявляет, что одной из ее важных задач является превращение России в мощную национальную державу. Исходя из этого, модель, предполагающая становление авторитарных движений, не слишком далека от реальности. Стремление к национальному самоутверждению на фоне слабости среднего класса вполне может стать поводом к беспокойству.

Наихудшим сценарием из всех возможных является перспектива превращения России в развивающуюся страну. Если это случится, то классовая структура российского общества будет похожа на структуру в странах, где буржуазия настолько сильна, что большая часть прибавочного продукта идет на удовлетворение потребительских амбиций правящего класса. Можно найти массу примеров такой структуры в обществах Латинской Америки, Азии и Африки. Это в буквальном смысле этого слова эксплуататорские общества. Основным фактором, толкающим Россию на этот путь, является отсутствие капиталистической рациональности. Если нынешние формы российского бизнеса, полагающиеся на спекуляцию и ставящие основной целью получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, будут и далее преобладать, то возникнет реальная опасность скатывания России на уровень стран Третьего мира. С другой стороны, по-прежнему существуют силы, которые тянут страну в противоположном направлении и, в частности, высокий уровень образованности населения и огромный экономический потенциал.

Пятый вариант ближе всего к ситуации в США, где средний класс настолько силен, что даже рабочий класс усвоил его образ мысли (Ahrne and Wright, 1983). Рабочий класс слаб в том, что касается организации, а левых проектов общественного переустройства не существует. Если учесть, что российский средний класс

неустойчив и слаб, то такой вариант развития событий нельзя назвать вероятным. В США подобная ситуация возникла как результат особого статуса страны, находящейся в центре мирового порядка, а также как результат исключительно высокого уровня жизни. Подобные проекты, ориентированные на средний класс, известны в России. В этих проектах в рамках трудового процесса проводится четкий водораздел между функциями исполнения и планирования. Соответствующим образом дифференцируется и система образования. Для реализации этого проекта российский средний класс должен будет создать новые институты. В этом случае интересы среднего класса и рабочих войдут в стадию антагонизма.

Если процесс экономического перехода к рынку утратит первоначальную динамику, и если структурная перестройка экономики завершится неудачей, то вполне возможным становится седьмой вариант. В этом случае старые структуры внутри предприятия будут, скорее всего, сохранены (Clarke, 1993). Управленцы удержат в своих руках контроль над слабыми предприятиями, а специалисты станут основной силой, выступающей за модернизацию. Утрата политического контроля над обществом, бесспорно, толкает его в этом направлении. Одним из следствий этого варианта будет растущая безработица и организационная фрагментация рабочего класса.

Согласно варианту 3, рабочий класс успешно превращает солидарность трудового коллектива в действительно организованную деятельность по защите своих интересов. Такой поворот дела может обеспечить движение к европейскому постиндустриальному обществу, о чем говорилось выше, а также увлечь средний класс проектом модернизации, предполагающим создание государства народного благосостояния. Превращение номинальной собственности трудового коллектива в реальную собственность может стать фундаментом для демократической левой альтернативы. Вместо сильного класса собственников возникнет плюрализм форм собственности. В России этот вариант социал-демократического развития вполне возможен. Уже есть структурные основания для его реализации, но остаются очень серьезные препятствия политического и культурного характера. Прежде всего, новый гегемонический проект потребует сознательной работы для демонтажа старых культурных форм и тех социальных институтов, которые на них опираются.

Глава 4. КУЛЬТУРА

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ УТОПИИ: РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ В РОССИИ

После победы февральской революции 1917 года люди на улицах плясали и пели, считая, что наступил конец гонениям, конец эксплуатации, конец войне, конец тюрьмам, конец тайной полиции.

Октябрьская революция была менее понятной для масс, не видевших большой разницы между большевиками и другими революционерами. Многие люди задавались одним и тем же вопросом: что будет дальше?

Для многих, однако, революционный подъем и эйфория не закончились вместе с революцией. В 1918 году Маяковский писал:

Зеленью ляг луг,
выстели дно дням,
Радуга, дай дуг
лет быстролетным коням.
Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! Требуй,
Чтоб на небо нас взяли живьем.

(Маяковский. «Наши марш»). 1

Те, кто верил, что революция исполнит их мечты, были полны самых разных ожиданий. Марк Шагал, например, некоторое время проработал в Витебске народным комиссаром по культуре и даже сумел пробудить в людях интерес к искусству. Однако вскоре и ему пришлось отвечать на неизбежный вопрос: что общего между летающими коровами и зелеными лошадьми, изображенными на его картинах, и революцией? Размышления на эту тему закончились для него эмиграцией в Париж.

Различные социальные классы рассматривали перспективы, рожденные новой ситуацией, через призму своих собственных утопий. Большевики затратили немало времени, чтобы навязать людям свою интерпретацию революции. И даже когда это удалось, великий план давал сбой. Он постоянно порождал новые противоречивые явления и новые жизненные практики.

В российском обществе девятнадцатого века уживалось вместе множество разных утопических идей. (Stites, 1980). Утопии порождались не только рабочим движением, но и литературой, политическими программами, религиозными фантазиями и практиками, мистическими видениями, народными сказаниями и легендами. Прежде, чем двинуться дальше, кратко остановимся на том, что представляла собой старая Россия.

Крестьянский мир

Наиболее широкое распространение имела народная или крестьянская утопия. Она культивировал страх и ненависть в отношении следующих явлений:

- Власть и начальство;
- Город;
- Центральная администрация;
- Богатство и роскошь;
- Евреи и другие чужаки;
- Наука;
- Технология и машины.

Следуя духу этой утопии, крестьяне нередко называли друг друга братьями. Для них важными были два понятия: правда и воля. Правда предполагала то, что истина должна быть справедливой. В противном случае это не истина. Согласно этой утопии, земля должна была принадлежать крестьянам, братство считалось добродетелью, а труд священным. Противоположностью по отношению к правде была кривда. Народные массы мечтали о справедливом и честном царе. Даже уличный торговец из романа «Под северной звездой», написанном Вийну Линна, распространяет слухи о том, что скоро настанет «русский закон», и что царь собирается раздать землю крестьянам.

Одной из наиболее известных утопий было старообрядческое сообщество на Выге, существовавшее с 1690 по 1850 годы. Самым главным героем народных утопий был Стенька Разин, а самым популярным среди интеллектуалов — Емельян Пугачев.

Крестьянские утопии нашли отражение в ряде проектов, воплощавшихся в жизнь посреди хаоса, рожденного революцией и гражданской войной. Именно в этот период люди бежали из города в деревню, где вплотную сталкивались с деревенским сообществом. В крестьянских утопиях присутствовала мощная эгалитарная компонента. Они были тесно связаны с революционным бунтарством и другими формами вандализма, такими как движение «зеленых», махновщина и так далее. Россия не в первый раз сталкивалась с подобными явлениями. В прошлом она уже видела, как поджигаются тюрьмы и целые города.

Большевики не возражали против гибели старых форм и символов. С другой стороны, их не могла не беспокоить перспектива дальнейшего распада общества. Их собственный идеал в корне отличался от крестьянского. Но несмотря на это революция поощряла крестьянские ожидания, иногда поддерживала и использовала крестьян в своих целях.

Великая и могучая Россия

Одной из составляющих административной утопии было признание того факта, что Россия — это огромная территория, которой трудно управлять, а потому она остро нуждается в наведении дисциплины. Дисциплина находила воплощение в парадах, фасадах и наличии колоний. Эта политическая технология тесно связана с современной дисциплинарной практикой на заводах, в тюрьмах и армии. Согласно этой утопии, небольшая группа людей подчиняет себе и организует большие массы людей, но не во имя достижения всеобщего счастья, а во имя налаживания производства и проведения военных операций.

В административной утопии разум как луч света проникал в темное, варварское захолустье. Цель этой утопии была во многих отношениях полной противоположностью ожиданиям крестьян: сильное полицейское государство, милитаризация поместий, утопическое городское планирование, соответствующее строгим геометрическим формам. Упрямый народ должен был быть превращен в нацию, подчиняющуюся приказам, правильно себя ведущую. Леса, луга и степи России должны были обрести строгие геометрические формы.

Стайтс подчеркивает, что в различных течениях административной утопии прослеживается особый тип высокомерия. Бюрократы считали, что для российской почвы и народа характерна

особенная невосприимчивость к достоинствам великих столпов цивилизации — Евклида, Платона и Мартинера. Петр Великий ввел военные ритуалы в России одновременно с введением геометрии. Он стремился продвинуться в нескольких направлениях одновременно: упорядочить пространство, документацию и процедуры, развести управление и его субъект с помощью физической организации казенного помещения, полностью закрепить население и систематически перемещать его для целей строительства и войны.

Конечно, этим дело не ограничилось. Даже все городское планирование в России восемнадцатого века осуществлялось в соответствии с детально проработанным, единообразным проектом:

«Радиальная, прямолинейная, веерообразная планировка, сетки прямых центральных улиц, вдвое шире, чем самое высокое здание, площади и торговые пространства, расположенные на равном расстоянии друг от друга, с центральной площадью, предназначенной для военных парадов, главная улица и административное строение в центре, унифицированный архитектурный стиль, жестко разделенные жилые зоны, строения для разных классов общества, отличающиеся друг от друга размером, высотой, материалом, планировкой фасада» (Stites, 1989, 21).

Хвалебная утопия расцветала пышным цветом, воплощаясь в дворовых ритуалах и церемониях на протяжении всего девятнадцатого века. Создавалась иллюзия счастья, процветания, безопасности, порядка, добродетели, гармонии и спокойствия. Направление князя Потемкина на колонизацию завоеванных земель на юге страны, создание сети городов стало еще одним примером рационализма, свойственного административной утопии. Дальнейшим ее проявлением стало создание военных поселений, процесс, в котором главную роль сыграл Алексей Аракчеев. Не все эти проекты выполнялись в соответствии с планом (см., например: Susiluoto, 1996), но даже с учетом этого факта следует признать, что они радикально изменили облик страны.

Александр Второй нанес непоправимый урон административной утопии, освободив крестьян от крепостной зависимости. Именно во время царствования Александра Второго начали расти промышленные города, перекрывая собой симметричную казарменную планировку. Монархическая форма административной утопии уходила в прошлое, уступая место революционной форме. Среди революционеров все более широко распрост-

ранялась вера в государство, способное убедить народ в необходимости дисциплины. Эта вера вполне уживалась с сенсимоновской стороной марксизма, мечтой о государстве, управляемом на научной основе (см., например: Cohen, 1982). При этом руссоистская утопия государства, растворяющегося в обществе, была тесно связана с народными утопическими представлениями.

Сталин сам подчеркивал момент преемственности своей политики по отношению к проектам Петра Великого:

«Не мы выдумали техническую и экономическую отсталость страны. Эта отсталость вековая, рожденная всей историей нашей страны. Отсталость воспринималась как зло и до революции, и после. Когда Петр Первый, столкнувшись с высокоразвитыми странами Запада, лихорадочно возводил заводы и фабрики, чтобы укрепить оборону страны, он по-своему пытался вырваться из плена отсталости. Понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не могли решить проблему отсталости. Более того, эти классы не только не могли решить эту проблему, они были не способны удовлетворительно сформулировать эту задачу. Вековую отсталость нашей страны можно преодолеть только на пути успешного социалистического строительства. Преодолеть ее может только пролетариат, установивший диктатуру и взявший на себя ответственность за направление развития страны» (Сталин, 1954, 258—259).

«Что делать?»

Административная утопия и стремление к европеизации сталкивалось с сопротивлением со стороны интеллигенции. В середине XIX века начали появляться славянофильские утопии, подчеркивающие значение славянских ценностей, стремящиеся к построению гармоничного, богатого, сильного и просвещенного государства. Ключевыми элементами этой утопии были православное братство, жизнь в семье, национальная культура.

Раннеевропейские тенденции были, в свою очередь, представлены декабристами. Юрий Лотман подверг их поведение любопытному семиотическому анализу. В их программе содержалось неприятие крепостничества и невежества, но помимо этого они представляли собой самостоятельный культурно-исторический тип, воплощавший идею добродетельной жизни. Ее отличительной чертой было достоинство, выражавшееся в особом типе поведения и речи. «Революционные дворяне» были прежде все-

го людьми действия. Декабристы были исключительно «разговорчивы». Их мнения отличались резкостью и открытостью. Они презирали традиционное «французское» поведение, изысканность которого исключала обсуждение таких проблем как диктат помещиков и засилье бюрократии. Декабристы дистанцировались от иерархической природы и стилистического разнообразия поведенческих актов. Они ценили прямоту и резкость суждений, относящихся к действительности. Различные тайные общества, такие как Общество Громкого смеха или Общество Зеленой лампы занимали важное место в российской общественной жизни в 1810-х гг. Для членов этих обществ (в т. ч. Пушкина) любовь к свободе была окрашена в тона веселья. Воплощение идеала и сама политическая борьба была превращением жизни в бесконечный праздник. При этом образ жизни декабристов требовал самоотдачи, жертвы, торжественности и искренности.

«Ментальность декабристов характеризовалась резкой поляризацией моральных и политических оценок, относящих любое действие к одной из двух категорий: либо к категории «хамства», «низости» и «тирании», либо к категории «либерализма», «просвещения» и «героизма». Нейтральные или незначительные действия не существовали. Сама возможность их существования отрицалась» (Lotman, 1985, 107).

Все формы общественных развлечений — танцы, карты, ухаживания за женщинами — резко осуждались как признаки духовной пустоты. Трапеза декабристов включала в себя капусту, ржаной хлеб и водку. Для декабристов священной была не трапеза, а труд. Лотман (Lotman, 1985, 135) утверждает, что «уничтожая различия между сферой труда и досуга, либералы стремились превратить жизнь в праздник, а заговор — в служение». Отношение к семье было холодным. Но при этом существовал культ братства, основывающегося на единстве духовных идеалов, и восхваление дружбы.

Согласно Лотману, декабристы не оправдывали прозу жизни, они пропускали жизнь через фильтр героических текстов. Каждое действие декабристов предполагало поэтизацию действительности, проекцию романтического взгляда на мир. Они принимали «коллективные усилия», чтобы, организовав заговор, отменить рабство.

Скоро политическая программа декабристов вышла из моды, но элементы образа жизни, созданного ими, выжили в среде радикальной интеллигенции, чтобы впоследствии стать частью сти-

ля жизни большевиков. Большевики были серьезны и аскетичны. Их взгляд на мир также был резко поляризован.

Однако декабристов и большевиков разделяло почти сто лет радикальных интеллектуальных течений. Четыре десятилетия спустя после восстания декабристов, Николай Чернышевский написал свой знаменитый роман «Что делать?» — продолжавший декабристскую традицию построения плана добродетельной жизни. Роман содержит множество элементов, которые позже, на рубеже веков войдут в программы большевиков и других революционеров. Однако в романе есть немало идей, радикально чуждых большевистскому мышлению.

Чернышевский написал роман, находясь в каземате Петропавловской крепости. Его приговорили к заключению как главного радикального лидера шестидесятых годов. Однако каким-то чудом книга миновала цензуру, будучи отнесенной к числу приключенческих романов или романов для семейного чтения. На самом деле, роман Чернышевского — это яростная атака на несправедливость, аморализм и отсталость России того времени. Одновременно это утопия, предполагающая построение совершенно иного общества.

Главная героиня романа, Вера Павловна, — девушка, томящаяся под игом тяжелых семейных отношений. Кроме нее в романе есть еще два новых человеческих типа: Александр Кирсанов и Дмитрий Лопухов. Эти люди испытывают острую потребность в интеллектуальном развитии. Они хотят сражаться за прогресс, за построение лучшей жизни. Герои романа сильны, здоровы, полны энергии и готовы к физическому труду. Еще один герой, выходящий над всеми другими, — Рахметов. Это почти двухметровый мускулистый гигант, для которого преданность идее важнее, чем собственная жизнь. Этот тип готов сделать для коллектива все, на что способен. Образ сильного и мощного человека выжил и позже оказался востребованным советской мифологией. Чернышевский был также убежденным сторонником женского равноправия. Борьба героев романа описана исключительно темными красками. Революционный сверхчеловек сражается против деградировавшей, аморальной и незрелой реакции.

Чернышевский описывает в форме снов преодоление Верой Павловной кульминационных точек ее биографии. Именно в снах рождается утопия нового мира. В этом мире нет бедности и голода. Там всегда есть труд и люди живут зажиточно. В этом мире люди живут в дружбе и понимании. В первом сне Россия видится

одним большим подвалом, в котором все жители либо трудятся, либо являются заключенными. В четвертом сне возникает образ идеального здания, населенного коллективом работников — новых людей утопии. Все внутри коллектива организовано так, чтобы люди жили счастливо. Труд бодрит тело и душу. Несмотря на то, что люди живут в коллективе, у них есть право выбора. В этом мире царит идеал свободы, в пределах которого частная жизнь естественным образом сплетается с общим делом.

Роман Чернышевского — это утопия коллективной жизни без городов, без государства и централизованной власти. Моральный кодекс героев романа включает в себя чувство взаимного уважения, равноправие женщин, честность на грани полной открытости, систематическую помощь беднякам, жажду любого полезного знания, равенство всех людей. В шестидесятые-семидесятые годы XIX века некоторые последователи Чернышевского пытались воплотить эти идеалы в жизнь. Коллективизм Чернышевского тесно связывает его с другими революционными мыслителями, но при этом его неприятие городской жизни — это явное расхождение с будущей большевистской линией.

Красная звезда коллективизма

В литературе не существует стройного, очищенного от примесей описания большевистской утопии. Кодекс поведения рабочего класса делал упор на такие ценности как товарищество, коллективизм и эгалитаризм. В политической сфере коллективизм рабочих принимал форму совместной общественной деятельности. В сфере философии и культуры он воплощался в движении «богоискателей». Обе эти линии оказали большое влияние на большевиков, хотя и были подвергнуты Лениным резкой критике.

Богостроители хотели создать новую социалистическую религию, культурный миф, который помог бы заместить «буржуазное я» коллективным «мы». В начале века Карл Каутский дал свою интерпретацию христианства, согласно которой оно выступало главным образом как революционное движение, направленное против рабовладельческой системы Римской империи. Многие левые также считали, что ключевая роль отца Гапона в событиях Кровавого воскресенья 1905 года свидетельствует о том, что христианство способно мобилизовать народ для участия в боевых действиях.

Философскими авторитетами движения богоискателей были друг Маркса Иозеф Дицген и Эрнст Мах. Дицген рассматривал

социалистическую теорию прежде всего как основание для новой религии, для построения «веры в пролетариат», который должен перевернуть мир и перевести старую веру на научную основу. Мах знаменит тем, что стал объектом критики в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Несмотря на это, многим большевикам релятивизм и эмпиризм Маха казался привлекательным. Но наиболее привлекательным элементом его мировоззрения был коллективизм, идея того, что от «эго» следует отречься во имя коллектива. При капитализме преобладают атомарные опыты отдельных индивидов. При социализме они должны уступить место альтруизму, самопожертвованию и опыту пролетарской культуры.

Синдикалистские тенденции внутри рабочего класса основывались на вере в то, что опыт рабочего класса уникален. Самым большим достижением рабочих считалась всеобщая забастовка и прямое действие, направляемое каким-либо полезным мифом. Социализм — это не «научная истина», которую можно найти в книгах, а коллективный миф, впитавший в себя жизненный опыт людей. В сравнении с ортодоксальным марксизмом синдикализм рабочего класса подчеркивает роль прямого действия, предпринимаемого рабочими.

В своих знаменитых трудах, посвященных критике рабочего движения, лидер французских синдикалистов Жорж Сорель заявлял о своей непримиримой оппозиции якобинской власти с «красными иезуитами» во главе. Основной характеристикой этой власти являлось, с его точки зрения, преувеличение роли партии. Для него ключевое значение имело прямое действие, предпринимая которое, люди утрачивают индивидуальность, сливаются с «героическим движением». Во всеобщей забастовке он видел выход пролетарской энергии и, одновременно, путь к новой коллективной реальности.

Международное влияние синдикализма достигло пика около 1907 года, когда в Париже прошел международный конгресс его сторонников. В конгрессе принял участие Сорель, а также такие известные представители движения как Артурио Лабриола, Роберт Микельс, Хуго Лагардель. После конгресса синдикализм начал терять свое влияние вследствие внутренних разногласий по поводу участия в работе парламента и роли прямого действия. Сам Сорель постепенно сблизился с крайне правыми.

В российском обществе идеи Сореля и идеология синдикализма в целом распространялась и поддерживалась анархистами.

Идеи коллективизма получили положительную оценку не только среди самих синдикалистов и анархистов, но и среди многих большевиков. Коллективизм в его синдикалистской трактовке получил признание в журнале «Жизнь», который редактировал один из влиятельных пионеров большевистского движения В. А. Поссе. Но и другие лидеры большевиков в этот период серьезно интересовались синдикализмом. Среди них были В. Д. Бонч-Бруевич и Александр Александрович Малиновский, известный под псевдонимом Богданов. В 1905—1907 годах Богданов был лидером большевиков, действовавших в России. У него было медицинское образование. Он публиковал не только научные труды, но и научную фантастику (см.: Susiluoto, 1982). Его трактовка коллективизма была таким же важным компонентом большевистской идеологии, как и якобинство Ленина.

Роман Богданова «Красная Звезда» был научно-фантастическим произведением, связывающим вместе коллективистскую утопию и актуальную тогда тематику жизни на планете Марс. В романе марсианский образ жизни и цивилизация в целом представляют собой «естественную философию пролетариата», преодолевшего войну, рабство, классовую борьбу и смерть. Рабочие установили свой контроль над сетью каналов, построенных в прошлом капиталистическом обществе. Марсианские заводы чисты и комфортабельны, овощи выращивают под землей при помощи гидропоники, повсюду звучит музыка. Для управления производством, функций контроля и распределения созданы часовые карточки. Экономика компьютеризирована и не нуждается в деньгах. Механизация получила столь высокое развитие, что люди могут работать только два часа в день. Другими словами, мир марсиан — это мир смелого коллективизма, мудрый и энергичный, далеко продвинувшийся в освоении научных достижений, рационально организованный компьютерами. Отношения между людьми строятся на принципах солидарности, взаимопомощи и любви.

Богданов верил в то, что фетиш частной собственности и буржуазного «я» должен быть замещен нуждами коллектива. Должны быть созданы пролетарская наука и искусство, базирующиеся на коллективизме и классовом подходе. Истина в том, считал Богданов, чтобы изменить мир, заставив его обитателей подчиняться нуждам и задачам коллективного субъекта.

Опыт рабочего класса рассматривался как исключительно важный не только синдикалистами, но и богостроителями. Вот

как финский писатель Хелла Вуолийоки интерпретирует образ рабочего в повести Горького «Исповедь», где превосходство класса над индивидом принимает почти метафизические масштабы:

«Это рабочий, который осознает свой Класс. Он живет в своем классе. Если он умирает, материальная форма его классового тела подвергается превращениям так, чтобы класс в целом продолжал жить и бороться. Он будет жить в Классе как живет кусочек ногтя, упавший на землю, дающую пищу человеческому телу, обеспечивающую воспроизведение жизни. Умирая, рабочий, будучи частью классового тела, продолжает жить, так же как и его тело, как и класс в целом. Рабочий никогда не умирает потому, что никогда не умирает класс. Интересы рабочего полностью совпадают с интересами класса. Рабочий инстинктивно это ощущает, поскольку его слиянию с классом в единое целое способствуют экономические условия жизни» (Wuolijoki, 1908, 12).

Наиболее влиятельными богостроителями были Горький и Луначарский. Горький считал, что Россия обладает особыми качествами. Противодействуя западной культуре, уничтожившей душу, русский народ носит Бога в душе. Когда «я» буржуазии и современного капитализма уступят место коллективному миру, российская пассивность и страдания уступят место массовому героизму.

Кто он, богостроитель, спрашивает Матвей в романе Горького. И отвечает: «Это — народ. Бесчисленный мировой народ! Большой мученик, чем все святые, данные нам Церковью! Бесмертный народ! Он — отец всех богов в прошлом и настоящем!» (Wuolijoki, 1909, 9). Горький доходит до утверждения, что люди совершают чудеса в традиционном христианском смысле этого слова. В одном монастыре люди целеустремленно объединились в страстном желании поставить девочку-калеку на ноги. Вера самой девочки и всех людей совершили чудо: девочка выздоровела.

Несмотря на ленинскую критику движений синдикализма и богостроительства с позиций научного социализма, они сохраняли свое влияние и в первые годы существования советского государства. Луначарский, первый народный комиссар по вопросам культуры, активно участвовал в создании ритуалов «социалистической религии». Богданов возглавлял Пролеткульт. Идены синдикалистов находили воплощение в действиях рабочей оппозиции.

В начале 20-х годов на Рождество можно было видеть юных комсомольцев, марширующих по городским улицам, несущих чучела пророков и священников разных религий: пап, мулл, раввинов, будд. Демонстрация заканчивалась сожжением этих сим-

волов. Это мероприятие носило название «Комсомольское рождество» (Sartorti, 1990, 51). Марш с таким названием должен был стать началом создания новых революционных ритуалов.

Один из новых ритуалов заключался в замене крещения на «октябрение». На смену старым христианским именам должны были прийти новые: Маркс, Энгелина, Май, Баррикада, Трактор и даже Гильотина. На «красных свадьбах» стол накрывали скатертями соответствующего цвета, выставляли портреты Ленина, давали клятву верности не только друг другу, но и делу коммунизма, пели Интернационал, дарили книги Ленина и Зиновьева в качестве свадебных подарков. Был также период, когда поощрялась кремация как более демократический, чем похороны, метод прощания с покойным. Вместо христианских праздников учреждались новые, связанные с Революцией.

В августе 1917 года Богданов основывает свою собственную общероссийскую организацию, Пролеткульт, цель которой состояла в том, чтобы поощрять творчество рабочих в самых разных областях искусства: в музыке, литературе, театре, живописи.

В течение нескольких следующих лет это движение играло большую роль в создании культурных форм интерпретации коллективной революции. Богданов по-прежнему настаивал на своем определении того, что должно цениться и развиваться. Христианский индивидуализм и вера во власть должны были быть вытеснены коллективизмом пролетарской культуры.

БОЖЕСТВЕННОЕ И ЗЕМНОЕ

Большевизм и православие

Большевики имели разные объяснения для утопий, лелеемых различными социальными классами:

- коллективизм и критика старой власти связаны с крестьянским образом мышления;
- вера в науку и прогресс связывает интеллигенцию с проектами модернизации;
- понятие сложности управления связано с административной утопией.

Признание религиозного и ритуального аспекта большевистской политической культуры не несет в себе ничего нового. Напротив, это признание является неотъемлемой частью рутинного политического анализа. Обожествление Ленина и Сталина имело явно религиозный оттенок:

«Мы смело в бой пойдем
 за Власть Советов
 и как один умрем
 в борьбе за это!»
 Деникин идет,
 Деникина выкинут
 Обрушенный пушкой
 подымут очаг,
 Тут Врангель вам —
 на смену Деникину,
 Барона уронят —
 уже Колчак,
 Мы жрали кору,
 Ночевка в болотце,
 но шли миллионами красных звезд,
 и в каждом Ильич,
 и о каждом заботится
 на фронте в одиннадцать тысяч верст.

(Маяковский, 1976, 149).

Связь с Православием и религиозное поклонение здесь очевидны. У Православия есть несколько черт, имевших прямое отношение к природе большевистского культа и ритуалов.

Во-первых, важно помнить, что Реформация не достигла границ России. Православие, утвердившееся в России, стало независимым течением после раскола христианской церкви в 1054 году. Вслед за захватом Константинополя турками в 1453 году Россия обрела полную духовную самостоятельность. Этот факт получил официальное подтверждение в 1589 году, когда был создан российский патриархат (см.: Hingley, 1977). Российское Православие избежало внутриконфессиональных противоречий и развилось в самостоятельную церковь, делающую упор на коллективность, мистицизм и иконопочитание.

Западное христианство и, в особенности, протестантизм придают огромное значение индивидуальному достижению и индивидуальному спасению. На Востоке спасение рассматривается не как сближение души со своим Создателем, а как процесс развития, конечной точкой которого является обретение святости в тот момент, когда община получает Святое Причастие у Святого Духа (Zernov, 1958, 52).

Иными словами, Православие, в отличие от Лютеранства, делающего упор на индивидуальную совесть, не считает челове-

ка ответственным за свое спасение, за правильность выбранного им духовного пути. Коллективность отождествляется с великой силой церкви и клира. Православие требует большего подчинения отдельного человека церкви, чем Лютеранство, заставляющее индивида слушать голос собственной совести. Тех, кто не подчиняется церкви, раскольников и еретиков, сразу же поправят. Самым страшным наказанием является отлучение от церкви, означающее отлучение от Бога, смерть и полное уничтожение одновременно.

Образование и проповедь менее важны для Православия, чем для Католицизма или Лютеранства. Православие делает упор на ритуалы, мистику и литургию. Даже внутренний раскол Православия был вызван не доктринальными спорами, а разными подходами к ритуальной практике.

Православие — это религия скорее «Святого Духа», чем «Сына Божья». Для него важна литургия и почитание икон, рождающее чувство тесной общности, присутствия «Святого Духа». На иконах человек выступает как символ святости, поскольку для православного богословия соединение души и тела являет собой более полный образ Бога, чем одни только духовные сущности.

Эти черты Православия позволяют до некоторой степени объяснить возникновение большевистских ритуалов, сохранение в рамках большевистской культурной практики страха быть отлученным от общины, обожествления образа людей. Философ Николай Бердяев провел более детальный анализ любопытной связи между Православием и российскими революционными движениями девятнадцатого века. В современной России Бердяев пользуется большим авторитетом. Его философские взгляды тесно связаны с экзистенциализмом 30-х годов. По мнению Бердяева, большевизм был религиозным движением, извратившим суть православного аскетизма (см.: Berdjajev, 1960). Его религиозная природа рождается его тоталитарной догматической сутью. Между взглядами Бердяева и моим подходом есть немало общего, но все же его подход к религиозным явлениям нельзя назвать подлинно социологическим. Он не анализирует коллективность религиозного культа и не видит значения религиозных ритуалов. Он также игнорирует внутренние противоречия и непредсказуемые последствия большевизма.

Когда люди шли на штурм Зимнего Дворца, когда они сражались на фронтах Гражданской войны, чтобы защитить Советскую власть, они делали это не потому, что читали сложные работы Маркса или даже Ленина. Но при этом было что-то такое, во что они верили. Ни одно общество не может основываться только на насилии, ни одна власть не может быть только инструментом подчинения. Алвин Гоулднер проанализировал привлекательность марксизма на уровне, названном им «палеосимволическим» (Gouldner, 1974a; 1974b). На этом уровне марксизм не является теорией. Скорее он выступает как обещание освобождения от объективной реальности, лимитирующей действие. С моей точки зрения, привлекательность рабочего движения — это факт, требующий более конкретного, исторического объяснения. Граница между «божественным» и «мирским», проведенная Эмилем Дюркгеймом, является важным инструментом, позволяющим объяснить и понять движущие силы революций.

Согласно Дюркгейму, общество требует, чтобы мы стали его слугами, оставив в стороне свои собственные интересы. Нам приходится приносить разные жертвы и мириться с разными неудобствами, чтобы общественная жизнь была возможной. Однако обычно мы миримся с этой необходимостью не потому, что подчиняемся силе, а потому, что испытываем чувство глубокого уважения.

Объект нашего уважения провоцирует и предотвращает действие независимо от его возможных выгод или негативных последствий. В этом случае мы говорим не о выгодах или потерях. Дюркгейм подчеркивает, что команды должны быть короткими и строгими, и что они должны исключать всякую возможность размышлять и рассчитывать. Однако Бог — это не только власть, от которой мы зависим. Бог — это также власть, которая дает нам силу. Сила коллектива оживляет и расширяет нашу сущность.

«Этот стимулирующий и воодушевляющий эффект общества особенно заметен в определенных обстоятельствах. Посреди группы людей, переживающей момент подъема, мы становимся способными на чувства и поведение, к которым мы не способны тогда, когда предоставлены сами себе. Когда люди расходятся, оставляя нас в одиночестве, мы снова возвращаемся на свой обычный уровень и в этот момент можем оценить всю меру того,

насколько выше себя мы были. История изобилует подобными примерами. Достаточно вспомнить четвертое августа (1789 года), когда толпой неожиданно овладело чувство самопожертвования и самоотречения, к которому еще за сутки до этого каждый из этих людей был неспособен, и которое поразило их наутро после произошедших событий. Именно по этой причине все партии — политические, экономические и религиозные — считают своим долгом периодически устраивать беседы, на которых их последователи могли бы еще раз публично подтвердить свои общие убеждения. Чтобы усилить эмоции, которые могут померкнуть, если человек остается наедине с собой, нужно выполнить одно условие — связать тех, кто разделяет эти убеждения более тесными и более динамичными отношениями» (Durkheim, 1995, 211 — 212).

Кроме этих мимолетных мгновений, могут существовать более устойчивые условия, имеющие огромное, если не магическое влияние на людей. В эти моменты социальное взаимодействие интенсифицируется в результате какого-либо коллективного шока.

«Результатом этого является общий подъем, столь характерный для революционных или созидательных эпох. В результате этого подъема происходит процесс стимуляции индивидуальных энергий. Люди живут по-другому, более напряженно, чем в нормальные времена. Причем различия не исчерпываются лишь нюансами или степенями. Человек становится другим, отличным от того, чем он был в прошлом. Страсти, захватившие его, столь сильны, что могут найти выход только в крайностях или насилии, будь то акты сверхчеловеческого героизма, или кровавого варварства. Это объясняет крестовые походы, а также, к примеру, наиболее высокие и жестокие моменты французской революции. Мы видим, как посредственный и безобидный мещанин превращается в обстановке общего подъема в героя или палача».

Дюркгейм не дает более подробного анализа этих особых обстоятельств. Вместо этого он указывает, что в нашей жизни нет ни единого мгновения, когда мы не получали бы энергию извне, энергию человеческого сообщества.

В нашем непосредственном окружении постоянно находятся силы, которые ограничивают нас и в то же время помогают нам, вдохновляют нас, дают примеры красоты и грации. Эти силы будят в нас эмоции, отличающиеся от эмпирических фактов повседневного опыта. В результате наш мир делится надвое. С одной стороны, в нем есть элементы, внушающие нам уважение, вдохновляемые Богом, с другой — обычная повседневность, связанная с земными обстоятельствами нашей жизни.

«В результате нам кажется, что мы соприкасаемся с двумя видами реальности, разделенными четкой линией: мирской стороной жизни, с одной стороны, и миром священных предметов, с другой» (Durkheim, 1995, 214).

Совсем даже не земное обличье тотемных объектов вдохновляет умы людей. Напротив, сами объекты зачастую малозначимы: ящерица, гусеница, крыса, муравей, лягушка, индейка, рыба, сливовое дерево, попугай или другой подобный объект не могут сами по себе достичь святости. Почитание не связано с внутренней сутью или внешним обликом какого-либо объекта. Наиболее священными являются не предметы или растения, а их изображения. Тотем — это, во-первых, видимое свидетельство присутствия Бога. Во-вторых, это символ социальной общности, именуемой кланом. Человек верит в то, что он или она имеют обязательство следовать командам, вытекающим из священной природы общества. Общество, в свою очередь, постоянно производит священное из обычного. Божественные символы оказывают влияние как на народ (включая аристократию и правителей), так и на идеи. В этом месте Дюркгейм ссылается на идею прогресса. В наше время отрицание идеи прогресса или высмеивание человеческих идолов современного общества было бы почти равносильно святотатству.

Необходимость превращать мирское в божественное особенно остра во время революций.

«Никогда способность общества объявлять себя богом или создавать богов не была столь очевидна как в первые годы французской революции. В атмосфере всеобщего энтузиазма, царившей в этот период, объекты, мирские по своей природе, превращались общественным мнением в священные символы: Отечество, Свобода, Разум. Религии возникали спонтанно, рождая новые догмы, символы, алтари и праздники. Именно этим спонтанным надеждам культ Разума и Высшего существа пытался придать форму властной законченности. ... В этом конкретном случае мы увидели общество и его основополагающие идеи как объект прямого поклонения — без какого-либо преобразования» (Durkheim, 1995, 215—216).

Дюркгейм далее описывает, каким образом клан внушает своим членам веру в силу, существующую вовне:

«Мы не можем определить источники сильных чувств, вызываемых в нас абстрактной сущностью, которую мы можем представить себе с большим трудом и без какой-либо последователь-

ности... Таким образом, символ вытесняет вещь, а эмоции, вызываемые вещью, переносятся на символ. Именно символ становится объектом любви, страха и уважения» (Durkheim, 1995, 221).

В целом можно сказать, что мир божественного и мир земного отделены друг от друга. У каждого из них — своя четко очерченная сфера. Процесс секуляризации, развивающийся в современном обществе, подразумевает увеличение области земного. С другой стороны, всегда есть возможность расширения сферы божественного, а некоторые аспекты земной жизни обретают святость.

Многие ученые, идущие по стопам Дюркгейма, изучили ритуальную сторону политических явлений, а также связь между революцией и сферой божественного (см., например: Hunt, 1988). Признаки такой связи нетрудно найти в российской истории. Например, ритуалы празднования годовщин Октябрьской революции могут быть сопоставлены с празднованием Дня поминовения в США (Warner, 1959) или церемонией коронации в Англии (см.: Shils, 1975).

Роберт Белла (Bellah, 1970) охарактеризовал американскую революцию и гражданскую войну как годы, сформировавшие облик современной Америки, создавшие ее священные символы: мучеников, священные события, святые места, священные ритуалы. Темы смерти и жертвы были для Америки не менее важны, чем для Советского Союза. С другой стороны, присутствие смерти в повседневной жизни звучит совсем по-иному в контексте сталинского божественного и придает особое значение негативному культу, включающему в себя табу.

Эдвард Тирикьян проанализировал три революции — Иранскую, Никарагуанскую и Польскую — произошедшие в период с 1979 по 1981 год. Во всех трех религиозный фактор сыграл роль важного катализатора. Тирикьян утверждает, что революционные движения могут оказаться в том же положении, что и харизма, когда она не выполняет обещаний реальных изменений. Однако революции могут быть успешными уже потому, что «их начало и ранние этапы пунктирно обозначают в истории начало новых процессов, создавая новые основы общественной организации и общественных структур».

Следует, однако, признать, что этот подход к анализу ритуалов слишком поверхностен. Стивен Лукес указывал, что после Дюркгейма социология демонстрирует тенденцию к постулированию априорного ценностного консенсуса и обращает внима-

ние только на те ритуалы, которые воспринимаются как очевидные (Lukes, 1975). Я не хочу связывать себя рамками функциональной теории, акцентирующей значение веры и практики. Божественное никогда не воспроизводится и никогда не воспроизводит без искажений социальную действительность. Вместо того, чтобы постулировать существование ценностного консенсуса, мы должны анализировать влияние субъектов и кодов, определяющих ритуалы, а также принимать во внимание возможность противоречий и существование сфер жизни, не ставших темой исследования.

Лукес подчеркивает роль ритуалов в усилении коллективных представлений. Исходя из этого, следует признать, что именно когнитивное измерение ритуала становится наиболее важным: оно подчеркивает значение тех явлений, которые действительно заслуживают внимания. На этом уровне ритуалы сталинской или брежневской эпохи могут стать важными индикаторами видимых и скрытых аспектов действительности.

В политике важно не только то, какая часть общественного богатства распределяется и кому она достается. Важно также определить, чего хотят массы людей, чего они боятся, что, по их мнению, может произойти, и каковы они сами (см.: Lukes, 1975, 69). Ритуалы включают в себя не только очевидные явления, такие как демонстрации, восславляющие Октябрьскую революцию, или посещение Мавзолея, но и, к примеру, судебные заседания, а также профсоюзные собрания.

Анализируя происхождение «божественной» стороны большевизма, я стремлюсь определить основополагающие культурные коды, являющиеся социальными фактами в дюркгеймовском их понимании, то есть фактами, накладывающими реальные ограничения на действия людей. Это тип всеобъемлющего кода может рассматриваться как тотальный социальный факт (Мосс), масштабная единица, действующая на уровне общества в целом, характеризующая его тотальный этос, обеспечивающая матрицу для социальных идентичностей и разнообразных социальных институтов. При таком ракурсе зрения общество рассматривается на том уровне, который Гегель называл моралью, а Аллардт — сообществом. (Hegel, 1991; Allardt, 1964).

Следует, однако, сделать две важные оговорки. Во-первых, каждый отдельный код превращается в социальный факт только в контексте интерпретации, объяснения и действия. Это особенно верно при рассмотрении революций и других подобных ситуа-

ций, лишенных предопределенности, свойственной религиозным ритуалам. Субъекты создают общее понимание действительности, чтобы действовать сообща, но используют для этой цели уже существующие культурные ресурсы. При такой постановке вопроса в центре нашего внимания оказывается взаимосвязь между «кодом» и «объяснением». Существуют сложные отношения между кодом, прошедшими событиями (имеющими непреднамеренные последствия) и «культурными объяснениями».

Во-вторых, культурное измерение — это не единственное основание для объяснения природы большевистской революции и Советской власти. Революции не сводятся к ритуалам. Важно все время соотносить культурный уровень со структурами и стратегиями на других уровнях. В контексте анализа революций невозможно абстрагироваться от классовых интересов или властных отношений. Конкретное историческое объяснение должно ставить перед собой задачу изучить сложные взаимоотношения между этими аспектами и культурной сферой.

В-третьих, следует подчеркнуть, что в такой трактовке влияние культуры рассматривается внутри определенной цепи событий, также очень сложной. Изучая революцию, приходится одновременно искать объяснения многим явлениям. Революции — это не только террор, гражданская война или великие образы будущего. Это — все вышеназванное и множество других явлений в придачу. Смит подчеркивал, что война на Фолклендах была не торжеством языческого патриотизма и патриотических эмоций, а и ритуалом, славящим современность и рациональность (Smith, 1991). Русская революция, напротив, являла собой специфическое сочетание эмоций и рациональности. Разные социальные классы и политические силы, вовлеченные в нее, по-разному переживали это событие.

Очевидно, что анализ, предпринятый в этой книге, представляет собой лишь гипотетический умственный эксперимент. Важным его аспектом является, однако, не содержание отдельных аргументов, а общее направление аргументации. Я вовсе не собираюсь утверждать, что политика может обойтись без ритуалов и божественного. Мое намерение состоит в том, чтобы привнести элемент иронии и критики в обсуждение роли идеологии.

Социальный анализ должен, разумеется, стремиться к пониманию кодов, переживаемых как священные. С другой стороны, вполне законным является и стремление расшифровать эти коды. Логично задаться вопросом об ограничениях священных кодов и

непреднамеренных последствиях действий, основывающихся на них. Такой подход демонстрирует преемственность, выпадающую из поля зрения, если в центре внимания оказывается только история политической системы.

Напряженный дуализм российской культуры: Лотман

В своей знаменитой статье, посвященной бинарным моделям российской культуры, Юрий Лотман анализирует мировоззрение российского Православия:

«В западном Католицизме, мир за порогом могилы разделен на три пространства: рай, чистилище и ад. Земная жизнь, соответственно, рассматривается как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, позволяющее обрести вечное спасение после некоторых испытаний в чистилище. Таким образом, в реальном мире западного средневековья становится возможной широкая область нейтрального поведения, а также нейтральные социальные институты, которые не являлись ни «святыми», ни «грешными», ни «прогосударственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими. Нейтральная сфера стала структурным резервом, из недр которого вышли, а затем развились многие общественные системы. Поскольку преемственность таких систем очевидна, нет нужды обозначать ее структурные границы или сознательно воссоздавать ее искусственный образ» (Lotman, 1985, 32).

Российское Православие, напротив, не имело посредующей сферы или нейтральной области. Лотман утверждает, что отсутствие нейтральной области — это характерная черта российской культуры в целом. Отсутствие промежуточного пространства порождает особый дуализм культуры, находящий отражение в резких различиях, таких как различия между старым и новым, Россией и Западом, знанием и невежеством.

В этом контексте я попытаюсь применить дюркгеймовскую логику к анализу большевистской трактовки коллективного и божественного. Вслед за Лотманом, я начну со специфических бинарных кодов большевистской культуры. Ленин и Сталин выступают как символы и тотемы для сложной социальной действительности и ее идеального воплощения в великом большевистском повествовании. Именно эта сложная социальная действительность и связанная с ней трактовка божественного лежит в основе ве-

ликого социального проекта большевиков. В чем же состоит специфика, отличающая клан Ленина и Сталина от клана ворон или клана «Святого Духа»?

Вместо того, чтобы заниматься отдельными ритуалами, я начну с анализа великого нарратива, лежащего в основе большевистского проекта. Он ставит целью дать макросоциологическую интерпретацию различных точек зрения, высказываемых в последнее время несколькими историками (например, Шейлой Фицпатрик, Моше Левиным, Ричардом Стайтсом и Верой Данэм), а также некоторыми российскими социологами (такими, как Владимир Шляпентох, Анна Темкина и Елена Здравомыслова).

ВЕЛИКАЯ ПОВЕСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

Существует бесчисленное число версий великого большевистского повествования. Если отбросить все лишнее, то его можно свести к следующему.

Россия — отсталая страна, в которой правит деспотическое правительство. Большая часть людей живет в деревне, где царят нищета и религиозные предрассудки. Наиболее важной задачей, стоящей перед страной, является прогресс, достигаемый развитием производительных сил. Единственно возможным средством достижения этой цели является социализм. Партия пролетариата указывает путь к прогрессу и славному будущему страны.

Более любопытная версия представлена в официальной историографии Коммунистической партии, созданной через 50 лет после революции:

«Тысячи лет прошли прежде, чем рабочие и крестьяне этой огромной страны, Советского Союза с населением, равным сегодня 240 миллионам, продемонстрировали, что возможно свергнуть самый деспотический из всех режимов, российский царизм, положить конец капиталистической системе и построить социалистическое общество свободных и равных людей. На протяжении полувека, то есть в течение жизни одного поколения, СССР сделал огромный скачок от отсталости к прогрессу. Советские люди превратили свою страну в великую социалистическую державу. Люди во всем мире хотят знать, как было совершено это величайшее из всех чудес. Они хотят знать, как промышленность может управляться без фабрикантов, как сельское хозяйство мо-

жет жить без помещиков и кулаков, и как экономика может развиваться без частной собственности на средства производства.

Достижения Советского Союза действительно колоссальны. Вывод на орбиту первого искусственного спутника земли и первые пилотируемые полеты в космос свидетельствуют о поразительном научно-техническом прогрессе, достигнутом социалистической страной.

СССР был первой страной, вставшей на путь строительства социализма. Этот путь имел научное обоснование и был проверен на практике. Кроме того, на протяжении почти трех десятилетий Советский Союз был единственной страной, строящей социализм во враждебном капиталистическом окружении. Дважды, в 1918—1920 гг. и 1941—1945 гг. Советскому народу пришлось вести тяжелые изнуряющие войны, чтобы отстоять свою свободу и независимость, защитить новый общественный строй.

Социализм одержал победу в СССР, прежде всего потому, что во главе рабочего класса и всего Советского народа находилась Коммунистическая партия, партия созидательного марксизма. Эта партия, созданная и закаленная великим Лениным, прошла уникальную историю. Это — полувековая история упорной борьбы, суровых испытаний, смелых решений и эпохальных побед» (НКП, История, 1970, 4—5).

Божественное, изложенное в этом повествовании, может быть выражено в следующих альтернативах:

Божественное

Наука

Прогресс

Развитие сил производства

Город

Пролетариат

Партия

Мирское

Религия

Отсталость

Нищета

Деревня

Буржуазия

Царь

Бинарные элементы божественного всегда взаимосвязаны и дополняют друг друга. Эти связи порождают сильные семантические комбинации и мотивы, но при этом являются слабыми звеньями аргументации. Если подвергнуть божественное свободному, общественному обсуждению, в ходе которого явления получают новую классификацию и деконструируются, то распад хотя бы одного звена аргументации вызывает распад всей структуры (Smith, 1991, 118). В условиях сталинизма старые звенья могли быть устранены, а новые созданы, благодаря особому единению власти и божественного.

Именно эти священные коды рождают мотив действия и дают ему импульс. В них содержится интерпретация событий, заставляющая людей совершать исключительные поступки, приносить жертвы и предаваться самоотречению во имя революции. Политические речи, военные действия и организационные практики должны были драматизировать эти знаковые различия. Семиотическая грамматика делает определенные действия и события возможными. Именно поэтому элементы рациональности, классовые ориентации и коллективизм находят выражение в определенных организационных практиках, образе жизни или принципах воспитания. Божественные элементы советского государства были не просто продуктами пропаганды, навязанной руководством народу. С семиотической точки зрения пропаганда должна резонировать с существующими дискурсивными возможностями. Цель пропаганды состоит в том, чтобы повлиять на классификацию событий, народов и руководителей в общественном сознании в рамках определенной области культурных кодов.

Однако эти священные символы были подвержены постоянным изменениям на протяжении всей истории Советского Союза. Все священные символы сопровождались тенью из негативных или неясных интерпретаций:

Демонизация действительности

Хаос;

Потребление;

Крестьянский образ жизни;

Номенклатура и новый средний класс;

НКВД

Поскольку жесткий дуализм является типичной характеристикой российской жизни и большевистских божественных символов, эти тени не образуют нейтральной зоны. Вместо этого они превращаются в табу. Структура российской культуры может быть представлена в форме треугольника, углами которого являются мирское, божественное и негативное божественное или табу (см. рис. 3). Соответственно, ритуалы советской действительности могут быть разделены на три части: публичные, тайные и частные. Шаг за шагом, опыт подлинной неструктурированной коллективности, пороговое состояние или «лиминальность» (Turner, 1969) стираются из контекста публичных ритуалов. Но при этом тайные ритуалы включают в себя сильный элемент табу и уже поэтому разные срезы действительности не могут пересечься.

**Рис. 3. Структура российской культуры:
бинарный код и несоответствие действительности**

Поскольку божественное большевизма представляет собой сложную семиотическую структуру, изменения этого божественного не могут рассматриваться только как эрозия харизмы. Не существует большой, великой, и при этом простой перспективы. Взаимосвязь между кодом и реальным происшествием должна получить отдельную трактовку для каждого аспекта структуры. Из противоречия между кодом и действительностью вытекают дополнительные требования, соответствующие каждому аспекту божественного.

Таким образом, не малые события повседневной жизни разрушили божественное (Vähämäki, 1989), равно как и не альтернативные политические линии, способные вызвать разрушение и деклассификацию кодов. Скорее следует вести речь о непреднамеренных последствиях, вызывающих особую напряженность между кодом и действительностью. Для каждого аспекта божественного существовал особый дополнительный аспект. Этот «третий» аспект поначалу отвергался или игнорировался бинарными кодами. Но после первых попыток превратить коды в реальную социальную практику, изменить мир с их помощью, третий аспект заявил о себе, становясь непреднамеренным последствием предпринимаемых шагов. Однако, как утверждал Парсонс, институционализируются не только конструируемые ценности. Непреднамеренные последствия также превращаются в дополнительные структурные формы и институты. Первоначальный код не может воспринять дополнительных образований. Поэтому они превращаются в табу, в негативное божественное, которого нельзя касаться. Наряду с реальным божественным возникает особый дополнительный случай (закрытая область или непреднамеренный элемент структуры). В результате политический процесс развивается в напряженном поле между божественным и дополнительным случаем. Далее мы рассмотрим каждый аспект божественного.

ственного, природу дополнительного случая и растущую напряженность в политике и жизненных практиках.

Наука и демонизация реальности

В контексте большевистской риторики все было и должно было выглядеть как отражение «научного знания». Только первоначально ленинизм был чисто политической теорией, но очень скоро он стал «всеобъемлющим научным мировоззрением». С этим мировоззрением были тесно связаны другие научные явления, такие как «научная политика», «научный коммунизм», «научный атеизм». Достижениям естественных наук придавалось огромное символическое значение. Не случайно космические полеты рассматривались как блестящие примеры побед социализма.

Обожествление науки было типичным для радикальной российской интеллигенции еще в девятнадцатом веке. Бердяев рассматривал эту черту как ключевое воплощение тоталитарной природы российской духовности:

«Когда российский интеллигент становился дарвинистом, дарвинизм превращался для него из биологической теории, могущей стать предметом споров, в догму, и любой человек, который с этой догмой был не согласен (например, последователь Ламарка), будил в нем чувство нравственного недоверия. Величайший русский философ девятнадцатого века Соловьев говорил, что российская интеллигенция придерживается веры, основывающейся на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, поэтому мы должны любить друг друга. В этом тоталитарном и догматическом ключе российская интеллигенция приняла и прожила теории Сен Симона, Фурье, Гегеля, материализм, марксизм, и марксизм в особенности» (Berdjajev, 1937, 18).

Именно это стремление сформировать целостный взгляд на мир, выступает как антипод критическому скептицизму (Merton, 1942). Критика, неудача, ошибка являются понятиями, не вписывающимися в целостное мировоззрение.

В период между 1928 и 1941 гг. численность промышленных рабочих выросла втрое, возникли совершенно новые отрасли промышленности, было создано 8000 новых предприятий, повышенными темпами развивалась урбанизация. В этой ситуации росла напряженность, вызванная тем, что большей частью неграмотное сельское население, привыкшее к крестьянскому быту, должно было научиться использованию машин, работе в непривычно сложных организациях. Одновременно это население должно было научиться читать, уважать начальство, работать по ча-

сам, а не по солнцу, пользоваться урной и носовым платком. Не удивительно, что такая напряженность приводила к исключительной высокой текучести кадров, большому числу прогулов, алкоголизму и «хулиганству в целом». Ситуация еще более усложнялась структурной напряженностью и возможностью неудачи, встроенной в механизм плановой экономики.

Именно эти неудачи породили интерпретации, связанные с религиозными традициями российского крестьянства, а именно постоянную демонизацию действительности.

Моше Левин ставит в центр нашего внимания влияние крестьянских религиозных верований на процесс становления социалистической действительности. В самом деле, российское крестьянство представляло собой самостоятельную социо-культурную систему. Религия была основополагающим элементом социальной и культурной реальности этого класса. С этим багажом он шагнул прямо из шестнадцатого века в двадцатый. Его религия представляла собой специфическое сочетание христианства и язычества. Как и Католицизм, Православие нашло компромисс между основами христианства и народными религиозными верованиями. Церковь взяла на вооружение несколько языческих ритуалов и адаптировала их, используя собственную символику (Lewin, 1985, 57—71).

Чудеса и волшебство соседствовали друг с другом в религии российского крестьянства. Святая духовность сосуществовала с разнообразными духами и демонами. Крестьяне имели весьма ограниченные представления об официальной церковной догме. В почитании икон и святых присутствовал сильный элемент магии. Священник (поп) был родом из крестьян и не рассматривался как священная особа. И одновременно жилище крестьянина (изба) считалось священным местом: здесь происходили все церемонии, связанные с рождением, смертью, женитьбой, здесь почитали умерших родственников. Крестьянское хозяйство было окружено своей собственной мифологией, в которой духи и демоны играли важную роль. Считалось, что все поля и леса, а также постройки на территории хозяйства имеют собственного духа. Существовал, якобы, дух двора (дворовик) и дух бани (бапшик). Нечистая сила вызывала болезнь и смерть (считалось, например, что женскую истерию вызывает кикимора). Верили в то, что у чертей есть хвост и рога. Некоторые из чертей могли быть дружелюбными, другие — смертельно опасными. В особую катего-

рию выделялись души людей, умерших преждевременно, не принятых в лоно Земли-матери. Ни Церковь, ни крестьяне не знали, что происходит с этими душами.

В культуре российского крестьянства суеверия, которые Вебер связывал с народными поверьями, присутствовали в разных формах. Существовала вера в ведьм, пророков, целителей, блаженных.

Короче, вот тот контекст интерпретации, в котором большевики должны были уместить свои проблемы, неудачи и противоречия. Процессом научно-обоснованного развития общества управляла партия, вдохновленная идеями научного коммунизма, поэтому в планах не могло быть никаких ошибок. Да и не мог научный подход быть полезным в борьбе с этими проблемами. Существовала необходимость мобилизовать иные культурные ресурсы, поэтому ставилась задача найти врага. И враги были найдены: троцкисты, промпартия, буржуазные спецы, бухаринцы. Развернулось бесчисленное множество ритуальных кампаний, призванных избавить страну от засилья нечистой силы.

Эти кампании не завершились вместе со сталинской эпохой. Они продолжались и в период правления Хрущева. Аналогичная охота на ведьм прокатилась по всему международному коммунистическому движению. Например, кампании Мао по борьбе против таких классовых врагов как воробьи и заросли служили не чем иным, как мостом в магический мир народных суеверий.

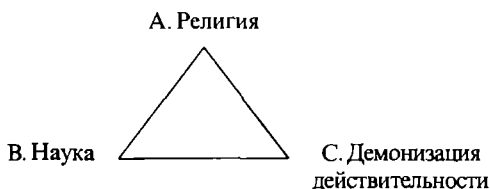

Рис. 4. Первый аспект божественного в большевизме: наука

Этих демонов обвиняли, используя «лиминальность» (Turner, 1969) и загрязнение окружающей среды (Douglas, 1994): в новых мифах они выступали как чудовища, разрушающие мир. «Карать без нежностей, без поблажек», — не устал подчеркивать Сталин.

Как ни важны были упомянутые кампании, но политика — это больше, чем ритуалы, направленные на мобилизацию масс, что происходило в государстве Негара, созданном воображением антрополога Клиффорда Гертца (Geertz, 1980). Необходимо направлять и вести процесс социального развития. Социальная структура не может измениться без посредничества со стороны государства и принятия соответствующих решений. Поэтому и в политике возникает напряженность между научным подходом и бесконечным поиском нечистой силы.

Демонизация действительности находилась в остром противоречии с научными ценностями, в особенности с такими ценностями, как универсализм и организованный скептицизм (Merton, 1942). На этос науки оказывалось мощное давление, призванное добиться классовой солидарности и осуждения отхода от линии руководства.

Прогресс и хаос

Понятие прогресса было чуждо Средним векам.

«В средние века считалось, что мир достиг предела добра и зла. Иными словами, мир хорош во всех отношениях потому, что Бог создал его таким, но грехи человеческие ответственны за то страдание, которое в нем есть. Средневековая эпоха не рассматривает какие-либо сознательные шаги, направленные на реформирование или улучшение общественных или государственных институтов как стимул для мысли или дела. Единственный способ помочь миру состоит в том, чтобы пестовать добродетель, занимаясь своим делом. Но даже в этом случае цель — жизнь на небесах. Даже тогда, когда возникает действительно новая социальная форма, она рассматривается как укрепление старых принципов справедливости или как борьба с недостатками путем передачи власти, требуемой властями» (Huizinga, 1989, 48).

В семнадцатом веке некоторые протестантские секты предвосхитили рождение революционного мышления, противопоставив земные и небесные царства (Walzer, 1965). В восемнадцатом веке идея улучшить мир, сделав его совершенным, открыла новую дорогу мужества и надежды. К двадцатому веку прогресс стал единственной настоящей дорогой к спасению. Как подметил Дюркгейм, божественная природа прогресса важна и для современности.

В своей книге «Единственный настоящий рай — прогресс и его критики» Кристофер Лэш исследует в разных контекстах значения, связанные с прогрессом. С его точки зрения, марксистские и большевистские идеи прогресса не менее сложны и многослойны, чем все любые другие.

Лэш указывает, что Маркс отличается от других социологов-классиков, — Дюркгейма, Вебера, Тённиса и Зиммеля — тем, что он не стремится в прошлое (Lasch, 1991). Однако при этом он утверждает, что капитализм подавляет многие высокие и благородные чувства и мотивы, топя их в море холодных расчетов. В отличие от воззрений других социологов, взгляды Маркса более последовательны. С его точки зрения, развитие необратимо. Второй Интернационал выступил с еще более жестким заявлением по проблеме социального развития: общество должно неизбежно двигаться к социализму, проходя через несколько промежуточных фаз. В этом состояла важнейшая идея большевизма. Капитализм рассматривался как более низкая стадия развития, чем социализм. Любые проблемы, с которыми сталкивался социализм, относились за счет пережитков прошлой социальной структуры. Именно так характеризовалась, например, неэффективность, бюрократия, преступность.

В России существовало особое отношение к прогрессу. Спор о необходимости прогресса поделил интеллигенцию на два лагеря: либералов западников и националистов славянофилов. В лагерь сторонников прогресса входили, однако, не только марксисты. Большевики выступали за электрификацию, за борьбу с неграмотностью и развитие технологий. Как Витте, так и Столыпин придерживались примерно тех же идей. В романе Достоевского «Бесы» с силами прогресса флиртуют не только аристократки. У губернатора Лембке схожие взгляды, даже если не обращать внимания на тот факт, что по мере развития сюжета он сходит с ума (Dostoyevsky, 1962). Основные различия между сторонниками прогресса рождались разными трактовками одного важного вопроса: нужно ли России на пути к лучшему обществу придерживаться своего собственного, уникального пути. Герцен и народники считали, что Россия может пройти от общины до социализма коротким путем, минуя стадию капитализма. Либералы и марксисты считали, что капиталистическая фаза необходима.

Реальное социальное развитие в большевистской России не может быть сведено к кодам развития и прогресса. Вместо прогресса общество погрузилось в состояние хаоса (см. рис. 5). Хаос

не являлся, однако, намеренным следствием большевистской политики (в отличие от «шигалевщины» в «Бесах»). Шигалев — это один из героев «Бесов». У него есть своя утопия, согласно которой высшее состояние общества, объединяющее немногих избранных счастливых, достигается с помощью пожара и разрушения. Большевизм — не «шигалевщина». Я склоняюсь к тому, что хаос является непреднамеренным следствием большевистской стратегии развития. Это не означает, что хаос не играл никакой функциональной роли по отношению к проблеме легитимности системы: декларируемая рациональная легитимность системы основывалась на идеях прогресса и надеждах на лучшую жизнь. В этой связи жертвы, приносимые хаосу, приобретали большую символическую значимость.

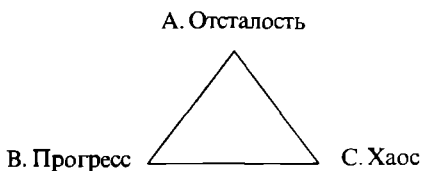

Рис. 5. Второй аспект божественного в большевизме: прогресс

После гражданской войны страна пребывала в состоянии полного хаоса.

Мы победили, но мы в пробоинах:
 Машина стала, обшивка лохмотья.
 Валы обломков! Лохмотьев обойных!
 Идите залейте! Возьмите и смойте!

(Маяковский, 1976, 155).

Полный хаос царил также во время коллективизации; по крайней мере треть сельскохозяйственных мощностей была уничтожена. После Второй мировой войны вся страна была в руинах в третий раз. Все ресурсы были израсходованы; ничего не осталось, а люди были полностью измотаны (Dupham, 1974, 14).

Во время Гражданской и Второй мировой войн хаос можно было объяснить внешней агрессией. Труднее находить объяснение непреднамеренным следствиям собственных действий. Однако, когда критики пытались говорить об упадке сельского хозяйства, вызванном коллективизацией, ответ был уже готов:

«Хорошее было бы в СССР правительство, если на одиннадцатом году своего существования оно вызвало регресс в сельс-

190

ком хозяйстве. Такое правительство не заслуживало бы никакой поддержки, его нужно было отправить куда-нибудь подальше. Рабочие уже давно отправили бы такое правительство куда-нибудь подальше в том случае, если бы оно допустило регресс сельского хозяйства. Регресс — это песня, которую поют разные буржуазные специалисты. Они мечтают о регрессе в нашем сельском хозяйстве. Не ожидал, что и Фрумкин начнет выступать в том же духе» (Сталин, 1954, 270).

Иными словами, любой разговор об упадке был табуирован.

Гражданская война и хаос требовали, прежде всего, жертвы и самоотречения (ср.: Bataille, 1987, 81—88). Это с отчетливостью можно наблюдать в книге «Как закалялась сталь» Николая Островского (Ostrovsky, 1988), ставшей чем-то вроде катехизиса для советской молодежи 30-х годов. Главный герой книги, Павел Корчагин, приносит в жертву революции всю свою жизнь. В отличие от героев других романов, написанных в 20-х годах, он — простой парень из бедной семьи. Он жаждет воевать в Гражданской войне, где получает ранения спины и головы. В семнадцатилетнем возрасте он вступает в партию. Корчагин продолжает бороться на переднем крае сражений Красной армии, на стройках социализма. У него нет личной жизни: «Я не буду встречаться с девушками до того, как мы уничтожим буржуазию во всем мире». Ему нет еще и тридцати, а он уже парализован и слеп. Несмотря на это, он продолжает учиться в Красном университете и, в конце концов, становится писателем. Жизнь Павла Корчагина — это история полного самопожертвования по имя коллектива. Индивидуальность и телесные удовольствия рассматриваются им как явная антитеза коллективному началу. Все формы трансгрессии, при которой индивид сталкивается с реальными проявлениями коллективного действия и телесных отправлениях, — эротика, смех, искренние слезы — чужды Корчагину (Bataille, 1987, 89—116; см.: Арпре, 1991, 162—178). Коллективность жаждет жертв, не предлагая взамен каких-либо удовольствий. Корчагин продолжает традиции российских революционеров девятнадцатого века: Чернышевского и других, всегда готовых пожертвовать собой. Они боролись за свободу, но при этом не позволяли себе никаких вольностей. По мнению Бердяева, они представляли собой инверсию православного аскетизма.

Жертвы, принесенные на алтарь войны и хаоса, были столь велики, что трудно отрицать их святость. Этот момент явно проступает в описании Юрием Александровичем своих школьных

лет, проведенных в блокадном Ленинграде. Его рассказ служит иллюстрацией того, как прогресс и хаос существовали буквально бок о бок:

«Ю11: Самой важной вехой моей жизни был 1941 год, когда началась война с Германией. К тому моменту я уже научился читать, читал книги Жюль Верна, Уэллса. Двадцать второго июня я вышел на прогулку с моей матерью и отцом. Мы шли по Садовой к Юсуповскому парку, когда по радио объявили, что Молотов, Народный комиссар иностранных дел, обратится к народу. Он сказал, что началась Великая Отечественная война. Это был водораздел между прошлой жизнью и будущим. Очень скоро немецкие самолеты появились над городом. К сентябрю немецкие войска стояли в пригородах, начались авианалеты и артобстрелы. Мы много времени проводили в бомбоубежищах. Потом наступила зима, самая мрачная зима в истории, не только истории нашего города, но и истории многих городов и многих народов. В ту зиму в Ленинграде от голода умерло 632 тысячи человек, только от голода. Эта цифра не учитывает тех, кто был расстрелян, умер во время бомбежек, солдат, погибших на фронте. Причем это все гражданское население, женщины, дети. Когда наступила весна, мои родители и я, мы выжили... моего отца отвезли в госпиталь на носилках — сильный здоровый человек, весивший до войны 80 килограммов, он весил той весной 38 килограммов. Это позволит вам понять всю суровость той голодной зимы. Мы, дети, всю зиму не ходили в школу. В конце мая, к началу лета нас собрали и снова начали учить. В школе мы получали завтрак, совсем неплохой. Нас совсем неплохо кормили. К тому времени продукты начали подвозить по Ладожскому озеру. По этому маршруту людей эвакуировали и привозили продовольствие. Людей становилось все меньше, и нас начали кормить. На Неве стоял огромный корабль, крейсер «Киров». Из окна нашей школы мы видели моряков на палубе, видели, как они расчехляют орудия и направляют их на запад, на немцев. В ответ на немецкие бомбежки гражданского населения «Киров» начал обстреливать немецкие батареи, ведущие огонь по нам. Мы, конечно, прилипли к окну. Учителя отнеслись к этому с пониманием и позволили нам остаться у окон. Когда орудия снова зачехлили, мы вернулись к работе. Вот так проходило мое детство во время блокады.

Ю11: Я прожил всю свою жизнь в Ленинграде и никогда не выезжал из города кроме как на короткое время. Это всегда случалось в отпуск. Я действительно люблю этот город, город в кото-

ром я родился. Те из нас, кто пережил блокаду, уже не молоды. Мы ощущаем, как бы это сказать, небольшую грусть по поводу переименования города. Я понимаю, что Петр Великий назвал Санкт-Петербург в честь своего ангела-хранителя, но когда Ленин умер, город переименовали, и с этим именем люди жили. Конечно, идея вернуть городу старое имя родилась потому, что Петр был великим человеком. Но такое событие как блокада, такое явление как блокада, 900 ужасных дней, пережитых Ленинградом, сделали имя Ленинград священным. Особенно для тех из нас, кто жил и выжил в те дни. Поэтому перемену имени было трудно принять. Кроме того, Ленин был, это мое мнение, я скажу вам мое мнение, хотя сейчас высказывают много разных точек зрения, и все меньше и меньше уважения к этому человеку. Ленин был великим человеком. Ленин подписал соглашение с Финляндией, дав ей независимость. Поэтому Финляндия должна... В этой стране не должно быть отрицательных эмоций, связанных с этим именем. Ленин был, с моей точки зрения, во многих отношениях великим человеком. А фашисты, Гитлер ненавидел его так сильно, что ни в одном своем приказе он не называл город Ленинградом. Он всегда называл его Санкт-Петербургом. Он никогда не называл настоящее имя города, ни разу».

Проходили годы и призывы к самопожертвованию стали терять силу. Вера Данэм подметила, что после войны корчагинский аскетизм уже осуждался как сектантство. В основе этих изменений, как мы видим, лежали глубокие изменения классовой структуры советского общества.

Развитие средств производства и потребления

В начале двадцатого века считалось, что основная задача марксизма заключается в том, чтобы освободить развитие производительных сил от ограничений, налагаемых на него производственными отношениями. Технология, машины, крупные производственные единицы были частью той действительности, которую стремился создать марксизм. Этот путь развития был, разумеется, чужд крестьянскому образу мысли. Толстой был в числе тех, кто представлял этот тип мышления. Он как-то сказал, что железные дороги для движения — это то же, что публичный дом для любви.

Сталин, с другой стороны, хотел «поменять мужицкую нищую лошадь на лошадь крупномасштабной механизированной промышленности» (Сталин, 1955, 179).

От всех ответа ждем,
Чтоб тракторы не ржавели
Впустую под дождем.
Поля пройдут науку
Под ветром-игруном,
Даешь на дружбу руку,
Товарищ агроном!
Земля не хочет более
Терпеть плохой уход, —
Готовься, комсомолия,
В передовой поход,
Кончай с деревней серенькой,
Вставай, который сер!
Вперегонки с Америкой
Иди, СССР.

Это стихотворение написано Маяковским в начале 20-х годов. Именно в это время Борис Пастернак назвал его единственным настоящим советским гражданином. Спустя 70 лет, сын человека, ставшего жертвой сталинских репрессий, говорит об индустриальном могуществе страны с не меньшим благоговением.

«У нас была мощная промышленность. Мы были одной из двух могучих держав. Нас нельзя было сравнивать с другими, например, с Францией или Германией. Мы были далеко впереди. Кроме этого, мы достигли... Кто вывел на орбиту Земли первый спутник? Советский Союз. Кто первым взглянул на землю из открытого космоса? Юрий Гагарин. Мы с ним одноклассники, он на несколько месяцев старше. Кто первым сфотографировал обратную сторону Луны? Советские космические корабли. А кто заставил американцев тратить миллиарды долларов, чтобы послать людей на Луну? До войны мы построили электростанцию мощностью 600000 киловатт. После войны Куйбышевская станция на Волге производила три миллиона киловатт. Но и это были скромные показатели. Мы стали строить еще более мощные гидроэлектростанции мощностью шесть миллионов киловатт. Некоторые из них до сих пор работают. У нас десять действующих атомных электростанций...»

Развитие производительных сил было важным фактором, оправдывающим существование Советского Союза. В 1926 году Шестнадцатая партийная конференция заявила: «Труд — дело чести, доблести и героизма». В это время рабочие собирались на праздничные дни, чтобы дать клятву выполнить производствен-

ные задания (Lane, 1981). Но кто, в конце концов, поймал золотую рыбку?

Тридцатого августа 1935 года Алексей Стаханов поставил рекорд, добыв за одну смену 102 тонны угля в донбасской шахте. Его достижение (по-видимому, хорошо подготовленное) стало началом массовой кампании. Появилась плеяда стахановцев, ставящих все более фантастические рекорды производительности. Стахановское движение охватило далеко не весь рабочий класс: в нем приняло участие от трети до пятой части всех рабочих. Считалось, что таким образом рабочий класс может внести свой вклад в развитие средств производства. Фактически стахановское движение было только одной, хотя и предельной формой ударного труда: речь шла о полном подчинении своей личности требованиям производства. Но опыт Стаханова радикально отличался от опыта ударных бригад, работавших ранее. В новых условиях на отдельного работника оказывалось крайнее давление. От него требовалось бить свои же рекорды, чтобы обеспечить для себя более высокий уровень жизни. Ключевое понятие этого явления — скорость. Некоторые зарубежные критики этого явления называли его религией «ускорения».

Тем, кто справлялся с ритуалами производства, стахановское движение обещало беспрецедентные вознаграждения, а для многих — и перспективы роста. В тридцатые годы около 15 процентов рядовых рабочих переместились на новые позиции. Другие проиграли. Нормы безопасности промышленного труда снизились. Средние заработки упали, а внутренние различия в рабочем классе усилились.

Стахановское движение не решило проблемы организации труда, рожденной противоречиями плановой экономики. В Советском союзе на самых ранних этапах возобладала логика технологической организации, оставляющая отдельному члену коллектива очень малую степень самостоятельности. Одним из наиболее влиятельных представителей этой линии был Алексей Гастев, сыгравший ключевую роль во внедрении тейлоризма в советскую промышленность. Из тейлоризма были взяты три основных понятия:

- широкое использование исследований соотношения времени и движения;
- заимствование и применение производственных квот, называемых в России «нормами»;
- использование разнообразных тарифов, согласно которым

уровень оплаты за единицу произведенной продукции или за одну операцию растет, когда нормы или квоты перевыполняются (см.: Filtzer, 1986).

Эти принципы применялись в организации труда там, где это было возможно, в течение многих десятилетий. Однако вскоре возникло понимание того, что тейлоризм не очень хорошо подходит для трудовых процессов внутри плановой экономики, характеризующейся постоянными перебоями, дефицитом, нехваткой сырья и несовместимостью оборудования. В этих условиях отдельные рабочие постоянно боролись за то, чтобы приспособиться к меняющейся ситуации, иметь возможность решать задачи по своему усмотрению. Случались продолжительные отрезки времени, в течение которых машины стояли: отсутствовали нужные инструменты или сырье. Когда они, в конце концов, появлялись, рабочим приходилось «штурмовать», чтобы наверстать упущенное. Управленцы были вынуждены готовиться к таким периодам, держа под рукой резервы рабочей силы. Во время первой пятилетки дефицит коснулся всех производственных факторов, но при этом угрозы безработицы более не существовало. Эти черты плановой экономики означали, что рабочие получили значительный контроль над трудовым процессом и, в особенности, над темпом труда. Часто говорилось, что единственное настоящее право советского рабочего заключалось в том, чтобы работать спустя рукава.

К началу 30-х годов советских рабочих лишили всех возможностей коллективно отстаивать свои интересы (Filtzer, 1986). Перспектива суровой кары означала, что о забастовке не могло быть и речи. Профсоюзы имели некоторое влияние на местном уровне и по частным вопросам, однако в целом у них не было скольконибудь заметного влияния на процесс организации классовых интересов. Напротив, они стали неотъемлемой частью управленческих структур советских предприятий (Melin, 1996).

В 1931 году Сталин произнес свою знаменитую речь, обращенную к Съезду директоров, в которой заклеил чрезмерную уравниловку. Это означало, что совершается поворот к более широким различиям в уровне оплаты труда и более широкому использованию тарифов. В той ситуации такой поворот был равносителен полному отказу от любых форм коллективной организации труда, которая ранее была неотъемлемой частью уравнительных ориентаций рабочего класса. Дон Фильцер, по-прежнему верящий в фундаментальное значение коллективизма, считает, что

это был решающий шаг в направлении извращения социалистического общества:

«Эгалитаризм шел рука об руку с коллективной организацией труда, которая создавала соответствующие мотивы, стимулировала сохранение орудий труда и обеспечивала точное выполнение заданий. При этом она требовала коллективного планирования и контроля над собственным разделением труда. Коммуны, таким образом, бросали вызов власти управленцев на предприятиях. Но еще более опасным обстоятельством, по мнению властей, было то, что коллективный контроль над процессом труда угрожал перерасти в форму коллективного сопротивления...» (Filtzer, 1986, 106).

После этих решений единственное, что оставалось рабочим, — это индивидуальное сопротивление. Оно нашло выражение в высокой текучести кадров, прогулах и алкоголизме. Администрация сталинской эпохи ответила на эти явления более строгим трудовым законодательством. В конце концов эти меры ужесточились до того, что стало возможно уволить рабочего за опоздание. При этом он терял жилье и право на пенсию. Ошибки на рабочем месте стали рассматриваться как уголовное правонарушение. Если что-то не ладилось, то следовало обязательно найти виновных. В то же время возникла целая система соглашений между отдельными работниками и профессиональными группами, ставящая целью избежать ответственности за ошибки.

У советского рабочего были два выхода из положения: он мог стать ударником или стахановцем или оказывать индивидуальное сопротивление, меняя места работы, критически дистанцируясь от выполняемой работы, прогуливая работу или предаваясь пьянству. И в первом, и во втором случае коллективная солидарность уступала место индивидуальному стремлению к счастью.

Проблемные отношения между индивидуальным стремлением к счастью и развитием производительных сил становятся очевидными, если проанализировать основания, по которым социализм рассматривался как основная цель развития. Джон Элстер составил краткий список аргументов в пользу капитализма:

1. В том, что касается отдельных людей, самая лучшая жизнь — это потребление в широком смысле, включая эстетическое удовольствие и развлечения, а также потребление товаров в традиционном смысле слова.

2. Потребление должно пользоваться уважением потому, что

оно способствует счастью и благосостоянию, а это и есть подлинное добро.

3. Поскольку невозможно удовлетворить все нужды, относящиеся к сфере потребления, то следует придерживаться некоторых принципов справедливости в распределении благ, определяющих их конкретного получателя.

4. То, что должно быть поделено, нужно сначала произвести. Выбор производимой продукции зависит, к примеру, от мотивов и информированности производителей. Теория справедливости должна учитывать тот факт, что разные принципы распределения имеют разный уровень влияния на мотивацию и информированность производителя.

5. Экономическая теория говорит нам, что частная собственность на средства производства оказывает более положительное влияние на информированность, чем различные формы коллективной собственности (Elster, 1989, 127).

Согласно Элстеру, аргументы в защиту социализма, как правило, фокусировались на пункте 5. Он же хотел бы сконцентрироваться на пунктах 1 и 2. Элстер, сторонник аналитического марксизма, считает (тщательно формулируя условия и уточнения своей позиции), что в основе марксизма лежит взгляд на лучшую жизнь не как на процесс пассивного потребления, а как на процесс самореализации. Самореализация означает активное участие в труде и политической деятельности.

Элстер совершенно прав, когда утверждает, что Второй Интернационал и большевики связывали идею превосходства социализма главным образом с отрицанием пункта 5. Кроме всего прочего, подразумевалось, что социализм эффективнее капитализма. И, напротив, понятие хорошей жизни было более расплывчатым и не могло быть определено через ссылку на Маркса. Несмотря на то, что, начиная с XIX века, российские революционеры яростно клеймили нищету, их цель не сводилась к тому, чтобы построить общество потребительского счастья (см.: рис. 6).

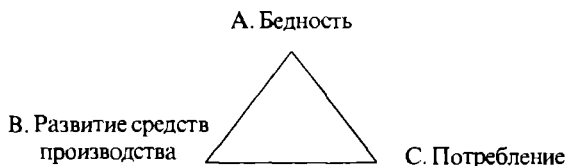

Рис. 6. Третий аспект божественного в большевизме: развитие средств производства

Российское рабочее движение тоже подчеркивало, что личное благополучие находится для него на втором плане. Вот, например, что пишет на эту тему Плеханов:

«Мораль зиждется не на индивидуальном счастье, а на счастье целого: клана, народа, класса, человечества. Это стремление не имеет ничего общего с эгоизмом. Напротив, оно подразумевает большую или меньшую степень самопожертвования» (Williams, 1986, 54).

Для первого поколения большевиков единственным источником настоящего счастья было их участие в политической работе и производстве. Новыми добродетелями пролетарской коллективности стали «солидарность, единство, подчинение особых интересов групповым интересам». Поскольку основной акцент экономического развития состоял в развитии тяжелой промышленности, а людей призывали больше работать, приносить жертвы без надежды получить вознаграждение, речь шла о политическом выборе, базирующемся на упоминавшейся разновидности коллективизма.

Первый пятилетний план не сделал ничего, чтоб добиться повышения уровня жизни или потребления рабочего класса. Коллективизация сельского хозяйства привела к падению производства и даже настоящему голоду. Позиции легкой промышленности постепенно ослабевали, и с каждым годом все больше и больше ресурсов вкладывалось в производство средств производства. В планах предусматривалось в основном повышение производительности шахт и рост производства сталелитейной промышленности. Уровень жизни резко снижался. В 1940 году заработок городских работников был равен едва ли половине того, что они зарабатывали в 1928 году.

С другой стороны, стремление к достижению счастья путем увеличения потребления не получало однозначного осуждения. Напротив, Сталин обещал народу, что настанут хорошие времена. Падение уровня оплаты труда компенсировалось двумя важными обстоятельствами: созданием советской роскоши и постоянной увеличивающейся системой экономических привилегий.

Юкка Гронов провел различие между двумя формами советской роскоши. На раннем этапе роскошь была продуктом советского образа жизни: шампанское, коньяк, бутерброды с икрой, шоколад, кондитерские изделия и духи. Все это потреблялось для собственного наслаждения и ориентировалось на женский вкус.

Этот вид роскоши приобретался для особых случаев. Он был доступен для всех по нормальным ценам в обычных магазинах и киосках.

Гронов подозревает, что эти предметы роскоши, способ их потребления был заимствован из представлений большевиков о том, как жили люди в середине девятнадцатого века. «В этом стереотипном наборе не хватает слуг, экипажей, куртизанок и рулетки — атрибутов старой жизни, слабо сочетающихся с социалистическим образом жизни» (Gropow, 1994, 7). Согласно Гронову, очевидная цель включения названного набора в ассортимент, производимый легкой промышленностью и сельским хозяйством, состояла в том, чтобы продемонстрировать, что каждый советский рабочий живет как буржуа или даже как аристократ. Между тем, в стране даже хлеба порой не хватало.

На смену крайнему аскетизму Павла Корчагина пришли телесные удовольствия и жизнерадостный коллективизм (рестораны, танцы, музыка, эстрада, карнавалы, народные праздники).

Большевики вели аскетический образ жизни, ставя себе в заслугу то, что им удалось победить невероятную российскую нищету. Развитие средств производства обещало изобилие в будущем, но «советская роскошь» давала возможность увидеть хорошую жизнь в пределах досягаемости.

В хрущевскую эпоху легкая промышленность и потребление приобретают совсем иное значение. Это новое отношение привело к тому, что лобби тяжелой промышленности лишает Хрущева своей поддержки. «Новая роскошь» Хрущева повторяет (избирательно и не слишком тонко), образ жизни и формы потребления среднего класса, получившие распространение в США накануне войны и в наиболее богатых странах Западной Европы сразу после войны.

«Если сталинские пятилетки ставили целью сократить отставание от капиталистических государств в производстве стали, электричества и нефти, то теперь встала задача достичь того же уровня потребления и воспроизвести тот же тип потребления, что и на Западе, в той степени, в которой это было возможно. Это означало (хотя об этом никогда не говорилось открыто), что основная цель заключается в том, чтобы произвести такое же количество машин, холодильников, телевизоров, музыкальных центров, как в Америке. Таким образом, социализм должен был продемонстрировать свое превосходство» (Gropow, 1994, 6—7).

Однако социализм не мог удерживать достойные позиции в этом соревновании. Это было связано в том числе и с ограничениями плановой экономики. Пока цель заключалась только в том, чтобы дать каждому человеку пару обуви и какую-то крышу над головой, планирование выполняло свою функцию. Однако усложнение потребностей и вкусов приводит к систематическому усложнению планирования при производстве товаров народного потребления (Nove, 1983, 43—46). В результате обещание хорошей жизни и соревнование между двумя системами подорвали легитимность советской экономики. Но это произошло позднее, а в шестидесятые годы надежды по-прежнему были велики: производство товаров продолжало расти, люди получали свои первые холодильники, стиральные машины, телефоны.

Но настоящие привилегии открывали иные возможности. С тридцатых годов номенклатура жила собственной жизнью, пользуясь дачами, персональными машинами, заграничными путешествиями и твердой валютой. Дети номенклатуры учились в особых элитных школах. Когда Сталин выступил против уравниловки, число специалистов и управленцев, получавших доступ к привилегиям, стало увеличиваться: появились магазины, закрытые для других людей, зарплаты, превышающие обыкновенные в несколько раз, редкие товары.

Доступ к этим привилегиям имели не только группы управленцев и партийная элита. Стахановцы, например, также пользовались целой группой привилегий: хорошее жилье, качественные товары, отдых в санатории, книги и журналы, которые другим попадали не сразу. Зарплата стахановца могла быть в несколько раз больше, чем зарплата обычного рабочего. Именно по этой причине стахановское движение охватило значительную часть рабочего класса.

Проблема хорошей жизни не могла, таким образом, быть разрешена на марксистской основе или в духе аскетизма, проповедуемого российской интеллигенцией, хотя элементы этих идей и присутствовали в мире труда и потребления. По мере роста благосостояния отношения между личной жизнью и общими социальными устремлениями входили в состояние постоянного конфликта. С одной стороны, Сталин дистанцируется от тех, кто хотел переместить огонь критики с недостатков социалистического строительства на крайности личной жизни. Сталин упоминает следующие примеры подобной критики, вполне благородные по

своей природе, но не имеющие никакого отношения к социалистическому строительству:

Сексуальная распущенность — это буржуазный порок.

Выпьешь стакан, хочется другой.

Есть дом, нужна корова.

Двухспальные бандиты.

Холостой патрон.

Те, кто допускает такие выкрики, говорит Сталин, снижает планку самокритики и не говорит от имени своего класса.

Однако стремление к индивидуальному счастью оставалось деликатной проблемой, так до конца и не решенной на протяжении всего советского периода. Вера Данэм использовала литературные материалы, чтобы показать, как потребление постепенно становится все более важной частью жизни советских граждан. Однако почти во всех романах, которые она изучила, потребление и успех фигурируют как, по меньшей мере, проблемная ситуация. В этой ситуации человек должен был демонстрировать скромность. Проявления чрезмерного индивидуализма и утверждение своей личности могли привести к вмешательству партии.

Город и сельский образ жизни

После Октябрьской революции идеи большевиков имели широкую поддержку в стране, особенно в городах в среде городских рабочих. Когда во время Гражданской войны городские революционеры двинулись в деревню, они часто действовали, как оккупанты. Крестьян они рассматривали как врагов, а себя — как подлинных представителей советской власти. Крестьянское хозяйство, было, по мнению большевиков, слабо развитым и примитивным, а сам крестьянин был отсталым и нецивилизованным. Его образ жизни был грубым и тупым. В традиционной крестьянской утопии город предстал как обманчивая и безбожная действительность, для большевиков все было наоборот. Город представлял собой мир грамотных людей и рисовался в целом как более передовой и современный образ жизни. В 1913 году Ленин писал, что города являются центрами экономической, политической, интеллектуальной и духовной жизни, наиболее важными очагами прогресса. Разумеется, большевики не отождествляли себя с трущобами и нищетой, существующими в капиталистических городах. Отвергали они и индивидуалистические черты городского образа жизни, увеличивающие различия между людьми. Город

отождествлялся в большевистском божественном главным образом с прогрессом, развитием сил производства и пролетариатом.

Движение крестьян в города (отход) началось во время НЭПа. Ленин считал это явление неотъемлемой частью процесса модернизации общества. По его мнению, отход крестьян в города выводил людей из косного, замедленного образа жизни и собирал их в центре современной общественной жизни. Отход, считал он, повышает уровень грамотности и развивает сознание людей, приобщает их к новым культурным формам и требованиям. В мире искусства энтузиазм по поводу города был еще большим. Вдохновляющими тотемами для Маяковского, Мейерхольда, футуристов и «заводских поэтов» были автомобили, небоскребы, часы и красивая одежда. В первые годы после революции в архитектуре преобладала «рациональная» геометрическая форма. Конструктивистская архитектура черпала вдохновение в коллективизме, который должен был прийти на смену индивидуальному домохозяйству. В этих строениях предусматривалось коллективное приготовление пищи, стирки, изготовления одежды. Считалось, что при таком образе жизни не будет нужды в посещении магазинов, кухнях и домашней работе. К тридцатым годам эти городские мечты были похоронены.

Между 1926 и 1939 годами городское население СССР увеличилось на 30 миллионов. Только за первую пятилетку городское население выросло на 44%. С другой стороны, оказалось, что городской рабочий класс рассматривает людей, приехавших из деревни, как серьезных конкурентов, и, соответственно, возобладало враждебное отношение к ним. Эти эмоции явились, по-видимому, одной из основных движущих сил коллективизации.

Люди, приехавшие из деревни в город, не могли за один день превратиться в коренных горожан. Наоборот, городской образ жизни и весь процесс становления советской цивилизации протекал под влиянием деревенского менталитета.

«Примитивные трудовые навыки вновь прибывших крестьян, их леность и пассивность, их желание постоянно менять работу в поисках лучших условий заставили режим прибегнуть к широкомасштабному принуждению и наведению дисциплины. Приток низкообразованных масс привел к сужению культурного пространства, к распространению «иррациональных, обскурантистских тенденций» на рабочих местах и во всех слоях населения. Перемещаясь в города, крестьяне не могли оставить свои ценности в деревне. В то время крестьяне по-прежнему находились в

культурной изоляции, им в значительной степени были присущи подозрительность, консерватизм, суеверность, упрощенность культурного восприятия, хотя и смягченная юмором, специфическим колоритом и щедростью. Города впитали в себя крестьянские ценности, которые затем подчинили себе все сферы городской жизни — дом, улицу, место работы.»

Таким образом, первоначальное божественное большевизма привело к возникновению совершенно иной действительности (см. рис. 7).

**Рис. 7. Четвертый аспект божественного
в большевизме: город**

Отношение к народной крестьянской культуре и народному образу жизни так и осталось для большевиков неразрешенной проблемой. Черты образа жизни пролетариата, такие как аскетизм, дисциплина, трудолюбие и преданность производству вступали в противоречие с сельским образом жизни, характеризовавшимся ленью, пьянством и общей безответственностью.

В том, как крестьяне расцветивали жизнь, действительно присутствовало сильное карнавальное начало. Оно не имело ничего общего с дисциплинированным образом жизни, который должен был вести пролетариат. Традиционные крестьянские посиделки предполагали приготовление спиртного, его неумеренное потребление, бурные эмоциональные излияния, физическую близость (совместное купание, драки). Дворяне и священники были главными объектами карнавальных насмешек.

Начиная с тридцатых годов предпринимались попытки организовать карнавалы в контексте официального божественного, подчеркивалась роль народных традиций в создании произведений искусства, но реальной трансгрессии культур не произошло. Вместо искренней спонтанности учреждались строгие правила, навязываемые извне, вместо трансцендентных иерархий — управляемая экспрессия. Можно было смеяться только над классовыми врагами, но нельзя — над окружающей действительностью.

Однако настоящий карнавал так и не был изжит. Он находил выражение не только в крайностях индивидуальной жизни, но и в культуре анекдотов, постоянно привлекавших внимание к теневым зонам и противоречиям официального божественного.

«— Как жили ваши родители?

— Политика была не для них, они жили собственной жизнью.

— Было ли это типично? Жили ли так другие люди?

— Я хочу сказать, что бы ни говорили, российские люди всегда были объединены выпивкой».

С точки зрения Зиммеля, городскому образу жизни свойственен интеллект, сдержанное отношение к миру, дистанцированность и индивидуальность (Норо, 1991, 114—146). Однако это, в значительной степени, ценности среднего класса, далекие от образа жизни российских крестьян, чуждые социальным сетям, основывающимся на неформальных отношениях (Srubar, 1991). Эти ценности сомнительны с точки зрения повседневной культуры рабочего класса и сталинской культуры развития. И в самом деле, советская городская культура характеризуется деревенским образом жизни и существованием традиционных, деревенских сообществ. Однако вне этой паутины неформальных связей житель советского города сталкивается со всеми патологиями городской культуры, подмеченными Зиммелем. Здесь и чрезмерная уязвимость внутреннего мира, утрата собственных ценностей, одиночество, склонность к чрезмерному преувеличению (Норо, 1991, 136).

Пролетариат, поменклатура и средний класс

Несмотря на то, что в марксизме основным врагом рабочего класса является только буржуазия, божественное большевиков включало в себя не одного врага, а целый сонм классовых сил, каждая из которых требовала собственной культурной интерпретации. Фактически возникала необходимость создать целое социальное пространство, в котором различные классы имели как добродетели, так и пороки. Таким образом, описанное выше отношение между потреблением и хорошей жизнью — это часть более широкой интерпретации габитуса различных классов.

Пролетариат является самым важным фактором этого социального конструкта. Каждый из остальных классов не дотягивает до пролетарского стандарта добродетели, уступая ему в одном или нескольких ценностных измерениях. Таким образом, возникает множество измерений оценки:

Пролетариат — буржуазия (гедонизм, расчетливость)
Пролетариат — аристократия (снобизм и экспериментаторство)
Пролетариат — крестьянство (карнавальное начало)
Пролетариат — начальство (бюрократизм)
Пролетариат — интеллигенция (индивидуализм, маниловщина)

Пролетарские добродетели определялись отдельно в каждом измерении. Пролетариату были присущи следующие характеристики:

Честность и прямота
Верность партии
Преданность большим организациям и сильной центральной власти

Дисциплинированность и
Коллективизм

Буржуазия в целом и кулаки в частности рисовались как искатели удовольствий, практикующие холодный расчет:

А у кулаков и масло и пышки.
Расчет кулаков простой и верненький —
Запрячь хлеба да зарой в кубышки
Николаевки да керенки
Мы знаем — голод сметает начисто,
Тут нужен зажим, а не ласковость воска,
И Ленин встает сражаться с кулачеством и
Продотрядами и продразверсткой.
Разве в это время слово «демократ»
Набредет какой головке дурьей!?
Если бить, так чтоб под ним панель была мокра:
Ключ побед — в железной диктатуре.

(Маяковский, 1976, 153).

Антитезой буржуазным порокам была пролетарская прямота и подчинение необходимости (Bourdieu, 1979).

После революции, свергнувшей буржуазию, на бывших буржуа и их наследников смотрели с подозрением. Дети буржуа, например, не имели возможности получить высшее образование, вступить в партию или даже пионерскую организацию. При вступлении в эти организации всегда учитывалось происхождение кандидата. Большинство нэпманов не имело буржуазного происхождения, но на них смотрели с подозрением (Fitzpatrick, 1982, 19). Если за ними не водилось более серьезных проступков, их подо-

зревали в том, что у них на уме было только одно — легкая жизнь. Нэпманов представляли как безжалостных эксплуататоров, вышагивавших по улицам с самодовольным выражением на лице под ручку с откормленными, хорошо одетыми женами.

Начальники представлялись угрозой иного рода. На советских заводах практиковалось единоначалие (Каганович понимал этот принцип следующим образом: когда начальник совершает обход цехов, земля должна трястись), но даже начальники не могли чувствовать себя в безопасности. Одним из отклонений, приписываемых начальству, был бюрократизм. Когда начальник пытался ограничить последствия «демонизации» действительности на своем заводе или уменьшить хаос, вызванный стахановским движением, свое веское слово говорил «любимый вождь» (Filtzer, 1986, 199). Любому специалисту, пытающемуся остановить стахановское движение снизу, говорил он, мы сломаем зубы. И это были не только слова.

Мы уже видели, как идеи Александры Коллонтай об отмирании семьи были осуждены как аристократические мечтания. Настоящий пролетарий, напротив, представлял собой иной тип человека — земного, прозаичного, на деле заботившегося о сохранении и укреплении традиционных семейных институтов. В двадцатых годах мешанство понималось молодыми коммунистами как традиционный, патриархальный взгляд на сексуальность, брак и семью. Но и в этом измерении культурное содержание «пролетарского подхода» было подвержено постоянной ревизии и реклассификации.

В семье, на рабочем месте, в партии — повсюду пролетариат воплощал собой упорство, дисциплину и коллективизм. Реальные трудовые коллективы были сведены на нет, все формы организованной защиты интересов стали невозможными, но на словах коллективность оставалась важным элементом жизни.

Коллективы сталинской эпохи (в которых партия играла важную руководящую роль) были фактически одной из интерпретаций интереснейшего понятия, которое на протяжении десятилетий служило выражением революционного образа жизни.

В российской истории понятие «коллективизм» имело несколько взаимосвязанных значений: 1. коллективизм, связанный с существованием деревенской общины и Православием; 2. объединительный мотив в опыте рабочих; 3. коллективная или государственная собственность; 4. прямая власть рабочего класса на

заводах и в трудовых коллективах; 5. коллективная культура, нормы поведения дома в семье.

Со времени Октябрьской революции до 30-х годов эти измерения коллективизма существовали одновременно и были тесно переплетены в ходе создания коммун. В сельской местности крестьяне, часто под влиянием православных идей, объединяли все свои пожитки и пытались вместе трудиться, вместе выполнять повседневные обязанности в духе взаимопомощи, свойственном большим семьям. В городских коммунах люди объединяли не только собственность, но все остальное: время, пространство, радости и заботы, дружбу и даже любовь. Трудовые коллективы пытались действовать в духе солидарности и равенства доходов (Stites, 1990). Всему этому быстро пришел конец уже во время первой пятилетки. Все, что осталось (кроме государственной собственности) — это коллективные рабочие места и зоны проживания, где в сталинские времена даже очень личные проблемы по-прежнему решались коллективно. Еще оставались декларации, подчеркивавшие абсолютное превосходство коллективизма.

«Можно утверждать, что на абстрактном уровне большинство советских граждан, скорее всего, поддерживают идею важности коллектива в общественной жизни и даже идею превосходства коллективных интересов над индивидуальными. На словесном, мифологическом уровне советская идеологическая машина успешно достигла своей цели, заключавшейся в том, чтобы убедить людей отвергнуть индивидуализм в пользу фетишизируемых коллективизма и патриотизма» (Shlapentokh, 1989, 132).

В исследованиях, проводимых при помощи метода интервью, почти все советские граждане говорили о том, что не могут жить без коллектива (Shlapentokh, 1989, 130).

В целом коллективизм — это важная нравственная ценность. Советская идеология связывала с коллективизмом такие эмоции как альтруизм, товарищество, дружба, преданность своим друзьям и соседям и даже демократичность. Принесение жертв коллективу было одной из ключевых тем социалистического реализма. Выступление против коллектива считалось одним из величайших грехов. Однако при этом на протяжении десятилетий реальные проблемы коллектива оставались вне поля зрения литературы. Наблюдаемый тип абстрактного коллективизма был тесно связан с единообразием Православия и его борьбой с раскольниками. Реальное сообщество возникало не в официальных коллективах, а в сетях неформальных связей.

Тем не менее, сообщества и организации, действовавшие на коллективном уровне, такие как комсомол, играли важную роль в распространении официальной идеологии:

«О11. Я вплотную столкнулся с идеологией, когда поступил в школу. Тогда были полувоенные детские организации, рассчитанные на детей, такие как пионеры, комсомол, октябрята. Участие в них было добровольно-принудительным. Вас не заставляли туда вступать, но вступление рассматривалось как славная традиция. Советский Союз был одной из ведущих держав мира, и дети советских людей должны были быть счастливы и довольны тем, что родились в такой стране. Конечно, здесь был элемент насилия, но он не работал».

Уже в двадцатых годах в партии сформировалась точка зрения, согласно которой буржуазное и мелкобуржуазное влияние сохраняются во все времена. Иногда эти влияния рассматривались буквально, как, например, связи рабочих с деревней. Однако ситуация была такова, что любое «отклонение» или иной образ жизни могли быть определены как буржуазные или мелкобуржуазные.

Индивидуализм был представлен не только мелкой буржуазией, но и интеллигенцией, считавшейся ненадежной, колеблющейся и трусоватой. К середине двадцатых годов слово «интеллигент» стало приобретать негативное звучание. В сталинские времена обвинения против интеллигенции напрямую базировались на связи с фальсифицированным происхождением:

«Эта “программа” полностью понятна и естественна для революционеров, тесно связанных со своим рабочим классом, своим народом. Но она непонятна и неестественна для таких политических дегенератов как Лелевич, которые не связаны и не могут быть связаны со своим рабочим классом, своим народом. Поэтому вам нужно любой ценой вернуться на старую ленинскую дорогу. В этом суть дела, а не в пустых жалобах испуганного интеллигента, пребывающего в тоске, болтающего о том, что они хотят “изолировать” Демьяна, и что Демьяна “больше не будут печатать” и так далее» (Сталин, 1955, 28—29).

Однако в том, что касается образа жизни, принадлежность к интеллигенции была явным основанием для возникновения отличий от других социальных групп:

«Zi9. Я принадлежал к интеллигенции. С рабочими у меня было меньше контактов потому, что я занимал руководящую должность. Я был среди интеллигентов. В это время, — так я пола-

гал, — интеллигенция должна была знать русскую классику и зарубежную классику тоже. Я был частью этого класса и гордился этим. Я чувствовал, что люди, которые не принадлежат к этому кругу, не интересны».

Однако эти отличия могли пойти слишком далеко. В них могли отразиться «отклонения», типичные для интеллигенции, такие как космополитический формализм, идеи искусства для искусства или науки для науки. Чрезмерное культурничество было также весьма опасным (Varber, 1990, 5). Вера Данэм нашла примеры подобного сомнительного поведения в русской литературе:

«Изгнанный профессор даже в “эстетическом” своем виде демонстрирует признаки негативного поведения. Он холостяк и наслаждается комфортом в своей уставленной книгами квартире. Он может позволить себе содержать прислугу. Он безупречно одевается, носит стиранные белые рубашки с рубиновыми запонками. За вальяжные манеры, рыжую бородку и пронизательные глаза его прозвали “Старый лис”. У него, конечно, покатые плечи, его узкие руки ухожены. У него быстрый ум и острый язык».

Этот герой не был носителем космополитических взглядов, но чтобы осудить его, достаточно было знать его образ жизни.

В какой степени габитус пролетариата был реальным основанием для большевистской политики?

В России не существовало пролетарского габитуса, постулируемого большевиками. После Гражданской войны пролетариат почти полностью исчез как социо-экономическая категория. Тем не менее, когда началась первая пятилетка, более половины всего рабочего класса состояло из тех, кто начал трудовую жизнь еще до революции. Большинство были рабочими второго поколения. С 1928 по 1940 год численность рабочего класса увеличилась втрое, в своем большинстве пополнение рабочего класса состояло из крестьян. Культурное образование пролетариата было тесно переплетено с процессом его экономического и социального становления. Существовала постоянная напряженность между реальным рабочим и сконструированным «пролетариатом».

В сознании пролетариата присутствуют некоторые стороны, о которых не принято говорить, но которые, тем не менее, используются для целей политической мобилизации (Stites, 1990, 84). Они включают в себя высокомерное отношение к женщинам и глубоко укорененные предрассудки против умственного труда (который считается уделом слабых, женоподобных людей). Чув-

ство силы и чувство слабости в контексте отношения к женщинам могут быть использованы властью для того, чтобы провести черту между действительно важными экономическими и политическими вопросами и вопросами второстепенными, касающимися семьи и положения женщин. Сдержанное отношение к умственному труду можно использовать, например, для развертывания кампаний против «буржуазной интеллигенции» или «промпартии».

Некоторые традиционные элементы пролетарского сознания (такие как эгалитаризм) составляли важный культурный ресурс сталинской политики. С другой стороны, пролетарский коллективизм, позволяющий организовать сопротивление и защиту рабочих интересов, вытравливается с использованием всей мощи репрессивного аппарата. По мере того, как растет значимость специалистов и управленцев, можно объявить эгалитаризм «сектанством».

Мы уже говорили о процессе, с помощью которого идея власти рабочих постепенно превращается в оправдание власти партии и номенклатуры. Большинство обществоведов в России и за ее пределами рассматривают Советский Союз как классовое общество, в котором господствовала номенклатура. Ранее мы уже показали, что господство номенклатуры — это только один из аспектов, открывающих дорогу к пониманию советской классовой структуры. Но даже с учетом этого ясно, что официальная советская версия власти рабочего класса находится в явном противоречии с фактом реального доминирования партийно-политической элиты. Многие политические процессы берут начало в этом противоречии и развиваются под его влиянием (см.: рис. 8). Майкл Буравой указывал, что гораздо труднее легитимизировать привилегии в системе, не признающей неравенство (Burawoy, 1985). Это означает, что власть номенклатуры становится табу в публичной сфере. На уровне повседневной действительности для большинства населения номенклатура становится очень отдаленной реальностью: «они» находятся где-то «там».

Рис. 8. Пятый аспект божественного в большевизме: пролетариат / номенклатура

Новые элементы начинают появляться в классовой структуре, начиная с 30-х годов. Когда Сталин принялся критиковать чрезмерное равенство, он обращался к новым социальным силам, произведенным на свет самой сталинской политикой. Эти новые силы являли собой новый средний класс, состоящий из специалистов и управленцев. Это были основные группы, рожденные сталинской политикой индустриализации, развитием образования и бюрократии, созданием «собственной интеллигенции» вместо «старой буржуазной». С последней было покончено в начале 30-х годов.

До некоторой степени сближение со средним классом и рост среднего класса был сознательной политикой сталинской системы управления. Существовал, однако, и ряд спонтанных процессов, стимулировавших его увеличение (Dunham, 1974, 12—14).

В советском обществе пролетарский коллективизм активно популяризировался в публичной сфере. Но частная жизнь, начиная с 30-х годов, все больше подчинялась стремлению к восходящей мобильности. По мере роста среднего класса требования коллективности начали терять свою значимость в контексте задач по поддержанию и развитию системы. Вместо этого возникала потребность в трудолюбивых, преданных индивидах, работающих на укрепление системы власти.

В послевоенный период новым важным явлением стало лишение рабочего класса центральной позиции основного социального субъекта, то есть распад описанных выше кодов габитуса. Вместо этого возникло то, что Вера Данэм назвала «великим договором». Группы управленцев, добившиеся успеха, стали новыми партнерами сталинской администрации.

Группам специалистов и управленцев предложили такие же материальные блага, какими уже обладал рабочий класс. Да, средний класс желал строить карьеру, в которой присутствовали бы все экономические стимулы — дома, товары народного потребления, досуг. Но кроме этого, он хотел признания своих профессиональных достижений, своей идентичности. Вдобавок, и номенклатура, и средний класс жаждали политической стабильности.

Хрущевский период обозначил новый пролетарский поворот в советской политике, и не только пролетарский, но и специфический поворот в сторону крестьянства. Хрущев еще в сталинский период выдвинул ряд идей, способных улучшить положение крестьян (ср., например, выдвинутое в 1949 году предложение создать агрогорода). Когда Хрущев пришел к власти, он избавил

колхозы от строгих норм поставок и развернул широкую программу инвестиций в сельское хозяйство. В результате производство и потребление продуктов питания начало резко увеличиваться (Nove, 1986; Sutela, 1987). К началу шестидесятых годов Советский Союз достиг уровня потребления продовольствия, характерного для государств южной Европы. Это произошло несмотря на провал крупных хрущевских кампаний по освоению новых земель и выращиванию кукурузы. Положение крестьян заметно улучшилось. Одновременно повышался жизненный уровень рабочего класса в городах, где была увеличена минимальная заработная плата и создана пенсионная система. В то же время группы специалистов и управленцев не получали в хрущевский и брежневский период таких явных привилегий, как те, что они имели в годы правления Сталина.

В повседневной жизни и политическом процессе принятия решений возникла напряженность между официальным кодом системы и восходящей мобильностью среднего класса (см. рис. 9).

Восходящая социальная мобильность в частной жизни;

С другой стороны, идентификация, особенно идентификация при помощи посредующих организаций.

Рис. 9. Пятый аспект божественного в большевизме:
пролетариат / новый средний класс

Анализ специфической проблемы легитимности при социализме, проделанный Буравым, указывает на эту напряженность

Партия и НКВД

В контексте русской культуры народность находит выражение в двух типах близости. С одной стороны, она предполагает близость с автократией и Православием, с другой — близость с прогрессистскими традициями, с хождением в народ. Что касается второго типа близости, то от них большевики явно отошли в направлении укрепления партийной солидарности (партийности):

Слова у нас до важного самого
 В привычку входят, ветшают, как платье.
 Хочу сиять заставить заново
 Величественнейшее слово «Партия».
 Единица! Кому она нужна?!
 Голос единицы тоньше писка,
 Кто ее услышит? Разве жена!
 И то, если не на базаре, а близко.
 Партия — это единый ураган,
 Из голосов спрессованный тихих и тонких,
 От него лопаются укрепления врага
 Как в канонаду от пушек перепонки.

(Маяковский, 1976, 91—93).

Мы уже видели, как ленинизм превращает партию в ключевой инструмент власти. Ленинская теория партийного строительства заимствовала немало идей у Каутского. Это не помешало Павлу Аксельроду еще в 1905 году предупреждать Каутского о «якобинстве» и «бонапартизме» большевиков. С его точки зрения, большевики были главными наследниками российских народных традиций. Большевики превратили партийную организацию в фетиш. Для Аксельрода Ленин был диктатором, сторонником централизованной власти, чьи методы напоминали бы действия российского политического сыска. Это пророческие слова, если учесть, что сказаны они были год спустя после того, как большевики начали издавать свою первую газету («Вперед») на деньги Горького. До этого партия представляла собой не более чем библиотеку, ресторан и небольшой издательский дом (Williams, 1986).

После того, как в начале 20-х годов настоящая оппозиция была раздавлена, партия стала обладать неоспоримой властью над всем, что происходило в стране. Исходя из этого, все попытки демонтажа культурных кодов должны были быть оправданы позицией партии. А это было нелегко, что подтверждает пример профессора Фрумкина, которого заклеили как правого оппортуниста. Ужаснувшись перед лицом страшного ущерба, нанесенного коллективизацией, профессор Фрумкин попытался доказать необходимость более осторожной линии или, иными словами, отхода от предыдущих решений, принятых на партийных съездах. Однако в тот момент приоритеты на каждый отрезок времени определялись генеральным секретарем партии. Голос одного эксперта не мог быть услышан.

«Фрумкин отвергает шаг вперед, сделанный партией на Четырнадцатом и Пятнадцатом съездах. Отвергая эти решения, он тянет партию назад. Июльский пленум ЦК дал свою оценку этому вопросу. В его резолюции четко сказано, что люди, пытающиеся уклониться от решения Пятнадцатого съезда «развивать наступление на кулака» — это «выражение буржуазных тенденций в стране». Я должен честно сказать Фрумкину, что, когда политбюро формулировало этот пункт резолюции июльского пленума, оно имело в виду его и его письмо» (Сталин, 1954, 282—283).

Напоследок Сталин позволяет Фрумкину сохранить свое честное имя в истории, оставшись в ней в качестве первого правого ревизиониста.

Прощальная речь Бухарина — это еще один печально известный пример того, насколько трудно было порвать связь между партией Сталина и всем тем, что предполагала совершить революция. Бухарин отрицает, что когда-либо видел, как свидетелей насильно приводят в суд. Он говорит о том, что приносит свою жизнь в жертву великой цели потому, что партия идет к коммунизму («на этом знамени есть и капля моей крови»), и во главе партии находится Сталин. Во всех лагерях были «православные», убежденные в том, что они — единственные, кого обвинили ошибочно, и что партия непогрешима (см., например: Solzhenitsyn, 1974; 1978).

Мы уже видели, как в начале двадцатых годов Коммунистическая партия утвердила себя в качестве единственного инструмента власти пролетарской диктатуры. Еще одной отличительной чертой советского государства с ранних дней его существования была ключевая роль различных репрессивных органов — армии и политической полиции. Именно на них зачастую возлагалась задача разрешения конфликтов. Поначалу Гражданская война создала условия, в которых людям приходилось бороться за выживание. Эта ситуация оправдывала крайние формы контроля над обществом. Троцкий, например, охарактеризовал пролетарскую диктатуру как наиболее жестокую форму государства.

Позднее Сталин пытался оправдать усиление репрессивных органов ссылками на обострение классовой борьбы. В сталинском воображении Советский Союз был окружен враждебными капиталистическими силами, и ни эти силы, ни контр-революционеры не прекратили свое сопротивление. Более того, сопротивление нарастало потому, что коллективизация и первый пятилетний план предполагали вмешательство в частное производство и

торговлю. Но Сталин считал угрозой не только частный сектор. Влияние классовых врагов в среде промышленных рабочих, колхозного крестьянства, интеллигенции считалось не менее значительным. Сталин свел все отклонения внутри партии к примитивным мелкобуржуазным тенденциям. Единственным способом борьбы с этими силами было усиление тайной полиции. Стандартная идеологическая интерпретация этой тенденции рождалась из противоречий общества, переживающего радикальные социальные изменения — индустриализацию, коллективизацию, мощный приток крестьян в города.

Демонизация действительности потребовала мощного исполнителя — НКВД. Основной характеристикой органов безопасности была свобода от любых форм контроля. В теории во главе государства находилась партия, но на практике ни один человек (за исключением Сталина) не находился вне досягаемости со стороны органов безопасности. Отправляли в лагеря или расстреливали даже жен и детей членов Политбюро и членов правительства. Это был гротеск, который трудно описать словами. В то время, когда жен членов Политбюро расстреливали или ссылали в лагеря, Сталин приглашал новоявленных «холостяков» к себе на выпивку.

В романе «Архипелаг Гулаг» Солженицын рассказывал историю Министра внутренних дел Абакумова. Его арестовали в последние дни правления Сталина (Solzhenitsyn, 1978). Когда Хрущев начал расследование злоупотреблений органов безопасности, следователь пришел в камеру Абакумова и заявил, что ведет расследование деятельности Министерства внутренних дел. Абакумов покатился со смеху, считая это заявление новой техникой допроса. Следователь принес ему газету, в которой была опубликована сенсационная новость мирового масштаба: Берию расстреляли. Абакумов даже не моргнул, прочитав это сообщение, и сразу перешел к спортивным новостям. Для него такая новость была совершенно невозможной.

Сталинская действительность обозначила два ключевых условия, которые не только в сталинскую эпоху, но и позже (в таких странах, как Камбоджа, см.: Fein, 1993) позволили уничтожить миллионы людей. Во-первых, убийцы знали, что их собственная жизнь находилась в опасности, и, во-вторых, риск понести ответственность за убийства и пытки был крайне мал.

Конечно, в этой книге у нас нет возможности отразить всю историю НКВД. Однако эту тему не обойти, поскольку без нее

невозможно понять величайшую трагедию двадцатого века, трагедию репрессий, направленных против невинных людей. В жизненные практики советских людей вошла жестокая реальность смертных приговоров и принудительного труда.

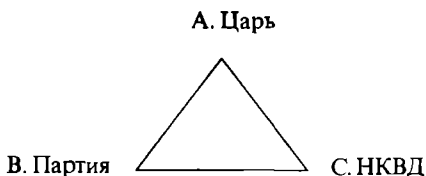
Мой небольшой материал, полученный в ходе интервью с российскими гражданами, дает основание полагать: репрессии затронули в той или иной степени почти всех россиян, принадлежавших к старшему поколению:

«Ю11: Я сын одного из жертв сталинских чисток...

Зи9: Тетя Анна должна была покинуть Ленинград в течение 24 часов, но после войны она вернулась. Мы ее никому не показывали. Если кто-то приходил к нам в дом, она пряталась в ванне. У нее не было продовольственных карточек, не было пенсии, ничего не было. И мы... Можете себе представить, как мы были бедны. Мама работала санитаром, ее зарплата была очень маленькая — 70 рублей в месяц. Мария была медсестрой. Люда, средняя из всех сестер, училась в экономическом институте и получала стипендию. Сначала стипендия была чуть больше, а потом уменьшилась потому, что она не была комсомолкой. А я училась в техникуме. Мы были очень бедны, но мы прятали тетю Аню. Но в конце концов кто-то узнал об этом. Они пришли, чтобы арестовать ее и заключить в тюрьму. Она провела полгода в тюрьме до суда. Там она заболела. В суде ее спросили: «Вас зовут так-то и так-то?». А она не ответила и пошла прямо на судью. Охранники остановили ее. Ей снова задали тот же вопрос. А она снова пошла на судью. ...Ее отослали в психиатрическую больницу. Там ее лечили электрошоком. Когда она вернулась, она была полностью... Это была уже не тетя Аня».

Среди респондентов был также молодой человек, который описал, как его вербовали в качестве агента.

В российской истории имеются давние традиции использования насилия и тайной полиции в качестве важных политических инструментов. Корни этого явления уходят к охранному отделению, созданному в реакционные времена Александра Третьего. Однако и ранее, во времена Ивана Грозного и Петра Первого, подобные органы играли важную роль. Ни один из органов безопасности не упоминался в какой-либо программе рабочего класса (см. рис. 10). Во многих случаях деятельность НКВД была самым строгим из всех табу советского общества. Люди, попавшие в руки органов, становились изгоями. Подразумевалось, что они могут «заразить» друзей или членов семьи своими взглядами.

**Рис. 10. Шестой аспект божественного
в большевизме: партия**

✎ После смерти Сталина НКВД-МГБ превратился в КГБ. В этом качестве он лишился прерогативы контролировать высшее партийное руководство. Открытый террор был заменен «административными мерами», такими как угроза потерять работу или возможности продолжать образование. Страх перед КГБ утратил свое главенствующее значение. Люди стали забывать о репрессиях, поскольку объектом репрессий было уже не население в целом, а реальная оппозиция режиму. Кроме этого, брежневское ЦК попыталось усилить позиции КГБ, популяризируя его сотрудников и работающих там героев-патриотов. Тем не менее, страх перед КГБ остался неотъемлемой частью советской ментальности. Деятельность диссидентов, иностранцев и информация из-за рубежа оставались табу для большинства населения. В сталинские времена нужно было иметь немалое мужество, чтобы общаться с «врагами народа» или с их стигматизированными родственниками. В брежневское время люди стали более бесстрашными в своей частной жизни.

ЖИЗНЕННЫЕ ПРАКТИКИ, СВЯЩЕННОЕ И ТАБУ

Большевистский проект и его извращение

Социальная действительность в большевистской России была исторически структурирована и стратифицирована в разных измерениях (см.: рис. 11). Советский Союз нельзя рассматривать в качестве наследника царской России, хотя, конечно, полного разрыва с прошлым не было. Важно то, что старая Россия возвращается и начинает оказывать влияние на современную жизнь в разных ее сферах. Одновременно большевистский проект также имеет реальное влияние.

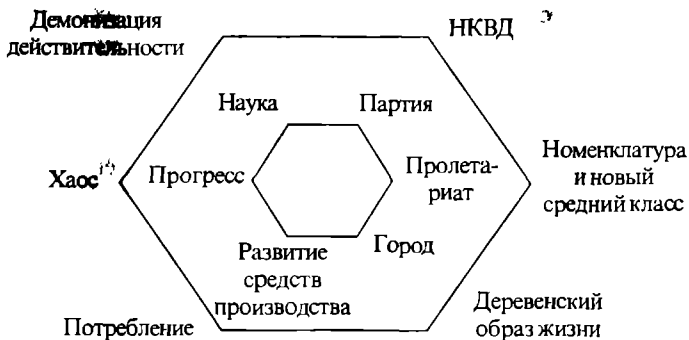

Рис. 11. Большевистский проект и его извращения

Наша абстрактная модель большевистского божественного является только началом углубленного анализа. В одинаковой степени важно концептуализировать способ, с помощью которого каждая бинарная альтернатива божественных и мирских практик и интерпретаций конкретизируются и определяют отправные точки анализа. В сконструированной таким образом реальности нет сбалансированности, нет ценностного консенсуса. Однако для целей анализа важнее то, что в конкретных ситуациях культурные практики и отличия имеют конкретное происхождение. Различные акторы используют уже имеющиеся структуры.

В этом типе анализа мы рассматриваем, с одной стороны, базовое различие между божественным и мирским, а с другой, — сложные отношения между кодом и реальностью. Действительный социальный мир включает явления, которые (особым образом для каждого аспекта божественного) не соответствуют конкретным кодам. Для всех без исключения аспектов большевистского дискурса основные противоречия ясны. Однако гораздо труднее видеть последствия этих антагонизмов для политических практик и образа жизни. Для этого нужна субъективная интерпретация событий, анализ процесса принятия решений и рефлексивного наблюдения. Именно через эти измерения конкретные коды постоянно конкретизируются. Конкретизируясь, они получают новую формулировку и определяются как проблема. Именно на этом, наиболее конкретном уровне самобытной российской истории обретают влияние, например, религиозный аскетизм интеллигенции или местная интерпретация марксизма. Важно, однако, анализировать код с двух сторон: с одной стороны, как

целостность, с другой — как эволюцию его отдельных аспектов. Именно так мы можем выявить противоречия, характерные для политического процесса в российском обществе и индивидуальных жизненных практик.

Каждый индивид должен принимать во внимание как официальное божественное, так и дополнительные случаи его функционирования. Можно с уверенностью утверждать, что те, кто отдает распоряжения, действуют во имя официального божественного (Collins, 1988, 114). В этом отношении советское общество было похоже на все другие. Однако при этом вся советская культура имела тенденцию создавать разные «кулисные» зоны, находясь в которых, люди могли уходить от угрозы официального божественного.

Важно также подчеркнуть, что отношение к официальному божественному не может сводиться только к внешнему принуждению. Несмотря на то, что процесс урбанизации проходил в крайне трудных условиях принудительной коллективизации, он не был только продуктом внешнего принуждения. Участие в развитии средств производства основывается как на внешнем принуждении и дисциплине, так и на ряде особых ритуалов: в данном случае почитании героев труда, стахановском движении и так далее. В некоторых случаях принадлежность к пролетариату может стать основой для позитивной идентичности и укрепить легитимность системы. Это относится к ситуациям, в которых пролетарское происхождение открывает возможности для восходящей мобильности или получения дополнительных привилегий. Речь идет, однако, не об автономной самоорганизации, а об обретении внешней идентичности. Для такой ситуации важную роль может сыграть тот факт, что потребительские ориентации, входящие в систему ценностей среднего класса, и сельский образ жизни предполагают разное понимание счастья и хорошей жизни: с одной стороны, восходящая социальная мобильность, потребление предметов роскоши, с другой — пьянство и другие трансцендентные практики.

Очевидно, что не все коды одинаково важны для жизни отдельного человека. Конкретные обстоятельства жизни варьируют в разной пропорции официальное божественное, теневые стороны и аспекты, объявляемые мирскими. Приоритет официального божественного может лечь в основу совершенно разных судеб. Проиллюстрирую это двумя биографиями. Сначала я дам слово «советскому гражданину», а затем — «диссиденту».

«Вопрос. Любовь Алексеевна, в вашей жизни случались трудные времена, была война, блокада. Откуда вы черпали силы, чтобы выжить?»

ЛА. Приходилось выживать, просто приходилось. ... Мы же были советскими гражданами, и мы делали то, что нужно было делать. Когда я была молодой девушкой, я месяцами путешествовала в седле по горам. Это была моя работа. Это было трудно, но мы должны были это делать.

Вопрос. Вы считали, что советские люди должны объединить свои силы и так далее?

ЛА. Знаете, я не думала об этом в таких общих понятиях. В тот момент у меня просто было чувство, что я должна это делать. Это было необходимо для меня, для России. Я имею в виду Советский Союз.

Вопрос. Верили ли вы в правительство? Верили ли вы в то, что когда-нибудь в стране будет хорошо?

ЛА. Конечно, мы надеялись на лучшую жизнь. Знаете, Сталин умер после войны как ветеран. После него не было такого авторитетного руководителя. Хрущев был уже не то.

Нам нельзя было отказываться от прошлого, так как мы это делали. Конечно, времена были трудные. Они были трудные и для меня тоже. Но зачем приносить вред людям, постоянно повторяя, что дела идут плохо. Сталинское время не затронуло меня или моих родителей.

Вопрос. Вы считаете, что репрессий не было?

ЛА. Они не коснулись кого-либо вокруг меня. Мой отец вступил в партию в 1917 году. Он был рабочий, член партии. Он оставался членом партии до конца жизни. Он верил Сталину. Сейчас Вовка (сын) постоянно говорит, что мы были сталинистами. Но в доме, в котором мы жили, никого не арестовывали. В институте, в котором я училась, также никого не арестовали. Сейчас об этом идут разговоры. Говорят, что многие пострадали.

Вопрос. А вы что думаете?

ЛА. Знаете что? Давайте взглянем на Петра Первого. Сколько людей погибло при Петре. Все зависит от того, с чем сравнивать. Нас чистки не затронули. Если бы затронули, у нас, возможно, было бы иное к ним отношение. Но они нас не затронули. Они редко касались семей рабочих.

Вопрос. Таким образом, они затрагивали в основном интеллигенцию?

ЛА. Да, главным образом, интеллигенцию: поэтов, писателей, журналистов. Тех, кто был против и писал в таком духе».

В том, что говорит Любовь Алексеевна, присутствует ряд важных моментов:

1. Осознание себя советским гражданином не было результатом теоретической рефлексии. Оно рождалось в эмоциональной сфере: «это было необходимо».

2. Легитимность власти связана с ее авторитетом и войной.

3. Существуют различия между действительностью рабочего класса и действительностью интеллигенции.

4. Разговор о жертвах теряет значимость на фоне российской истории, особенно истории царствования Петра Первого.

Диссидент

Старый религиозный взгляд на мир по-прежнему проникает в сознание граждан и влияет на их жизненные практики. Однако стороны действительности, определяемые большевиками как мирские, не потеряли своего значения в повседневной жизни. В биографии Зинаиды Б. противоречия между жизненными практиками и мировоззрением возникают на разных уровнях. В ее жизни присутствуют коммунистическая революционность и возможность сделать карьеру. Но при этом она несколько раз рождается заново в кризисные периоды жизни. В семье рождение заново сравнивается с «распутством». Оно ведет к разрушению коммунистического коллективизма, утрате возможностей карьеры и, в конце концов, к сильной привязанности к религиозной общине.

«3. Я росла в весьма интеллигентном окружении. До революции моя мать была артисткой театра оперетты. Мой отец был рабочим, который стал революционером. Потом и моя мать стала революционеркой. Я была самой младшей из всех детей. Хотя я и была ребенком, я чувствовала напряженность в семье. Несмотря на то, что мой отец был революционером, его усилия не оценивались. У него не было работы, ничего...

Вопрос. Почему?

3. Когда моя мать потеряла одну из своих дочерей, это был для нее большой удар. Девочка умерла от менингита, а это очень тяжело. Потом мы поехали отдыхать в Лугу, и там она родилась заново. Хозяйка спросила мать: «Почему вы плачете, красивая женщина?» «Я потеряла дочь», — ответила мать. «Хотите увидеть вашу дочь?» — спросила хозяйка. «Но это невозможно», — отве-

тила мать. Хозяйка стала говорить о Боге. Моя мать заново родилась. Ее там же крестили, в реке Луга. Когда отец узнал об этом, он сказал: “Лучше бы ты занялась распутством, чем вот так рушить мою карьеру”. Но моя мама не отказалась от своей веры. Она продолжала ходить в церковь, даже несмотря на протесты отца. Жизнь стала тяжелой. Отец стал пить. Он понял, что гражданская карьера, его дорога для него закрыта, и ничего ему больше не достичь. А мама, она выбрала правильный путь. Она воспитала нас всех так, как хотела. Когда мама умерла, ее друзья пришли в наш дом. Но отец выгнал их.

Отец очень ослаб во время блокады. Незадолго до смерти, он тоже родился заново. Он заболел, и к нему стали приходить те самые женщины, которых он выгнал, верующие женщины. Они приносили ему пищу. Он заплакал. Эти люди не должны были помнить о нем, но они помнили. И он сказал мне: “Расскажи мне о Христе” Через два месяца он умер.

По профессии я — архитектор, но я поехала... У меня был туберкулез, и врач сказал мне, чтобы я нашла работу на свежем воздухе. Я выбрала ландшафтную специальность.

Я окончила институт в 1951 году. Все мои родственники были верующими. Они приняли Бога, а я не хотела. Я долгое время воспитывалась в интернате в духе атеизма. Мне не нравилось жить дома. Я уехала работать в Ригу только для того, чтобы не быть дома: там Бог, здесь Бог. Мне это было не нужно.

Вопрос. А когда вы начали интересоваться вопросами веры?

З. Случилось это так. Я заболела, пошла к гинекологу, а затем к онкологу. Тот послал меня в онкологическую больницу как трудный случай. Лиле было девять лет, а моя мать к тому времени ослепла. Я должна была умереть, оставив слепую мать и Лилию. Я поняла... Я должна была просить прощение за свое упрямство. Я все время плакала. Я худела, только опухоль росла. Я молилась Богу: прости меня, если можешь. Моя сестра пришла навестить меня, и я спросила ее, может ли Бог простить все. “А ты можешь все простить Лилии?” “Да”, — ответила я. “Вот и ответ тебе”, — ответила она и стала моим пророком. Она ушла, а я сказала: “Господь, я так рада, что ты можешь все простить”. Я так плакала и страдала. Меня мучило чувство вины. Я вспоминала все, что делала в своей жизни. “А что же дальше?” Я не могу ходить в церковь. У меня не осталось на это времени. Но я все равно решила пойти в воскресенье, и мне сразу стало легче. “Пусть я верю, но Лилии я говорить не буду. Она такая застенчивая и тихая. В обще-

стве ее съедят. Я — сильная, а она...” Но на следующее воскресенье я все-таки решила идти с Лилией и снова почувствовала облегчение.

Я не работала потому, что все время лежала в больнице. Я не принимала никаких лекарств. Никаких. Один из врачей сказал, что мне нужно делать операцию. Хорошо, сказала я. Я поехала в хирургию, и там встретила одного врача, старого знакомого. Он спросил меня: “Откуда вы? Три месяца назад я не знал, как помочь вам, и откуда бы мне знать?”. Он был очень груб. Он обследовал меня и сказал: “Не знаю, что с вами случилось, но ваша опухоль уменьшилась и стала вот такой маленькой. Идите и не приходите сюда снова”. Я начала плакать. Я думала, что он сказал это, чтобы успокоить меня. “Как ваше имя? Я должен записать это в вашей карточке”. С того дня, я ни разу не лечилась. Нигде.

С тех пор, я — верующий человек и Лилия тоже.

В конце концов противоречие между религиозным мировоззрением и жизнью обыкновенного советского гражданина должно было проявиться:

«З. Я успешно выполняла свою работу. К этому времени меня повысили до старшего архитектора. Но в личной жизни я не могла быть похожей на других. Я не пила, не курила. Нам это не разрешено. Я смеялась вместе со всеми, но внутри я плакала. Я хотела быть как все, но не могла.

Когда я заново родилась, я начала говорить о Боге со многими людьми, и многие прислушивались ко мне.

Вопрос. На это, наверное, кое-где косо смотрели?

З. Понемногу об этом стали узнавать. У меня был свой кабинет. Потом кто-то написал в партком, что мы — баптисты. До этого у меня были хорошие отзывы о моей работе. Я хорошо делала свою работу, получала грамоты с портретом Ленина. Но все это закончилось. До пенсии мне оставалось немного времени. Моя карьера закончилась, все закончилось».

И тем не менее:

«З. Моя мать была верующей. Она говорила, что в современной жизни есть две хорошие вещи: нет безработицы, и у всех есть возможность учиться, все остальное плохо. Атеизм, преступность, бесстыдство. Я спросила маму, как случилось, что она однажды была коммунисткой. Она сказала: “Моя подруга Вера и я пошли в Шуваловский парк. Это было до революции. Мы были балерины, красивые и приятные. Вдруг к нам подошел слуга графа Шувалова и сказал: «Покиньте парк. Он только для знатных людей»».

Большевистский проект и его непреднамеренные последствия структурировали жизненные практики простых советских людей по разным противоречивым измерениям: Секуляризация; публичные и частные ритуалы, относящиеся к демонизации действительности; надежды на социальный прогресс; уклонение от хаоса и жертвы, приносимые ему; трудовой героизм и дисциплина; удовлетворение стремления к счастью в частной жизни через потребление; городской менталитет; сельский образ жизни; идентификация с пролетариатом; отличия от образа жизни рабочего класса и надежды на социальное продвижение; презрение и подозрительность в отношении номенклатуры; ритуальное участие в жизни партии и связанный с этим участием карьеризм; страх перед органами безопасности.

В этом списке только пункты 1, 3, 5 и 9 характеризуют идеального советского гражданина. Образ жизни, структурируемый такими ориентациями, не является безусловным воплощением современной жизни. В нем много элементов предшествующих эпох. Следует также отметить, что покорность людей связана не только со страхом, рождаемым системой, как это утверждает теория тоталитаризма, но и с обещанием социального продвижения и счастья в частной жизни. Многие требования в отношении жизненных практик находились в конфликте с великим повествованием большевизма. Постепенно эти конфликты подрывали фундамент официального божественного. К тридцатым годам великое повествование большевизма вступило в полосу столь серьезного кризиса, что его периферия и даже мирские аспекты, такие как семья или национализм, стали набирать все больший вес. В этой связи Сталин попытался дать новое определение официальному божественному.

Царство теней

Решающий шаг от большевизма к сталинизму, от первоначального гегемонического проекта к царству теней был сделан в тридцатые годы. Традиционные ценности были восстановлены, Сталин — уподоблен царю, Ленин — превращен в сюжет для фольклорных произведений. Одновременно были введены в оборот элементы дореволюционной культуры: иерархия, компетентность, дисциплина в семье, школе, на заводе и обществе в целом. В системе образования, к примеру, прогрессивные методы, предполагавшие свободу самовыражения и поведения, были заменены

ны на традиционные педагогические методы, делавшие упор на послушание и подчинение авторитетам (Эткинд, 1993).

Теория тоталитаризма объясняет эти изменения следующим образом:

«Во всех аспектах советской жизни растущая политическая стабильность режима и постепенное возвращение более традиционных социальных форм (под жестким контролем со стороны режима) потребовали замены старых большевиков и тех, кто был воспитан в духе раннего большевизма, «новым Советским человеком». Без этого эхо старых идеологических конфликтов продолжало бы звучать в низовых организациях, а монолитное единство системы не было бы достигнуто. Ситуация замены повторялась в партии, промышленности, армии и государственных органах. Революция, поменявшая курс, уже не нуждалась в революционерах. Ей были нужны дисциплинированные работники, готовые к упорной борьбе за решение задач, поставленных государством, а не за то, чтобы добиваться его отмирания. На место революционеров ранней эпохи должны были прийти правители, на место теоретиков и провидцев — администраторы и бюрократы» (Friedrich and Brzezinskij, 1956, 67).

Иными словами, эта теоретическая линия признает кардинальные изменения политической стратегии: стратегия перехода и изменений постепенно уступила место стремлению к внутреннему равновесию, идеологи уступили место бюрократам, администраторам и инженерам.

Во внешней политике также наблюдался поворот к иным целям: на вооружение была взята тактика народных фронтов, а вместо борьбы за революцию ставилась цель общей борьбы против фашизма.

«Но в тот момент режим еще не мог позволить стабильности перерасти в пассивность, в самодовольное созерцание настоящего. Тоталитарная суть системы требовала новых целей, новых гигантских свершений, новых социальных и экономических планов» (Friedrich and Brzezinskij, 1956, 68).

В этом объяснении присутствуют два основных момента: с одной стороны, выделяется идеальный тип тоталитаризма, с другой — подчеркивается стремление к сбалансированности, свойственное системе. Однако степень стабилизации советского общества явно преувеличена. Именно в это время страну потряс процесс всеобщей коллективизации, а миллионы людей переместились в города. В теории тоталитаризма нет адекватного объяснения большевистской экономической политики. И это несмотря

на то, что в сталинских планах делается упор на индустриализацию, полный отказ от частной собственности, развитие системы пятилетних планов. Попытка рассматривать эти явления только как реализацию амбициозных планов, направленных на то, чтобы продолжать движение, упускает из виду важные отличительные черты сталинизма, игнорирует ключевые экономические и социальные силы, созданные сталинской системой. Аналогичным образом интерпретация чисток только как момента воцарения бюрократии страдает в лучшем случае односторонностью. Чудовищная «ежовщина» с одинаковым успехом может рассматриваться как экстремистская, радикальная, истерическая реакция на процесс бюрократизации. Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в ходе чисток брали специалистов всех уровней. Сталинская система использовала в качестве ресурса не только стремление двигаться вперед, но революционный эгалитаризм и пуританизм. И, наконец, теория тоталитаризма почти полностью игнорирует особые культурные коды, эрозия которых нашла отражение в сталинской культурной реставрации.

Сталинизм — это, прежде всего, господство царства теней, своеобразный театр, в котором люди возвращаются к ранним, примитивным этапам своей истории. Действия князей средневековой эпохи невозможно понять при помощи категорий современной политики, управляемой расчетом и интересом. Однако их можно понять, если знать, что кровная месть была важным атрибутом политики руководителя той эпохи, важной составляющей его судьбы (Huizinga, 1989, 24—25). Аналогичным образом бесполезно пытаться понять логику сталинизма при помощи категорий «карьера» и «конкуренция». Реальный риск смерти и разительные контрасты жизни расцветивают политическую борьбу другими красками, яркими красками страсти. Демонизация действительности — это не игра, из которой всегда можно выйти. Это — крайне серьезное дело.

История той эпохи вполне выдерживает сравнение со средневековьем, когда люди были охвачены слепой страстью служить своему хозяину и его окружению. В этой действительности людьми двигала твердая уверенность в справедливости совершаемых действий, убежденность в том, что каждое из них требует полного искупления. Хейзинга утверждает, что это чувство справедливости берет начало в язычестве. Это — не что иное, как потребность в возмездии.

В контексте большевистского божественного марксизм-ленинизм сравнивается с идеологией рыцарства. Начиная с декабристов и кончая большевиками, идеальный герой широко представлен и четко прорисован в истории российского революционного движения. Жизнь номенклатуры, как и жизнь дворянства, являет собой попытку сыграть романтическую пьесу: смелые политруки выступают как рыцари, защищающие простых и благодарных рабочих. Однако, расцветивание жизни в героические и идиллические цвета — это дорогое удовольствие, которое нельзя практиковать часто и в полной мере. Беда в том, что, как правило, действительность сбрасывает с себя этот код сильными, энергичными движениями. Как и в случае с идеологией рыцарства, возникает острое противоречие между образом жизни и действительностью: софиты светят слишком ярко и совсем не туда, куда нужно. Вдохновленная марксизмом-ленинизмом номенклатура начинает в роли настоящего революционного героя, но в конце даже роль Дон Кихота выглядит для нее как льстивый комплимент.

Свой путь в качестве правящего класса номенклатура начинает в духе истинного пуританства. Удовольствие объявляется греховным, допускаются только труд и жертва. Однако по мере того, как официальное божественное утрачивает свою значимость, уходит в прошлое и пуританское мировоззрение. Радости жизни постепенно отвоевывают все больше и больше пространства. Такая тенденция наблюдается и в радикальных левых движениях на Западе. Моя племянница, побывавшая в рядах пионерии, так описывает это изменение нравов: «Сначала мне не разрешали носить джинсы. А потом неожиданно разрешили делать все, что угодно».

Во многих отношениях сталинизм предполагал радикальное изменение официального божественного. Однако, при этом божественное теряло свою лиминальность и постепенно превращалось в набор пустых ритуалов. К примеру, праздник Октября всегда отмечался стандартными парадами, в которых рабочих ставили между солдатами и физкультурниками. Все формы творчества, спонтанности и выхода за рамки традиционного были строго запрещены. Лозунги следовали друг за другом в определенном порядке, обозначая желаемый контур, в который должна была уместиться действительность.

За первыми общими лозунгами следовали четыре призыва к Армии (один из них обязательно адресован пограничникам). Затем лозунги располагались в соответствии с классовым принципом: сначала рабочий класс, затем — колхозное крестьянство и,

наконец, интеллигенция. Внутри лозунгов, адресованных рабочему классу, соблюдалась отраслевая последовательность: сначала шахтеры и нефтяники, а далее в порядке текущих приоритетов экономической политики КПСС. Все лозунги адресовались «труженикам и труженицам» (Zdravomyslova and Temkina, 1996).

Участие в демонстрациях являлось моральной и политической обязанностью всех советских граждан. В литературе этот акт характеризовался как «новый общественный ритуал». Однако, в ходе исполнения подобных ритуалов чувство единства уже не возникало. Идеология также была не в состоянии выполнять свою роль мобилизующей силы: «Официальные демонстрации были просто имитацией солидарности, единения народа и государства» (Zdravomyslova and Temkina, 1996).

Все официальные ритуалы концентрировались на одном направлении: собрания, общественная работа, идеологические кампании. Советским людям они все чаще стали казаться пустыми церемониями.

Приведем в качестве примера институт так называемых «субботников». В течение года советские граждане должны были иногда бесплатно работать по субботам, чтобы помочь экономике страны. Сами люди стали называть эти дни «черными субботами», превращая их в карнавальное действо:

«Обычно субботники были плохо организованы. Для миллионов людей это была пустая трата времени на официальный ритуал. Однако советские граждане привыкли к иррациональному характеру этого мероприятия и рассматривали его как неизбежность. Некоторые даже находили удовольствие в своем участии, потому что субботник, длящийся всего несколько часов (руководители часто вынуждены были отпускать людей, потому что для них не было работы), нередко заканчивался распитием спиртного» (Shlapentokh, 1989, 101).

Страх, жертвенность и тайные ритуалы никуда не ушли. Просто после смерти Сталина они утратили свою власть над обществом. Во времена Хрущева предпринималась попытка вернуться к первоосновам, к первоначальным кодам. Однако тени так и не исчезли, даже несмотря на то, что их значение изменилось.

Приватизация божественного

Когда партия была «величайшим из миров», все поклонялись коллективу. Именно партийная жизнь вызывала в людях самые

высокие и самые сильные эмоции. В сравнении с ней частная жизнь не имела никакого значения. Кому было нужно выслушивать нытьё одиночки, кому он был нужен кроме своей жены, да и то, если она рядом, а не бродит по магазинам. Однако, когда мир охвачен ужасом и погружается в хаос, то приходится искать истинно божественное в иных сферах. Этот момент поиска нашел отражение в поэзии таких «святых» как Высоцкий или Булат Окуджава. Оба стремились подчеркнуть значение непосредственной реальности. Именно Окуджава спел песню об Арбате, где прозвучали в высшей степени характерные слова:

Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты мое отечество...
Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты моя религия...

У многих респондентов, отвечавших на мои вопросы, возникли схожие чувства:

«Нат8. Святое. Ценное. Да, я понимаю. Для меня лично это, прежде всего, мои родители. Я хотела бы поехать домой, туда, где я родилась. Наверное, там моя родина.

Ю11. Для меня родина — это святое. Еще раз хочу сказать, я провел всю свою жизнь в Ленинграде за исключением коротких периодов времени. Я был ребенком, когда отец дал мне книгу Павла Николаевича Столпянского. Я принес ее сегодня, чтобы показать вам. Это книга о том, как был основан и построен Санкт-Петербург. Да, эта книга написана с большой любовью к городу, в котором я родился. Благодаря этой книге я хорошо изучил свой город. Здесь даже есть карта города, датированная 1903 годом. Я знал все старые названия улиц. Я узнал, что улица Маяковского, на которой я живу, была раньше Надеждинской улицей. Улица Плеханова была Казанской улицей. После войны советское правительство вернуло имена некоторым улицам. Старое имя вернули проспекту Двадцать пятого октября, улице Третьего Июля. Но даже тогда, в разгар послевоенного патриотизма, власть понимала, что Невский должен остаться Невским. Это — святое имя, его нельзя менять.

Ан7. Да, разумеется, друзья, родственники, хорошие люди, страна. Здесь все принадлежит этим понятиям, а я — нормальный обыкновенный человек.

Ма5. Для меня свято все, что близко мне. Любовь, чувство любви для меня свято. Любви к мужу, к родителям, природе. Все это свято для меня, дорогая и близкая часть моей души.

Ди12. Я — обыкновенный человек. Не сказать, чтобы я не верил в Бога. Просто роль веры в России менялась. Я — не крещеный по православному обычаю, но я — не атеист. Не могу сказать, Бог ли это, но я верю в Высший разум. Вы говорите о высших ценностях. Для меня это — моя семья более всего остального.

Ир4. Понятие святого. Что для нас свято. У меня нет мнения об этих словах. Разумеется, я понимаю их значение. Но в моей жизни... я не могу представить себя одинокой. Для меня важно иметь много друзей. Для меня важно не быть одинокой. Я никогда не была одинокой. Вокруг меня всегда люди. Я всегда нужна».

Как это ни парадоксально, но общественное движение, подчеркивавшее значение коллективных жизненных практик, привело в конце концов к высокой степени приватизации социальной действительности. В течение последних десятилетий советской власти люди постепенно утрачивали верность официальным идеалам. Эта тенденция была признана политической проблемой. Согласно Шляпентоху, тенденция к приватизации нашла отражение в эрозии трудовой этики, падении уровня производства, рутинизации общественной работы и участия в политической жизни. Советский менталитет раскололся на два уровня — прагматический и идеологический.

«Поддерживая принципы социалистической демократии и превосходства социалистической собственности над частной, одобряя вторжение советских войск в Афганистан, советский человек делает это формально, не чувствуя связи сказанного со своей жизнью» (Shlapentokh, 1989, 97).

В этой обстановке семья становится тихой гаванью, где люди могут отдохнуть от идеологии и высказать свой истинный взгляд на происходящее. В семье все — от простого рабочего до члена Политбюро — могут получить то, что не могут получить в официальной жизни. Семья становится символом антигосударственных институтов.

В сталинские времена частные проблемы еще довольно часто выносились на суд общественности. Заседания комсомольских или партийных организаций нередко посвящались разводам, изменам или пьянству. От членов партии более, чем от других, требовалось быть открытыми для товарищей. Обман партии считался серьезным преступлением коммуниста (Shlapentokh, 1989, 180).

В мемуарах и романах, посвященных первым годам советской власти, революционный активист выступал как активный борец за дело класса, стремящийся сделать партийную карьеру, жаждавший власти, желающий быть на виду. К материальному благополучию он относился с безразличием, а порой даже с презрением.

Шляпентох утверждает, что после Сталина советское общество охватил широкомасштабный процесс приватизации, находящий выражение в трех тенденциях:

1. связанные с частной жизнью институты, такие как семья или дружба, стали более важны для советских граждан;

2. наряду с официальным обществом появилось «второе гражданское общество», не связанное с официальным божественным;

3. на всех уровнях иерархии люди стали использовать свое положение, чтобы заполучить какие-либо привилегии.

Экономическая сторона приватизации обнаруживает себя в растущем потреблении. С этим связана все более интенсивная обработка частных земельных наделов.

Шляпентох утверждает, что в последние годы советской власти возник резкий контраст между мифологией и поведением. Люди принимали большинство официальных догм, но совершенно не учитывали их в своем реальном поведении. Поведение было по-прежнему ориентировано на получение привилегий в индивидуальном порядке. Такое раздвоение фактически означало ослабление официального божественного в сравнении с дополнительной областью действия.

Шляпентох рассматривает это явление в связи с возникновением нового гражданского общества.

«Избегая тратить свою энергию и эмоции на государство, люди постепенно расширили масштаб своей частной деятельности во всех сферах общества — экономике, культуре, образовании, здравоохранении и даже политике. Чем чаще люди взаимодействуют в качестве частных индивидов, тем большую роль в стране играет истинное гражданское общество. Сосуществование первого (официального) и второго (неофициального, гражданского) обществ стало наиболее важной характеристикой Советского Союза, а также всех других социалистических стран, оставивших позади период массового террора» (Shlapentokh, 1989, 229).

Шляпентох поднимает важный вопрос об эрозии официального божественного. Следует, однако, сделать несколько замечаний по поводу сказанного им.

1. Процесс приватизации начался в сталинскую эпоху после того, как были отвергнуты коллективные трудовые организации и эгалитаризм.

2. Приватизация неодинаково затрагивает разные социальные классы. Она особенно близка и важна для среднего класса. Однако даже его образ жизни характеризуется не столько индивидуализмом, сколько конформизмом: «Нормальный советский гражданин не стремится нарушать общественные нормы или экспериментировать. Его главная цель состоит в том, чтобы жить спокойной жизнью, как все или, по меньшей мере, как живут такие же люди, как он сам» (Gronow, 1994, 22). Пусть понятие «простой рабочий» и стало почти ругательным, жизнь и политика должны быть «нормальными». С другой стороны, нарушение принятых норм, — различные странности и неприличия — имеют давнюю и весьма яркую историю в России. Эта склонность остается важной составляющей советского образа жизни.

3. Разные элементы официального большевистского божественного были подвержены эрозии в разной степени. Они выглядели как круги, начертанные один внутри другого. Некоторые элементы, напрямую связанные с большевистской программой (такие как партия и пролетариат), утратили свою значимость, но это не относится к другим элементам, таким, например, как наука, прогресс или эгалитаризм.

Новый проект гегемонии?

Остается еще много противоречий. В последние годы сталинской эпохи отношение к божественному характеризовалось дистанцированием и ритуализацией. Даже в годы правления Сталина страхи и многочисленные табу заставляли людей искать спасения в частной сфере. Сейчас эти табу находятся в центре политической борьбы: номенклатура, НКВД, потребление и средний класс. Такие составляющие элементы первоначального большевистского божественного, как пролетариат и партия, теряют ореол святости. Однако маловероятно, что такая же судьба постигнет и другие его элементы, такие как статус городов, развитие сил производства, прогресс и наука. Официальное божественное «демократического проекта» очень сильно напоминает большевистскую программу модернизации.

Текущие политические тенденции российской жизни можно рассматривать как попытку объявить «новых русских» авангар-

дом общества вместо партии. Место пролетариата занял средний класс. Именно к нему апеллируют сейчас все политические партии. В этой апелляции присутствует элемент противоречия, поскольку в современном российском обществе средний класс — это не столько группы профессионалов и управленцев, сколько мелкая буржуазия.

Кроме того, остается следующий вопрос: как теневая сторона большевистского проекта будет влиять на процесс политической мобилизации? В каких формах проявит себя демонизация действительности? Станет ли хаос снова требовать жертв со стороны русских людей? Будет ли сельский образ жизни играть все большую роль на фоне сбоя рыночной системы? Разрушит ли сельский образ жизни трудовую этику и основы социального порядка? Действительно ли КГБ был изгнан из политической жизни? Было ли место КГБ занято мафией? Является ли мафия основным источником страха и ужаса в жизни людей?

«Ан7. За последние десять лет я видел, как рушится страна. Было государство, плохое или хорошее, но государство. А сейчас кругом одно разложение. Если поискать в истории, то именно так обстояли дела в 1918 году.

Вопрос. Вскоре после революции?

Ан7. Да, вскоре после революции.

Вопрос. А может быть, и сейчас втихую идет какая-нибудь революция?

Ан7. Да, она не кончается.

Вопрос. А как вы думаете, что будет потом?

Ан7. В будущем все будет нормально.

Вопрос. А что значит “нормально”?

Ан7. А что значит “потом”?»

10

Глава 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпилог

Осенью 1997 года мы приехали в Москву, чтобы принять участие в фестивале, посвященном Финляндии. Большинство делегатов были размещены в отеле «Международная», одном из самых дорогих отелей города. Мой коллега попросил в баре пакетик соленых арахисовых орехов и не смог расплатиться, потому что, как оказалось, этот пакетик стоил 60 000 рублей. Меня поселили в основном здании МГУ, одном из самых высоких небоскребов города. Проживание в этом здании оговаривалось в соглашении между нашим университетом и Московским Государственным университетом.

Мой номер располагался на двенадцатом этаже, откуда открывался потрясающий вид на Москву. В этом номере было пять комнат, гостиная с хрустальной люстрой, комната для прислуги (прислуги не было) и современные удобства, включая микроволновку и видеомагнитофон — сравнительно редкие для советской Москвы предметы роскоши. Сколько же все это стоило? Номер стоил тысячу рублей за одни сутки. Это было меньше той суммы, которую мне пришлось бы заплатить в Лондоне за один номер газеты Санди Таймс. Можно сказать, что я слегка приобщился к тем привилегиями, которые раньше имела номенклатура.

Все было хорошо до тех пор, пока я не явился в свой номер где-то около полуночи. Я не мог найти ключа. Я без труда вошел в здание потому, что у входной двери круглосуточно дежурила охрана. Но на моем пути встала дверь в номер.

Я спустился к дежурной и спросил ее, что мне делать. Далее последовал такой диалог.

«— У вас нет запасных ключей?

— Нет.

— Нет общего ключа?

— Нет.

— Так что же мне делать?

— Я должна позвонить».

Дежурная позвонила по нескольким телефонам, но это не помогло.

«— Вы уверены, что у вас нет ключей?»

Около половины второго я по-прежнему сидел в коридоре, а дежурная названивала по телефонам. Наконец, она подошла ко мне и сказала, что единственный человек, который может мне помочь, — это электрик, и что он скоро подойдет. Электрик оказался полноватым мужчиной маленького роста. В руках он держал зубило и обычный кухонный нож. Мы поднялись на двенадцатый этаж.

Сначала электрик принялся орудовать зубилом. Однако сразу стало ясно, что таким способом ничего не добьешься. Потом он попытался открыть дверь, просовывая нож под дверную ручку, но дверь оказалась прочной. К тому же у двери было несколько ручек, а у электрика — всего один нож. Электрик решил испробовать нож на двери моего соседа, но стоило ему приступить к работе, как из-за двери послышалось громкий, злобный лай. Своими манипуляциями он разбудил собаку соседа.

Электрик был уже готов смириться с поражением. Надо, сказал он, поискать какой-нибудь другой способ. Он исчез в темноте коридора, а я снова спустился на первый этаж. Я опять обратился к дежурной с тем же вопросом: что мне теперь делать? Дежурная попросила меня подождать, пока она поднимется и посмотрит, что можно сделать. Я снова стал ждать. Зазвонил телефон, и я поднял трубку.

«— Здравствуйте, это Вера Ивановна?

— Нет, она сейчас на другом этаже.

— А вы тогда кто такой?

— Я — тот самый человек, который потерял ключи.

— А, вы из номера 912. Я позвоню вам позже».

Я снова уселся ждать. Неожиданно в коридоре появилась старая женщина в ночной рубашке. Она была в расстроенных чувствах и просила срочно вызвать милицию. Кто-то рвется в ее комнату, утверждала она. Где же дежурная?

Я не успел ответить ей, как из лифта вышла дежурная. Старая женщина бросилась к ней, требуя срочно вызвать милицию. Но в ответ дежурная принялась выговаривать ей:

«Советую вам не вмешиваться в это дело. Оно вас не касается. Что вы здесь делаете посреди ночи? Пусть за вами присмотрит ваш сын или ваша дочь. Возвращайтесь к себе в комнату!»

Обращаясь ко мне, она сказала:

«Все в порядке. Мы взломали дверь»

Я поднялся на двенадцатый этаж и увидел, что дверь в мой номер открыта. Под лестницей нашлась вторая дверь, которая вела в комнату прислуги, ее взломали при помощи лома.

Социология

В России все не так, как на Западе. Мое ночное приключение — это хороший пример того, что в российском обществе «ничего не работает, но все можно организовать».

Существует множество решений проблемы утерянного ключа. Эти решения могут быть приравнены к институтам: кухонные ножи, зубило, лом, дверь в комнату прислуги, запасные ключи и даже общий ключ, подходящий ко всем дверям в здании. Существуют также различные социальные агенты, принимающие участие в решении проблемы: дежурная, ключница, люди у телефона, электрик, сердитая старая женщина, собака соседа, милиция... и т. д.

Так где же найти этот общий ключ ко всем российским проблемам? Может ли демократия, рыночная экономика или средний класс открыть все закрытые двери?

Мой социологический подход основывается на идее структуризации: классовая структура, властные и культурные структуры должны рассматриваться с двух позиций: позиции структурного анализа и позиций социального агента. В России социальные агенты крайне редко имеют доступ к идеальным институциональным инструментам. Хорошо, если у вас есть общий ключ, но если его нет, тогда проблему приходится решать при помощи зубила, кухонных ножей или лома. Те концепции, которые могут объяснять действие только тогда, когда есть общий ключ, не всегда способны объяснить ситуации, возникающие в российском контексте.

В этой книге я попытался показать, что социологические концепции могут применяться для анализа российского общества, но только если они признают особость России, обусловленную ее историей. Например, вполне допустимо обсуждать судьбы демократии в России, но при этом нужно иметь в виду, что существуют границы демократизации российского общества, и эти границы заданы ее прошлым. Можно рассматривать Советский Союз или Россию как классовые общества, но при этом следует

признавать историческую специфику становления классовых отношений в этой стране. В российской культуре присутствует как божественное, так и мирское начало, но для того, чтобы эти понятия стали для нас полезными, необходима определенная степень социологического воображения. Нужно увидеть, как исторические процессы переплетаются с повседневной жизнью.

Как подчеркивал Эрик Аллардт (Allardt, 1997), социология не создает и не может создавать новые культурные формы. Но она может указывать на существующие институциональные альтернативы. Когда эта способность соединяется с осознанием специфичности исторического процесса в каждом обществе, становится ясно, что наивное просвещение и всеобъемлющая постмодернистская ирония — это слишком легкие решения проблемы.

Левое движение

Какие выводы из советской истории и современной российской ситуации может сделать радикальное левое движение? Существует два прямолинейных и на удивление популярных взгляда на происходящее. Движение по-прежнему стремится спасти идею социализма. Как будто и не было распада советской системы (см.: Lane, 1996). На Западе троцкисты умывают руки. Что мы говорили? К нам это не имеет никакого отношения! Но есть и другие выводы, подобные тем, которые делает Мартин Малайя (Malia, 1994). Если верить его точке зрения, социализм умер, раз и навсегда. Гибель СССР, считает он, повлекла за собой гибель коммунизма, социализма и западной социал-демократии.

Что касается меня, то я считаю, что радикальное левое движение представляет собой культурный проект, главный потенциал которого лежит в рефлексирующей позиции относительно собственной стратегии, а также ее непреднамеренных последствий.

Советский Союз был проектом немалого масштаба, ставившим целью построить определенный образ жизни. Это была настоящая революция. Его непреднамеренные последствия подчеркивают ограничения и противоречия, содержащиеся в первоначальных планах. От этого проекта нельзя отмахнуться как от досадной осечки, но нельзя в свете случившегося создавать новый социалистический или марксистский проект на старом фундаменте.

Западная социал-демократия была одним из самых масштабных движений двадцатого века, выступавших за социальные ре-

формы. В проведении этих реформ она полагалась на государство. В каком-то смысле анти-идеологический прагматизм социал-демократии предполагал деконструкцию первоначального кода. Однако при этом социал-демократии явно не хватало рефлексивного подхода к собственной традиции.

Иногда радикальное левое движение демонстрировало склонность к фундаментализму, возвращению назад к основам, к неизменным фактам прошлого. Посмотрите хотя бы на троцкистов, маоистов или радикальных социал-демократов. В Советском Союзе в хрущевскую эпоху предпринимались попытки вернуться к первоначальному большевистскому проекту. Сходные мотивы звучали и в ходе перестройки. Эти проекты почти всегда сталкивались с проблемами, даже если за рамками анализа оставались противоречия внутри рабочего движения. Подобная позиция приводила к сохранению табуированных зон общества, к отсутствию открытого обсуждения непреднамеренных последствий и проблем проекта. Такому рабочему движению нужны были только нерассуждающие преданные сторонники. Оно не нуждалось в конкретном социологическом анализе собственной природы и последствий собственных действий.

Каковы же могут быть последствия деконструкции священных кодов рабочего движения? Прежде всего, такая деконструкция означает осознание обратной стороны собственной традиции, сознательный отказ от замалчивания фактов и табу. Как это ни странно, но после распада СССР радикальное левое движение хранит полное молчание. А нужна деконструкция в духе просвещения и иронии.

Более не существует единого левого проекта. Вместе с тем, существуют вопросы, общие для всего левого движения, касающиеся оправдания различных форм собственности, демократии на рабочем месте, ограничения власти денег, неравенства в системе образования. Эти проблемы нам не решить, если мы остаемся заложниками традиционных дуалистических подходов.

Россия

Недавно группа видных российских интеллектуалов опубликовала книгу под названием «Иное» (Чернышев, 1995). Группа авторов этой монографии включала в себя в основном социологов и философов, занимающихся поиском новой российской идентичности. В книге представлено немало умных, интересных

статей, посвященных путям экономического развития, российскому национализму, имперской идее в российской политике, России как евразийской цивилизации.

В своей статье редактор книги Сергей Чернышов рассматривает Россию как особую модель или форму общества. В то время как Запад ставит во главу угла развитие цивилизации, а Третий мир — традицию, российский путь основан на культуре. Автор считает, что Россия может повести за собой страны, черпающие силу из того же источника (такие, как страны Латинской Америки и арабские страны). Однако вполне возможно, что она сама сейчас нуждается в новой системе ценностей.

Авторы книги считают, что их работа — это важный исторический шаг вперед. В первые годы советской власти диссидентствующих профессоров сажали на «философский пароход» и выпроваживали за рубеж. «Иное» — это возвращение этого парохода, начало новой дискуссии на новых основаниях. Лейтмотив этой дискуссии очень схож с точкой зрения, высказанной Юрием Лотманом и рассмотренной мною в главе, посвященной культуре. Речь идет о дуальности российской культуры. Критикуя авторов другой книги «Иного не дано», Чернышов и другие утверждают, что существует выход из этой дуальности, которого можно достичь, создав для России новую систему ценностей. Они считают, что Россия уже идет по этому пути.

Я хотел бы не согласиться с этим. Моя книга показывает, почему я не согласен с такой оценкой. Любая попытка деконструировать особую дуальность российской истории вряд ли увенчается успехом, даже если создать новую систему ценностей. Как я пытался показать, великая трагедия российской истории состоит в том, что третий путь уже здесь, рядом. Вот как пишет об этом Андрей Макин в своей книге «Французское свидетельство»:

«Да, я — русский. Сейчас я понимаю, хотя и смутно, что это означает. Это означает, что я несу в своей душе всех этих людей, охваченных печалью, эти сожженные деревни, эти озера, наполненные обнаженными мертвецами. Это значит быть в человеческом стаде, покорно взирающем на то, как его избивает тиран. Это — чувство ужаса от того, что соучаствуешь в этом преступлении. Это — острое желание снова оказаться в центре этих историй из прошлого, хотя бы только для того, чтобы стереть в них следы страдания, несправедливости, смерти. Да, хочется поймать черную машину на улицах Москвы и раздавить ее огромной ладонью. Затем с замиранием сердца смотреть на молодую жен-

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Схема построения фокусированного интервью

Биография. Ключевые решения и наиболее важные жизненные вехи.

- индивидуализация
- выбор супруга
- люди и институты, оказавшие влияние на решение о начале учебы

- выбор профессии
- воспитание детей, выбор школы
- стратегии экономического выживания
- отношение к потреблению, роскоши
- контакты с аппаратом власти, включая контакты вынужденного характера

— священное: что понимает под этим словом респондент, какой смысл, по мнению респондента, вкладывают в это понятие другие люди. Общественное/частное.

— что воспринимается как противоположность священному, как мирское, грязное

— что воспринимается как угроза

— официальная идеология и коллективная модель идеального (дисциплинированный рабочий); как респондент относится к собственным нормам

— источники смысла жизни

— отношение к официальной власти и официальной истине

— православные традиции: какие из них сохранены

— каким ритуалам следует респондент, какие ритуалы он рассматривает как наиболее важные во время празднования Нового Года, во время детских вечеров в школе

— существующие социальные связи, дружба

— политическая система, партии, отношение к различным партиям и т. д.

- профессия, степень вовлеченности в профессиональную деятельность, идентичность, смысл труда
- приватизация: участие и значение
- размышления о прошлом, нынешней ситуации и будущем
- что изменилось за последние годы — образы прошлого и будущего

М.

1
79
112

1:

111

11

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Классовый анализ как программа исследования

В последние годы велось немало споров о так называемой смерти классового анализа или, по крайней мере, об уменьшении его влияния (см.: Holton and Turner, 1989; Pahl, 1989; Crompton, 1991; Marshall, 1991; Mullins, 1991; Pahl, 1991; Goldthrope and Marshall, 1992; Clark and Lipset, 1991; Pakulski, 1993a; 1993b; Waters, 1994; Hout, Brooks and Manza, 1993; Clark, Lipset and Rempel, 1993; Holton and Turner, 1994; Saunders, 1995; Pakulski and Waters, 1996; Wright, 1997). В ходе этих споров приводилось множество различных аргументов, находящихся на разных уровнях абстракции. Начну с краткого изложения основных доводов, используемых критиками классового анализа, а далее отвечу на эти доводы. Чтобы моя позиция стала яснее, я введу ряд концептуальных различий, проливающих свет на нынешнее состояние исследования классов. Я не собираюсь утверждать, что вся критика классового анализа совершенно необоснованна. Однако, если эта критика действительно ставит целью выявить реальные теоретические и эмпирические проблемы, не получившие до сих пор своего разрешения, то она должна с самого начала определить, что в действительности понимается под классовой теорией или классовым анализом, и что различные критические точки зрения означают применительно к изучению стран Восточной Европы. Мое изложение критических точек зрения ставит целью выявить основные линии аргументации. Наибольший вклад в критику классового подхода внесли Рей Паль (в Великобритании), Терри Никольс Кларк и Сеймур Мартин Липсет (в полемике на страницах журнала «International Sociology»). Ян Пакульски и Малькольм Уотерс недавно начали яростное наступление на понятие класса как таковое (Pakulski and Waters, 1996). Основными защитниками классового анализа являются Джон Голдторп, Гордон Маршалл (в Великобритании), Эрик Райт и Майк Хаут (в США). В полемике, развернувшейся в Германии, любопытную точку зрения

представляет Ульрих Бек, заявляющий о уменьшении актуальности классов в жизни общества (Beck, 1986).

С точки зрения Кларка и Липсета, наиболее важным инструментом, позволяющим оценить значимость класса в жизни общества, является идея поляризации в ходе становления классов: чем более поляризованным является классовая структура (имеются в виду различия в позиции на рынке труда), тем большее влияние оказывают классы на политические и культурные модели (Clark et al., 1993, 295). Кроме того, классовая иерархия становится все более значимой, если и другие иерархии в обществе складываются по классовому признаку.

Согласно критикам, значимость классов неизбежно уменьшается вследствие развития некоторых исторических тенденций. Ключевыми историческими процессами, меняющими природу классового общества, являются становление государства всеобщего благосостояния, растущий уровень жизни и увеличивающаяся значимость рынков. Другая идея, тесно связанная с предыдущей, заключается в следующем: по мере роста изобилия различия стилей жизни между классами неизбежно уменьшаются. Более сложная цепь рассуждения приходит к схожим выводам: по мере роста уровня жизни люди начинают воспринимать некоторые из основополагающих благ, которыми они обладают, как данность. Это, в свою очередь, подстегивает процесс становления политических предпочтений, базирующихся на стилях жизни. Такая тенденция подрывает базу экономического детерминизма и повышает значимость культурного и социального фактора. Рассуждая на данную тему, Ульрих Бек выстраивает изящную цепь аргументов. Он отмечает, что в период после Второй мировой войны по мере роста благосостояния многие рабочие смогли приобрести автомобили. В опыте этих людей факт покупки собственного автомобиля важнее, чем то, что у других (у среднего класса) автомобили лучше. Благосостояние подрывает иерархии и коллективизм и, одновременно, усиливает индивидуализм (Beck, 1986).

Основные эмпирические аргументы критиков выглядят следующим образом:

1. Исследования социальной мобильности показали, что образование и доход родителей оказывают меньшее влияние на успешность профессиональной карьеры детей, чем прежде.
2. Голосование по классовому признаку переживает период

упадка. Это означает, что классы оказывают меньшее влияние на сферу политики, чем прежде.

Исследователи классовой структуры ответили на эти аргументы результатами своих эмпирических исследований, свидетельствующими в пользу иных теоретических моделей.

Существуют разные точки зрения на различия стилей жизни между классами. Некоторые теоретики пытаются игнорировать эту проблему, заявляя, что в основном речь в данном случае идет о различиях статусного характера; любое сближение классов — это следствие сближения между ними в этом статусном измерении (Hout et al., 1993). Однако отношения между классом и статусом все же более сложны. Попытка Хаута полностью развести статус и класс выглядит слишком банальной по сравнению с концепцией Бурдьё, с ее анализом структурных причинно-следственных отношений между классовой структурой, диспозициями и жизненными практиками. Опираясь на работы Элиаса и Веблена, Бурдьё создает концепцию постоянно меняющихся социальных различий, порожденных классовой структурой. Согласно Бурдьё, выбор стиля жизни почти всегда сводится к социальным различиям. Когда люди выбирают одежду, духи, привычки или друзей, они всегда ориентируются (в основном бессознательно) на определенные различия, классифицируя вещи и явления на хорошие и плохие, высокие или низкие, свидетельствующие о бедности или богатстве (Bourdieu, 1979). Эти различия не сводятся к свободному выбору стиля. На них оказывает влияние классовая структура. Высшие классы подчеркивают свое отличие от других групп. Средний класс утверждает свою «культурную» волю. Рабочий класс, как правило, выбирает то, что необходимо. Внешние проявления различий постоянно меняются. В то время как рабочий класс приучается к лыжам, средний класс уже ходит под парусом по Средиземному морю. Вся область различий между группами находится в центре многих проектов, ориентированных на сбор эмпирической информации.

Классовая основа социальной мобильности и голосования на выборах — это еще один сложный, многоуровневый вопрос, по-разному решаемый на разных уровнях анализа. В обоих измерениях можно провести различия между относительными и абсолютными характеристиками. Абсолютная мобильность выражается через количество людей, перемещающихся из одного класса в другой. Относительная мобильность указывает на уровень перемещений между классами после того, как за скобки выведе-

но изменение статусной позиции, колебания численности классов (маргинальные изменения). При такой постановке вопроса становится очевидным, что и относительная классовая мобильность и электоральное поведение остались без изменений. Иными словами, несмотря на то, что средний класс вырос, а рабочий класс стал меньше, относительные возможности социального продвижения, а также классовые основы голосования на выборах не меняются в течение десятилетий. Большинство исследователей классов приходит к выводу о том, что классовые отношения оказываются на редкость стабильными: в западных странах объяснения требуют на столько влияние на классы социальных изменений, а удивительная устойчивость классовой структуры в условиях быстрых изменений (Goldthorpe and Marshall, 1992, 393; Hout et al., 1993). Потребности классового анализа в Восточной Европе имеют, разумеется, совершенно иной характер.

Однако критика классового подхода затрагивает не столько вопросы формирования классовой структуры, сколько такую проблему как социальные интересы и групповое сознание. Согласно Палю, исследования классов изначально полагают, что «экономические обстоятельства различных классовых категорий ведут их к осознанию того факта, что они находятся в ситуации угнетения, отсталости и эксплуатации, что обосновывается логикой детерминизма» (Pahl, 1989, 711). В то же время жизненные стили и потребительские ориентации людей не рассматриваются с точки зрения их позиции в сфере производства. Если символом промышленного капитализма девятнадцатого века была заводская труба, то символом двадцатого века для Европы и США стал супермаркет. Паль полагает, что нет смысла создавать масштабные теоретические построения, обосновывающие электоральную приверженность того или иного класса капитализму или социализму. В конце концов, голосование людей определяется более практическими нуждами, такими как доступ к системе здравоохранения и образования, жилищные условия, потребление в кредит и так далее.

Далее Паль утверждает, что основной причиной различий между классами в уровне смертности (чему есть огромное число эмпирических доказательств) связаны с множеством разных процессов, которые нужно отделять друг от друга. В число этих процессов входят неблагоприятные жилищные условия, нездоровые привычки в сфере питания, условия труда и другие культурные и экономические факторы. Использование класса в каче-

стве объясняющей переменной может, утверждает он, рождать заблуждения.

Согласно Кларку и Липсету, старая классовая политика опиралась на собственность на средства производства и контроль над ними. В то же время политическая программа новых левых ставит во главу угла «социальные вопросы». Однако многие текущие острые проблемы никак не связаны с классовыми интересами. Они касаются деградации окружающей среды, проблем войны и мира, гражданских прав или же (в коммунистических режимах прошлого) призывов к развитию демократии. Кларк и Липсет допускают, что разные классы демонстрируют разный уровень активности по отношению к названным проблемам, даже несмотря на то, что эти проблемы не связаны с классовыми различиями.

Становится, однако, возможным определить в политической сфере наиболее активный социальный класс. Таковым является средний класс, исповедующий финансовый консерватизм, встающий против чрезмерного налогового бремени. Эта ситуация, однако, вряд ли впишется в марксистскую теорию классов потому, что данный класс выделяет себя только по уровню дохода и не обладает «общим рыночным опытом», а также общим классовым сознанием (поскольку он действует, прежде всего, посредством голосования), не стремится к захвату власти и жаждет только уменьшения вмешательства государства в экономику. Более того, политика этого класса подрывает старую «классовую политику» более низких социальных классов, а это, в свою очередь, означает, что меняется содержание классовой политики в целом.

Голдторп и Маршалл рассматривают классовый анализ главным образом как одну из исследовательских программ. Их подход схож с подходом Лакатоса (Lakatos, 1972).

«Классовый анализ, так, как мы его понимаем, касается главным образом исследования взаимоотношений между классовыми структурами, социальной мобильности, неравенства и действия, порождаемого существованием классов. Более конкретно, мы изучаем позиции, порождаемые отношениями найма на рынке труда, на производственных предприятиях в разных отраслях экономики. Мы изучаем процессы, посредством которых индивиды и их семьи распределяются и перераспределяются между этими позициями в течение разных отрезков времени. Мы исследуем последствия этого для жизненных шансов и социальной идентичности, интериоризируемой ими, а также общественные ценности и интересы, к которым они стремятся (Goldthorpe and Marshall, 1993, 382).

Эта исследовательская программа, продолжают Голдторп и Маршалл, создает рамки, в которых становится возможным создавать конкурирующие теории, а затем оценивать их эвристический и объяснительный потенциал.

Многие выступления, подвергающие критике классовый анализ, направлены против некоторых версий марксистской классовой теории. Голдторп и Маршалл делают существенный акцент на различиях между классовым анализом как исследовательской программой и марксистской социологией. Из классового анализа, утверждают они, не вытекает необходимость жесткой приверженности какой-либо концепции. Это означает, что классовый анализ может рассматриваться как проект более ограниченного интеллектуального и политического масштаба, чем это принято считать в марксистской традиции. Согласно Маршаллу и Голдторпу, названные ограничения могут быть сведены к следующим четырем пунктам:

1. Классовый анализ не поддерживает тезиса о том, что классовая борьба является локомотивом истории. У рабочего класса нет «исторической задачи» свергнуть капитализм. Структура классов и классы как акторы в разных странах представлены по-разному. Уже в силу этого им отводятся разные роли в реализации стремления той или иной страны к модернизации.

2. Классовый анализ не предполагает обязательной приверженности трудовой теории стоимости или другой теории, полагающей, что все отношения между классами неизбежно являются отношениями эксплуатации. Существуют конфликты между классами, но взаимодействие классовых интересов не обязательно является взаимоисключающей игрой с нулевой суммой. Это может быть и игра с позитивной суммой, рождаемой общностью интересов.

3. Классовый анализ не предполагает приверженности «модели Зимнего Дворца» или же «коллективных действий рабочего класса», базирующихся на солидарности по месту работы или жительства. Вместо этого ставится цель показать условия, при которых классовые действия рассматриваются как возможные.

4. Классовый анализ не тождественен редукционистской теории политического действия. Нахождение на той или иной классовой позиции рождает только потенциальные интересы. Вопрос о том, как проявляются классовые интересы и в какой степени их затмевают интересы другого плана, зависит от структурных особенностей социальной идентичности, характерной для народных

масс. Демографические идентичности классов, и, в частности, фактор поколенческой устойчивости классовых позиций играет важную роль в формировании таких типов идентичности, однако ключевая роль принадлежит и политическим партиям, их идеологиям, программам и стратегиям.

В целом можно сказать, что классовый анализ не предполагает приверженности какой-либо общей теории классов, и, в еще меньшей степени, общей теории исторического процесса. Существуют, однако, три основных требования, выдвигаемые в отношении концептуальных оснований классового подхода, сбора и анализа эмпирических данных.

1. Концептуальная аккуратность. Если концепции не совпадают, если классовые границы описываются несколько по-разному в разных классовых теориях, это не означает, что, отметив это, нужно прекратить полемику. Напротив, в том, чтобы определить степень актуальности и точности различных теорий как раз и состоит основная задача классового анализа.

2. Подлинно многомерный анализ. Никому и в голову не придет утверждать, что одни и те же причины непосредственно определяют низкий уровень образования, выбор той или иной партии на выборах или хронический бронхит. Однако, если эти характеристики чаще всего встречаются в рядах рабочих, то это лишь подчеркивает важность классового анализа, а не снижает её.

3. Во всех видах анализа должно присутствовать временное измерение. Маршалл и его коллеги предупреждали нас об опасности дуализма в подходах, в рамках которого противопоставлены друг другу сплоченный классовой солидарностью пролетариат времен классовых антагонизмов и атомизированный, ориентированный на потребление пролетариат сегодняшнего дня. Существует немного данных, свидетельствующих в пользу такого подхода в исторических или социологических исследованиях.

Я согласен с тремя вышеизложенными требованиями к точности проводимых исследований, выдвинутыми Голдторпом и Маршаллом. Но несмотря на обоснованность сказанного ими, нельзя не видеть, что их исследовательской программе угрожает эмпиризм. Как подчеркивает Паль, в этой программе не выдвигалось ни одного сколько-нибудь точного теоретического обоснования выявляемых ими классов. Голдторп и Маршалл убедительно объясняют, почему классовые исследования не должны базироваться на теории эксплуатации. И в самом деле, теории взаимоотношения между классом и эксплуатацией не могут по-

лагаться даже на теорию Маркса, поскольку его анализ процесса производства не рождает убедительных доказательств того, что среди наемных работников господствуют отношения эксплуатации (Kivinen, 1989, 51). Попытка Голдторпа теоретически объяснить структуризацию классов посредством отсылки к концепции «класса служащих» не слишком убедительна (см.: Kivinen, 1987; 1989, 356). Голдторп проводит различия между «отношениями служб» и «трудовым договором», а также утверждает, что последний содержит в себе особый элемент доверия и приверженности капитализму. Однако, постулирование этого элемента остается достаточно туманным актом в отсутствие концептуализации этих процессов, ведущих к возникновению в обществе межорганизационной сферы принятия решений и соответствующих управленческих позиций, а также сферы умственного труда. В свою очередь концептуализация требует исследования трудового процесса и взаимоотношений между классами. Самыми важными инструментами, служащими этим целям, являются властные ресурсы и стратегии, используемые в «производственной политике» (Kivinen, 1989). В программе Голдторпа понятия классовой теории превращаются в постулирование антиисторичного идеального типа. Это происходит в тот момент, когда остро ощущается потребность в ином виде анализа, фокусирующего внимание на социальных связях классов и трудовом процессе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Операционализация классовой структуры русского общества

Переменные, описывающие классовую структуру русского общества, представлены в материалах русского исследования следующим образом:

1. Отправной точкой анализа является сочетание умственного труда и его автономии применительно к управленческим позициям. Это позволяет нам преодолеть основные аномалии схемы Эрика Райта. Показатель авторитета (который в этом контексте характеризует любую управленческую позицию, обозначенную классовой схемой Райта) уточняет внутреннюю дифференциацию различных форм умственного труда (см.: Kivinen, 1989; особ. с. 43). Этот тип операционализации очевидно чреват целым рядом проблем. Точная операционализация критериев исторического класса должна базироваться на широком сравнительном и историческом анализе профессионализации, управленческих стратегий и организации труда. Это, однако, невозможно осуществить в рамках одного эмпирического проекта.

2. Операционализация, выполняемая нами, начинается с определения типов автономии труда на основе профессиональных характеристик. Уровень автономии и положение в управленческой иерархии применяются в качестве дополнительных критериев. Важно подчеркнуть, что дополнительные критерии включаются в процесс анализа в разных формах в зависимости от типа автономии. Далее приводятся правила операционализации на основе подробной классификации профессий. В этой связи необходимо также сконструировать новые типы автономии.

Автономия труда в области науки и техники

— инженеры и тесно связанные с ними профессии (001—024)

— техники и тесно связанные с ними профессии (025—039 или 903)

Эти категории составляют ядро нового среднего класса, но только в том случае, если они занимают какую-либо позицию в управленческой иерархии. Если они не занимают такой позиции, то они включаются в маргинальную группу.

Профессиональная автономия

- научные работники (040—057)
- врачи (061—069)
- гуманитарии (090—110)
- учителя (115—134)
- официальные лица в сфере искусства, средств массовой информации и так далее (159—190)

Далее используются те же правила классификации, что и выше.

Автономия труда в сфере торговли

- продавцы и так далее (420—436)
- работники буфетов (695)
- официанты/официантки (699)
- парикмахеры (707)

Те, кто занимает какое-либо положение в управленческой иерархии, включаются в привилегированные группы; другие относятся к рабочему классу.

Автономия умственного труда

- работники, выполняющие рутинные функции и функции хранения информации (439—466); NB: категория 439 не может использоваться напрямую потому, что в ней есть одно важное исключение (470—490)
- администраторы гостиниц (710)

Те, кто выполняет управленческие задачи, включаются в привилегированные группы; другие относятся к рабочему классу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анципский Л.* Монологи бывшего сталиниста // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Антонов-Овсеенко А.* Театр Иосифа Сталина // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Баткин Л.* Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Беляева Л. А.* Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10.
- Бухарин Н.* Теория исторического материализма. М., 1924.
- Вольский А.* Умственный рабочий. Нью-Йорк, 1968 (репринт, 1905).
- Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.
- Глезерман Г. Е.* Переход от социализма к коммунизму и стирание классовых граней. От социализма к коммунизму. М., 1962.
- Гозман Л., Эткинд А.* Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Евтушенко Е.* Сталинизм по Платонову // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Игитханиян Е. Д., Кирх А. В.* Важные проблемы в развитии социальной структуры советского общества // Социологические исследования. 1982. № 1.
- Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в капитале Маркса. М., 1960.
- Капустин М.* К феноменологии власти. Психологические модели авторитаризма: Грозный — Сталин — Гитлер // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Кара-Мурза С.* Россия в треугольнике: Этнократия — империя — пафия // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред. Чернышев С. Б. М., 1995.
- Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 134—141.
- Козлова Н. Н.* Упрощение — знак эпохи // Социологические исследования. 1990. № 7.
- Кугель С. А.* Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1968.
- Лацис О.* Сталин против Ленина // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Маяковский В.* Владимир Ильич Ленин. М., 1976.

- Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Пашуканис Й. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1924.
- Разумовский И. Проблемы марксистской теории права. М., 1925.
- Разумовский И. Философия и юридическая теория // Под знаменем марксизма. 1926. № 12.
- Рейснер М. А. Государство. М., 1911.
- Романов П. Российская промышленность вступила в эпоху банкротств. // Restructuring of Managment and Industrial Relations in Russia. December 1994. № 4—7.
- Русских Б. Г. Престиж профессии служащих — неспециалистов как один из факторов управления развитием социальной структуры общества. М., 1983.
- Руткевич М. Н. О понятии социальной структуры // Социологические исследования. 1978. № 4.
- Руткевич М. Н. Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968.
- Сарнов Б. Сколько весит наше государство // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Седов Л. И жрец и жнец. К вопросу о корнях культа Вождя // Осмыслить культ Сталина / Ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Семенов В. С. Преобразования в рабочем классе и интеллигенции в процессе перехода к коммунизму. Из истории рабочего класса СССР. Л., 1962.
- Сталин И. В. Собр. соч. Т. 11. 1928 — март 1929. М., 1954.
- Сталин И. В. Собр. соч. Т. 13. Июль 1930 — январь 1934. М., 1955.
- Филиппов Ф. Р. Региональные проблемы социальной мобильности. М., 1991.
- Черноволенико В. Ф. и др. Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости. Киев, 1984.
- Чернышов С. Б. (Ред.) Инос. Хрестоматия нового русского самосознания. М., 1995.
- Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970.
- Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.
- Ядов В. А. (Ред.) Социология в России М., 1966.
- Abercrombie N. and Urry J. Capital, Labour and the Middle Classes. London, 1983.
- Ahrne G. and Wright E. O. Class and Social Organisation in the United States and Sweden: A Comparison // Acta Sociologica. 1983. № 3—4.
- Aitov N. A. The Dynamics of Social Mobility in the USSR // The Social Structure of the USSR. Recent Soviet Studies / Ed. Yanowitch M. New York, 1986. P. 254—270.
- Alapuro R. Kansalaisyhteiskunnan mahdollisuudet Venäjällä // Itä-Euroopan murros ja Suomi / Ed. Piirainen T. Gaudeamus, Tampere, 1993.
- Alapuro R. Suomen älymystö Venäjän varjossa. Helsinki, 1997.
- Allardt E. Yhteiskunnan rakenne ja sosiaalinen paine. Porvoo, 1964.

- Allardt E.* Työttömyys: uusien yhteiskuntatieteellisten tutkimusotteiden tarve // *Sociologia*. 1997. № 4.
- Althusser L.* Lenin and Philosophy and other Essays. London, 1971.
- Anderson B.* Imagined Communities. London, 1983.
- Arppe T.* Pyhän jännökset. Ranskalaisia rajanylityksiä // Mauss, Bataille, Baudrillard. Helsinki, 1992.
- Bachrach P. and Baratz M. S.* Two Faces of Power // *American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. P. 947—952.
- Bachrach P. and Baratz M. S.* Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // *American Political Science Review*. 1963. Vol. 57. P. 641—651.
- Bachrach P. and Baratz M. S.* Power and Poverty: Theory and Practice. Oxford, 1970.
- Barber J.* Working Class Culture and Political Culture in the 1930s // *The Culture of the Stalin Period* / Ed. Günther H. London, 1990.
- Bataille G.* Eroticism. London and New York, 1987.
- Bauman Z.* Intellectuals in East-Central Europe: Continuity and Change // *In Search of Central Europe* / Eds. Sciflin G. and Wood N. Cambridge, 1989.
- Beauvoir S.* Mandarins. 1991.
- Beck U.* Risikogesellschaft: auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986.
- Bell D.* The Coming Crisis of Post-Industrial Society. New York, 1973.
- Bellah R. N.* Beyond Belief. Essays on Religion in a Post-Traditional World. New York, 1970.
- Bellah R. N. and Hammond P. E.* Varieties of Civil Religion. New York, 1980.
- Berdjajev N.* The Origin of Russian Communism. London, 1937.
- Berle A. A. and Means G. C.* The Modern Corporation and Private Property. New York, 1932.
- Bernstein B.* Class, Codes and Control I. Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London, 1971.
- Biziukov P. and Clarke S.* Privatization in Russia — the road to a people's capitalism // *Monthly Review*. 1992. Vol. 44. № 6.
- Blom R.* Class Differences in Consciousness and Reproduction in Baltics // *The Kalamari Union. Middle Class in East and West* / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.
- Blom R. and Kivinen M.* Analytical Marxism and Class Theory // *Organization Theory and Class Analysis. New Approaches and New Issues* / Ed. Clegg S. R. Berlin and New York, 1990.
- Blom R. et al.* Divergent Patterns of Change. Tampere, 1989.
- Blom R., Kivinen M., Melin H. and Rannik E.* Structuration of Work Situation in Finland and Soviet Estonia // *International Sociology*. 1991. № 3.
- Blom R., Kivinen M., Melin H. and Rantalaiho L.* The Scope Logic Approach to Class Analysis. A Study of the Finnish Class Structure. Aldershot, 1992.
- Bomse O.* From Socialist Norms and Sanctions to the Market Economy. Paper presented at the 10th EGOS Colloquium in Vienna, Austria, July 15—17. 1991.
- Bourdieu P.* Distiction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London and New York, 1984.

- Borisov V.* Talousuudistus ja lakko työläisten aktiivisuuden muotona — esimerkkinä Donbassin lakko kesäkuussa 1993 // *Idäntutkimus*. 1995. Vol. 2. P. 32—43.
- Braverman H.* Labor and Monopoly Capital. New York, 1974.
- Brodsky J.* Less than one. Selected essays. Harmondsworth, 1986.
- Browning G. K.* Women and Politics in the USSR. Consciousness Raising and Soviet Women's Groups. New York, 1987.
- Bruce-Briggs B.* (Ed.) The New Class. New Brunswick, 1979.
- Burawoy M.* Manufacturing Consent. Chicago, 1977.
- Burawoy M.* Politics of Production: Factory Regimes under Capitalism and State Socialism. London, 1985.
- Burawoy M.* The Radiant Past. Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism. Chicago, 1992.
- Burawoy M. and Lukacs J.* Mythologies of Work. A Comparison of Firms in State Socialism and Advanced Capitalism // *American Sociological Review*. 1986. № 6.
- Burnham J.* The Managerial Revolution or What is Happening in the World Now. London, 1945.
- Bystrova A.* The Fate of Party Functionaries in Post-Soviet Russia // *The Kalamari Union. Middle Class in East and West* / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.
- Bäckman J.* Venäjän organisoitu rikollisuus // Oikeuspoliittisen tutkimuslaitoksen julkaisu. 137. Helsinki, 1996.
- Bäckman J.* New Russians and Social Change // *The Kalamari Union. Middle Class in East and West* / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.
- Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen Of St. Brieuc Bay // *Power Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* / Ed. Law J. London, 1986.
- Callon M. and Latour B.* Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macrostructure Reality and Sociologists Help Them to Do So // *Advances in Social Theory and Methodology: Towards an Integration of Micro- and Macro-Sociologies* / Eds. Knorr-Cetina K. D. and Cicourel A. London, 1981.
- Chernysh M.* The Middle Class and Civil Society // *The Kalamari Union. Middle Class in East and West* / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.
- Chernyshevsky N.* What Is to Be Done? Cornell University Press, 1989.
- Chomsky N.* American Power and the New Mandarins. New York, 1969.
- Clark R. and Lipset S. M.* Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. 1991. Vol. 6. № 4. P. 397—410.
- Clark T., Lipset S. and Rempel M.* The Declining Political Significance of Social Class // *International Sociology*. 1993. Vol. 8. № 3. P. 279—293.
- Clarke S.* (Ed.) The State Debate. Basingstoke, 1991.
- Clarke S.* Privatization and the Development of Capitalism in Russia // *New Left Review*. 1993(a). № 196.
- Clarke S.* The Contradictions of State Socialism // *Clarke S. et al.* What about the Workers. Workers and the Transition to Capitalism in Russia. London, 1993(b).
- Clarke S.* (Ed.) Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition. Aldershot, 1995.

- Clarke S.* (Ed.) *Conflict and Change in the Russian Enterprise*. Edward Elgar. Aldershot, 1996.
- Clarke S. and Kabalina V.* *Privatisation and the Struggle of Control of the Enterprise in Russia*. Paper for Conference on Russia in Transition: Elites, Classes and Inequalities. Cambridge, 15.—16.12.1994.
- Clegg S.* *Frameworks of Power*. London, 1989.
- Clement W. and Myles J.* *Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies*. Montreal and Kingston, 1994.
- Cohen J.* *Class and Civil Society. The Limits of Marxian Critical Theory*. Oxford, 1982.
- Cohen J.* *Civil society and political theory // Cohen J. and Arato A. Studies in contemporary German social thought*. Cambridge, Mass., 1994.
- Colletti L.* *From Rousseau to Lenin. Studies in Ideology and Society*. New York, 1974.
- Collins R.* *The Durkheimian Tradition in Conflict Sociology // Durkheimian Sociology: Cultural Studies / Ed. Alexander J. C. Cambridge, 1988.*
- Crenson M. A.* *The Un-politics of Air Pollution: A Study of Non-Decisionmaking in the Cities*. Baltimore, 1971.
- Crompton R.* *Three Varieties of Class Analysis: Comment on R. E. Pahl // International Journal of Urban and Regional Research*. 1991. Vol. 15. P. 108—113.
- Dahl R. A.* *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven, 1961.
- Daniels R. V.* *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Cambridge Mass., 1960.
- Davies K. and Moore W.* *Some Principles of Stratification // American Sociological Review*. 1945. Vol. 10. P. 242—249.
- Davis H. and Scuse R.* *Western Capitalism and State Socialism*. London, 1985.
- Djilas M.* *The New Class*. 1983.
- Dostoyevsky F.* *The Possessed*. Harmondsworth, 1962.
- Douglas M.* *Purity and Danger. An Analysis of the Concept of Pollution and Taboo*. London, 1994.
- Dunham V. S.* *In Stalin's Time: Middle-class Values in Soviet Fiction*. Westford, Mass., 1974.
- Durkheim E.* *The Elementary Forms of Religious Life*. New York, 1995.
- Ehrenreich B. and Ehrenreich J.* *The Professional-Managerial Class // Between Labour and Capital / Ed. Walker P. Hassocks, Sussex, 1979.*
- Elster J.* *Self-realisation in work and politics: the Marxist conception of the good life // Alternatives to Capitalism / Eds. Elster J. and Moene K. O. Cambridge, 1989. P. 127—158.*
- Enteen G.* *Robert V. Daniel's Interpretation of Soviet History // The Russian Review*. 1995. Vol. 54. P. 315—329.
- Fairbrother P.* *A Russian Middle Class in Formation? Social Strata and Sectional Trade Unionism in the Aviation and Coal Industries // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.*
- Farber S.* *Before Stalinism. The Rise and Fall of Soviet Democracy*. London, 1991.

- Feher F. and Arato A.* (Eds.) *Gorbachev. The Debate.* Oxford, 1989.
- Fein H.* *Genocide. A Sociological Perspective.* New York, 1993.
- Filtzer D.* *Soviet Workers and Stalinist Industrialization.* London, 1986.
- Fitzpatrick S.* *The Russian Revolution.* Oxford, 1982.
- Flatow S. von and Huisken F.* *Zum Problem der Ableitung des bürgerlichen Staates // Probleme des Klassenkampfes.* 1973. № 7.
- Foucault M.* *Discipline and punish.* London, 1977.
- Foucault M.* *Governmentality. Ideology and Consciousness.* 1979. Vol. 6. P. 5—21.
- Foucault M.* *Disciplinary Power and Subjection // Power / Ed. Lukes S.* Oxford, 1986.
- Friedrich C. J. and Brzezinski Z. K.* *Totalitarian Dictatorship and Autocracy.* Cambridge, 1956.
- Frydman R., Rapaczynski A. and Earle J. S.* *The Privatisation Process in Russia, Ukraine and the Baltic States.* Budapest, 1993.
- Galbraith J. K.* *The New Industrial State.* Harmondsworth, 1967.
- Geertz C.* *Negara. The Theatre State in Nineteenth Century Bali.* Princeton, 1980.
- Geiger T.* *Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel.* Köln, 1949.
- Giddens A.* *The Class Structure of the Advanced Societies.* London, 1973.
- Giddens A.* *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration.* Cambridge, 1994.
- Giddens A.* *Beyond Left and Right.* Cambridge, 1995.
- Goldthorpe J.* *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain.* Oxford, 1980.
- Goldthorpe J.* *On the Service Class, its Formation and Future // Social Class and the Division of Labour / Ed. Giddens A. and Mackenzie G.* Cambridge, 1982.
- Goldthorpe J. and Marshall G.* *The Promising Future of Class Analysis. A Response to Recent Critiques // Sociology.* 1992. Vol. 26. № 3. P. 381—400.
- Gordon L. A. and Nazimova A. K.* *The Socio-Occupational Structure of Contemporary Soviet Society. Typology and Statistics // The Social Structure of the USSR. Recent Soviet Studies / Ed. Yanowitch M.* New York, 1986.
- Gouldner A. W.* *Marxism and Social Theory // Theory and Society.* 1/1974(a).
- Gouldner A. W.* *The Metaphoricality of Marxism and the Context-Freeing Grammar of Socialism // Theory and Society.* 1974(b). Vol. 4. P. 387—414.
- Gouldner A. W.* *Stalinism. A Study of Internal Colonialism. Telos* (Winter 1977—78). P. 5—48.
- Gouldner A.* *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class.* London and Basingstoke, 1979.
- Gouldner A. W.* *Against Fragmentation: The Origin of Marxism and the Sociology of the Intellectuals.* New York, 1985.
- Gramsci A.* *Selections from the Prison Notebooks.* London, 1971.
- Gronow J.* *On the Formation of Marxism. Karl Kautsky's Theory of Capitalism,*

The Marxism of the Second International and Karl Marx's Critique of Political Economy. Helsinki, 1986.

- Gronow J.* Luksus neuvostojen maassa eli kaviaarivoileivän arvoitus // Tiede ja Edistys. 1994. Vol. 19. P. 81—94.
- Grossman V.* Life and Fate. London, 1995.
- Habermas J.* The Theory of Communicative Action. London, 1984.
- Hegel G. W. F.* Elements of the Philosophy of Right. Cambridge, 1991.
- Hingley R.* The Russian Mind. New York, 1977
- Hirsch J.* Staatsapparat und Reproduktion des Kapitals. Frankfurt am Main, 1974.
- Holton R. and Turner B.* Max Weber on Economy and Society. London, 1989.
- Holton R. and Turner B.* Debate and Pseudo-Debate in Class Analysis: Some Unpromising Aspects of Goldthorpe and Marshall's Defence // Sociology. 1994. Vol. 28. № 3. P. 799—804.
- Hout M. and Brooks C. and Manza J.* The Persistence of Classes in Post-Industrial Societies // International Sociology. 1993. Vol. 8. P. 259—278.
- Huizinga J.* Keskiajan syksy. Elämän- ja hengenmuotoja Ranskassa ja Alankomaissa 14. ja 15. vuosisadalla. Juva 1989.
- Hunt L.* The Sacred and the French Revolution // Durkheimian Sociology. Cultural Studies / Ed. Alexander J. C. Cambridge, 1988.
- Hunter F.* Community Power Structure. Chapel Hill, 1953.
- Hyvärinen M.* Viimeiset taistot. Tampere, 1994.
- Härkönen M.* The Idea of Liberal-Democratic Civil Society. Manuscript, 1994.
- Ionesco E.* Rhinoceros // Plays 4. London, 1960.
- Israel J.* Alienation from Marx to Modern Sociology. New Jersey, 1979.
- Joutsenoja M.* Profession Janus-kasvot. Pohjois-Suomen sosiologien jatkokoulutusseminaarin esitelmä. 5.5.1992.
- Kagarlitsky B.* The Dialectic of Change. London, 1990.
- Kagarlitski B.* Hajonnut monoliitti. Helsinki, 1992.
- Kautsky K.* Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart, 1899.
- Keane J.* Democracy and Civil Society. London, 1988.
- Kivinen M.* Oikeusmuoto ja valtio — muotogeneettisen johtamisen rajoista // Sosiologia. 1977. № 5.
- Kivinen M.* Parempien piirien ihmisiä. Jyväskylä, 1987.
- Kivinen M.* The New Middle Classes and the Labour Process. Class Criteria Revisited. Department of Sociology, University of Helsinki, Research Report 223. Helsinki, 1989.
- Kivinen M.* Class Relations in Russia // Change and Continuity in Eastern Europe / Ed. Piirainen T. Aldershot, 1994(b).
- Kivinen M.* Russian Middle Class — Dying or Emerging. Paper presented at the VIIIth International Meeting of the Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness. 1—3 August 1997, Canberra, Australia.
- Kivinen M.* (Ed.) The Kalamari Union. Middle Class in East and West. Aldershot, 1998.
- Kivinen M. and Melin H.* The Soviet Class Structure. Some Preliminary Remarks. Paper presented at the VIth International Meeting of Comparative Project

on Class Structure and Class Consciousness, Grenada, Spain 23—26, July, 1991.

Kollontai A. Sexual Relations and the Class Struggle. Bristol, 1972.

Kortteinen M. Kunnian kenttä. Suomalainen palkkatyö kulttuurisena muotona. Helsinki, 1992.

Kryshchanovskaya O. The New Business Elite // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform / Ed. Lane D. Aldershot, 1992.

Laclau E. and Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London, 1985.

Lahti M. Vanhan Korpilahden historia. Jyväskylä, 1994.

Lakatos I. and Musgrave A. (Ed.) Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1972.

Lampert N. The Technical Intelligentsia and the Soviet State. A Study of Soviet Managers and Technicians 1928—1935. London and Basingstoke, 1979.

Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — the Soviet Case. Cambridge, 1981.

Lane C. The Impact of the Economic and Political System on Social Stratification and Social Mobility: Soviet Lower White-collar Workers in Comparative Perspective // Sociology. 1987. № 1.

Lane D. (Ed.) Elites and Political Power in the USSR. Aldershot, 1988.

Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform / Ed. Lane D. Aldershot, 1992.

Lane D. The Rise and Fall of State Socialism. Oxford, 1996.

Larson M. S. The Rise of Professionalism. Berkeley, 1977.

Lasch C. The True and Only Heaven. Progress and Its Critics. New York, 1991.

Latour B. Aramis. Ou l'amour des techniques. Paris, 1993.

Lenin V. I. The State and Revolution. Peking, 1970.

Lewin M. The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985.

Lonkila M. Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2.

Lotman J. M. and Uspenskii B. A. Binary Models in the Dynamics of Russian Culture (to the End of the Eighteenth Century // The Semiotics of the Russian Cultural History / Ed. Nakhimovsky A. D. and Stone-Nakhimovsky A. London, 1985.

Lukes S. Power. A Radical View. London, 1974.

Lukes S. Political Ritual and Social Integration // Sociology. 1975. № 9. P 289—308.

Läpple D. Staat und allgemeine Produktionsbedingungen. West-Berlin, 1973.

Makine A. Le Testament Français. Bungay, Suffolk, 1997.

Malia M. The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia 1917—1991. New York, 1994.

Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A. D. 1760. Cambridge, 1986.

Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States, 1760—1914. Cambridge, 1993.

Marcuse H. Soviet Marxism: A Critical Analysis. New York, 1969.

Marshall G. In Defence of Class Analysis: A Comment on R. E. Pahl //

International Journal of Urban and Regional Research. 1991. Vol. 15. P 114—118.

Marx K. The Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. New York, 1964.

Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. [A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right.] K. Marx and F. Engels: Werke. Erster Band. Berlin, 1968.

Marx K. and Engels F. The German Ideology // Collected works. Vol. 5. Moscow, 1976.

Marx K. Capital. Vol. 1. New York, 1976.

Medvedev R. Pages from the Political Biography of Stalin // Stalinism. Essays in Historical Interpretation / Ed. Tucker R. C. New York, 1979.

Melin H. Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysjohtajista Neuvostoliitossa ja Venäjällä // Acta Universitatis Tampereensis, ser. A Vol. 489. Tampere, 1996.

Melin H. Managerial Change in Estonia // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. Kivinen M. Aldershot, 1998.

Merton R. K. Science and Technology in a Democratic Order // Journal of Legal and Political Sociology. 1942. № 1.

Mills C. W. White Collar. The American Middle Classes. New York, 1956(a).

Mills C. W. The Power Elite. London and New York, 1956(b).

Mills C. W. The Sociological Imagination. New York, 1959.

Misztal B. Understanding Political Change in Eastern Europe: a Sociological Perspective // Sociology. 1993. Vol. 27. P 451—470.

Mlynar Z. Can Gorbachev Change the Soviet Union?: the International Dimensions of Political Reform. Boulder, Colo., 1990.

Mullins P. The Identification of Social Forces in Development as a General Problem Within Sociology // International Journal of Urban and regional Research. 1991. Vol. 15. P. 119—129.

Mäkinen H. Yhteiskunnan tieto. Akateeminen väitöskirja. Tampere, 1993.

Nikula J. From State-Dependency to Genuine Worker Movement? The Working Class in Socialism and Post-Socialism. Tampere University Press. Tampere, 1997.

Noro A. Muoto, moderniteetti ja «kolmas. Tutkielma Georg Simmelin sosiologiasta. Jyväskylä, 1991.

Noro A. Traditionaalinen ja kriittinen teoria // Sosiologisen teorian nykysuuntauksia. Helsinki, 1994.

Nove A. The Economics of Feasible Socialism. London, 1983.

Nove A. Socialism, Economics and Development. London, 1986.

Nove A. Stalinism and After — the Road to Gorbachev. London, 1989.

Oittinen V. Marxismi-leninismistä valtiopatriotismiin. Venäjän kommunistien aatteellinen kehitys // Venäjän ja Itä-Euroopan instituutin tiedonantoja ja katsauksia. 1995. № 2.

Ossowski S. Class Strucure in the Social Consciousness. London, 1969.

Ostrovsky N. How the Steel Was Tempered. Ann Arbor, 1988.

Ovsiannikov A. A. The Interconnection between Work and Consumption: A Provisional Typological Analysis // The Social Structure of the USSR.

- Recent Soviet Studies / Ed. Yanowitch M. New York, 1986.
- Pahl R. E.* Is the Emperor Naked? Some Questions on the Adequacy of Sociological Theory in Urban and Regional Research // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1989. Vol. 13. P. 709—720.
- Pahl R. R. E.* Pahl Replies // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1991. Vol. 15. P. 127—129.
- Pakulski J.* Bureaucracy and Soviet System // *Studies in Comparative Communism*. 1986. Vol. 19. P. 3—24.
- Pakulski J.* The Dying of Class or of Marxist Class Theory // *International Sociology*. 1993(b). Vol. 8. № 3. P. 279—292.
- Pakulski J.* Mass Social Movements and Social Class // *International Sociology*. 1993(a). Vol. 8. № 2. P. 131—158.
- Pakulski J. and Waters M.* The Death of Class. London, 1996.
- Parkin F.* Class Inequality and Political Order. Social Stratification in Capitalist and Communist Societies. London, 1971.
- Parkin F.* Marxism and Class Theory. A Bourgeois Critique. London, 1979.
- Parsons T.* The Professions and Social Structure // *Social Forces*. 1939. Vol. 17. P. 457—467.
- Parsons T.* The Social System. Glencoe, 1951.
- Parsons T.* On Building Social Systems Theory: A Personal History // *Daedalus*. 1970. № 4.
- Parsons T. and Shils E.* Values and Social Systems // *Towards a General Theory of Action* / Eds. Parsons T. and Shils E. Cambridge, Mass., 1951.
- Paschukanis J. B.* The Soviet State and the Revolution in Law // *Soviet Legal Philosophy*. New York, 1951.
- Piirainen T.* Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life. Aldershot, 1997.
- Platonov A.* The Foundation Pit. London, 1996.
- Poulantzas N.* Political Power and Social Classes. London, 1973.
- Radayev V. and Shkaratan O.* Etacratism, Power and Property — Evidence from Soviet Experience // *International Sociology*. 1992. Vol. 7. P. 301—316.
- Rejsner M. A.* The Theory of Petrazhitskij: Marxism and Social ideology // *Soviet Legal Philosophy*. New York, 1951.
- Rigby T. H.* Stalinism and the Mono-Organizational Society // *Essays in Historical Interpretation* / Ed. Tucker R. C. New York, 1979.
- Roemer J. E.* A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge, Mass., 1982(a).
- Roemer J. E.* New Directions in the Marxian Theory of Exploitation and Class // *Politics and Society*. 1982(b). № 3.
- Rutland P.* The Myth of the Plan. Lessons of Soviet Planning Experience. London, 1985.
- Rutland P.* Business Lobbies in Contemporary Russia // *International Spectator*. 1997. Vol. 32. P. 23—38.
- Sartorti R.* Stalinism and Carnival: Organisation and Aesthetics of Political Holidays // *The Culture of the Stalin Period* / Ed. Gunther H. London, 1990.

- Sartorti R.* «Grosser Führer, Lehrer, Freund und Vater» in der Fotografie // Führerbilder / Eds. Loiderdinger M., Herz R. and Pohlmann U. München, 1995.
- Sartre J.-P.* Socialism in One Country // *New Left Review*. November-January 1977.
- Saunders P.* Might Britain be a Meritocracy? // *Sociology*. 1995. Vol. 29. P. 23—41.
- Shils E.* The Intellectuals and the Powers and Other Essays. Chicago, 1972.
- Shils E.* Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.
- Shlapentokh V.* The politics of sociology in the Soviet Union. Boulder, Colo., 1987.
- Shlapentokh V.* Public and private life of the Soviet people: Changing Values in Post-Stalin Russia. New York, 1989.
- Shlapentokh V.* Soviet Intellectuals and Political Power: the Post-Stalin Era. Princeton, N. J., 1990.
- Sholokhov M.* Virgin Soil Upturned. Moscow, no date.
- Siegelbaum L.* Robert V. Daniels and the Longue Duree of Soviet History // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. P. 330—340.
- Smith P.* Codes and Conflict: Toward a Theory of War as Ritual // *Theory and Society*. 1991. Vol. 20. P. 103—118.
- Solzhenitsyn A. I.* The First Circle. Northwestern University Press, 1977.
- Solzhenitsyn A. I.* The Gulag Archipelago. Glasgow, 1974.
- Speier H.* German White-Collar Workers and the Rise of Hitler. New Haven, 1986.
- Srubar I.* War der reale Sozialismus moderne? Versuch einer strukturellen Bestimmung // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozial Psychologie*. 1991. № 3.
- Stark D.* Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe. Stanford, 1989.
- Stites R.* Revolutionary Dreams. Oxford and New York, 1989.
- Stites R.* Stalinism and the Restructuring of Revolutionary Utopianism // *The Culture of the Stalin Period* / Ed. Gunther H. London, 1990.
- Stushka P. I.* Die revolutionäre Rolle von Recht und Staat. Frankfurt am Main, 1969 (the original in Russian, 1924).
- Susiluoto I.* The Origins and Development of Systems Thinking in the Soviet Union. Political and Philosophical Controversies from Bogdanov and Bukharin to Present-day Re-evaluations. Helsinki, 1982.
- Susiluoto I.* Historian raskas taakka // *Sailas A., Susiluoto I. and Valkonen M.* Venäjä — jättiläinen tuuliajolla. Helsinki, 1996.
- Sutela P.* Neuvostotalouden vaikeat vuodet. Jyväskylän, 1987.
- Therborn G.* What Does the Ruling Class Do When It Rules? London, 1980.
- Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. Harmondsworth, 1968.
- Ticktin H.* 1973. Towards a Political Economy of the U.S.S.R. // *Critique*. 1994. № 1. P. 1—23.
- Tiryakian E. A.* From Durkheim to Managua: Revolutions as Religious Revivals // *Durkheimian Sociology: Cultural Studies* / Ed. Alexander J. C. Cambridge, 1988.

- Titma M.* On the Question of Social Differentiation in Developed Socialist Society // The Social Structure of the USSR. Recent Soviet Studies / Ed. Yanowitch M. New York, 1986.
- Tocqueville A.* Democracy in America. Repr. New York, 1974.
- Trotsky L.* Revolution Betrayed. What is Soviet Union and where it is going? London, 1979.
- Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary 1879—1929: A Study in History and Personality. London, 1974.
- Tucker R. C.* (Ed.) Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
- Tucker R. C.* Stalin in Power: The Revolution from above 1928—1941. New York, 1990.
- Turner V. W.* The Ritual Process. Chicago, 1969.
- Urry J.* The Anatomy of Capitalist Society. London, 1981.
- Vähämäki J.* Towards the Sociology of the Bomb. Pro gradu thesis. University of Tampere, 1989.
- Walzer M.* The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. Cambridge, Mass., 1965.
- Warner W. L.* The Living and the Dead. New Haven, 1959.
- Waters M.* Succession in the Stratification Order: A Contribution to the Death of Class Debate // International Sociology. 1994. Vol. 9. P. 295—312.
- Whitfield S.* Industrial Power and the Soviet State. Oxford, 1993.
- Willis P.* Learning to Labour. How Working Class Kids Get Working Class Jobs. Westmead, 1979.
- Williams R. C.* The Other Bolsheviks. Lenin and His Critics 1904—1914. Bloomington and Indianapolis, 1986.
- Wright E. O.* Class, Crisis and the State. London, 1978.
- Wright E. O.* Classes. London, 1985.
- Wright E. O.* Huomautuksia Kivisen luokkateoriaan // Tiede and Edistys. 1990. № 2.
- Wright E. O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge, 1997.
- Wuolijoki H.* Esipuhe // Gorki M. Tunnustus. Turku, 1908.
- Zaslavskaya T.* Socialism, Perestroika and Public Opinion // Sociological Research. 1992. № 4.
- Zdravomyslova E. and Temkina A.* Demonstrations in Russia: From the Official Holiday to a Protest Manifestation // Idäntutkimus. 1996. Vol. 3. P. 6—22.
- Zeitlin M.* Corporate Ownership and Control: The Large Corporations and the Capitalist Class // American Journal of Sociology. March 1974. P. 1073—1119.
- Zernov N.* Idän ortodoksinen kirkko. Kuopio, 1958.
- Yanowitch M.* Social and Economic Inequality in the Soviet Union. Six Studies. New York, 1977.

СПИСОК ТАБЛИЦ

- Таблица 1. Членство в организациях, представляющих классы: вчера и сегодня (%) 41
- Таблица 2. Социальные блага, предоставляемые трудовым коллективам в прошлом (10—15 лет назад) и настоящем (%) 106
- Таблица 3. Формирование классов в Советском Союзе и тип профессиональной подготовки 116
- Таблица 4. Пол и уровень доходов респондентов с различным уровнем самостоятельности труда (индекс: рабочий класс=100) в Советском Союзе в 1991 г. 132
- Таблица 5. Классовая структура в России, прибалтийских государствах и Финляндии (%) 137
- Таблица 6. Участие общественных классов России в приватизации 144
- Таблица 7. Отдельные характеристики положения классовых групп в России в 1996 г. (% или пятибалльная шкала) 148
- Таблица 8. Отдельные характеристики сознания классовых групп в России в 1996 г. 150
- Таблица 9. Образ жизни социальных групп в России и участие в культурной жизни (количество за год) 151
- Таблица 10. Поддержка партий социальными группами в российском обществе (%) 152
- Таблица 11. Альтернативные модели классовых отношений. 156

СПИСОК РИСУНКОВ

Рисунок 1. Типы структур элиты	69	
Рисунок 2. Политическая стабильность	71	
Рисунок 3. Структура российской культуры: бинарный код и несоответствие действительности	184	1
Рисунок 4. Первый аспект божественного в большевизме: наука	187	
Рисунок 5. Второй аспект божественного в большевизме: прогресс	190	
Рисунок 6. Третий аспект божественного в большевизме: развитие средств производства	198	1
Рисунок 7. Четвертый аспект божественного в большевизме: город	204	
Рисунок 8. Пятый аспект божественного в большевизме: пролетариат/иоменклатура	211	
Рисунок 9. Пятый аспект божественного в большевизме: пролетариат/новый средний класс	213	
Рисунок 10. Шестой аспект божественного в большевизме: партия	218	
Рисунок 11. Большевистский проект и его извращение	219	

210

0.

0.

3.

40

..32

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Глава 1. ВСТУПЛЕНИЕ	7
Первый пролог	7
Второй пролог	8
Глава 2. ВЛАСТЬ	22
<i>Распад Советской системы</i>	23
Двоевластие	24
Партия и советы	25
Стаиование одиопартийиой системы	26
Почему советы потеряли власть?	27
<i>Марксистская теория государства и проблема</i> <i>гражданского общества</i>	30
Основополагающие проблемы ленинской теории государства ..	32
Государство и гражданское общество	35
Был ли Маркс демократом?	38
Советский Союз и гражданское общество	40
<i>Отмирание права</i>	43
Правовой нигилизм	43
Защитники закона и порядка	45
Дорога к конституционному государству?	46
<i>Сталинизм</i>	47
Первое объяснение: массовое сознание	54
Второе объяснение: устойчивость властной системы	55
Третье объяснение: сталинская стратегия	56
Четвертое объяснение: культ власти	58
Покаяние и объяснение: оценка российской полемики о сталинизме	61
<i>Различные формы власти</i>	64
Элиты в Советском Союзе и России	68
Возникновение новой элиты	72
Различные формы власти в Советском Союзе и России: направления исследования	76

Глава 3. КЛАССЫ	82
<i>Общественные классы в социологии</i>	82
Гибель классов в Советском Союзе	82
Классовый анализ и Россия	84
<i>Классовая структура советского общества</i>	89
Теория социальной однородности	89
Власть нового класса	91
Социалистическая эксплуатация	93
Отчуждение и имманентная критика	95
Трудовой коллектив и его эрозия	98
Номенклатура и рабочий класс	108
<i>Проблема среднего класса</i>	110
Новый универсальный класс?	111
Язык среднего класса: критика и культурные отличия	114
Процессы в классовых отношениях	116
Профессионализация	118
Начальники и инженеры	124
Потенциальный средний класс?	133
<i>Новые процессы в классовых отношениях</i>	138
Различные формы приватизации	138
Революция управляющих в России	140
Судьбы среднего класса	146
Тенденции в классовых отношениях	155
Глава 4. КУЛЬТУРА	160
<i>Дореволюционные утопии: роль общественных классов в России</i>	160
Крестьянский мир	161
Великая и могучая Россия	162
«Что делать?»	164
Красная звезда коллективизма	167
<i>Божественное и земное</i>	171
Большевизм и православие	171
Ориентация на деятельность и божественное: Дюркгейм	174
Напряженный дуализм Российской культуры: Лотман	180
<i>Великая повесть большевизма</i>	181
Наука и демонизация реальности	185
Прогресс и хаос	188
Развитие средств производства и потребления	193
Город и сельский образ жизни	202
Пролетариат, номенклатура и средний класс	205
Партия и НКВД	213

Жизненные практики, священное и табу	218
Большевистский проект и его извращение	218
Любовь Алексеевна — советский гражданин	221
Диссидент	222
Противоречивые возможности и ограничения	225
Царство теней	225
Приватизация божественного	229
Новый проект гегемонии?	233
Глава 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	235
Эпилог	235
Социология	237
Левое движение	238
Россия	239
Приложение 1. Схема построения фокусированного интервью	242
Приложение 2. Классовый анализ как программа исследований	244
Приложение 3. Операционализация классовой структуры российского общества	252
Библиографический указатель	254
Список таблиц	266
Список рисунков	267

224

224

НЕ

А

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

1991

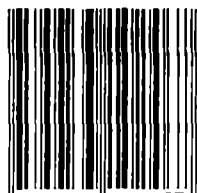
М. Кивинен

Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России / Перевод с английского М. Ф. Черныша — СПб.: Академический проект, 2002 — 272 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 37).

ISBN 5-7331-0246-2

№ Финский социолог М. Кивинен анализирует те фундаментальные социальные сдвиги, свидетелями и участниками которых мы стали в последнее десятилетие. Объектом его анализа становятся классовые, культурные, идеологические и пр. изменения в России. Вместе с тем автор поднимает целый ряд общетеоретических вопросов, особенно актуальных в связи с кризисом марксистской социологии и рабочего движения в целом.

ISBN 5-7331-0246-2

9 785733 102467